

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГРАФ
СЕРЕБРЯНЫЙ:
жизнь
и любовь
АЛЕКСЕЯ
КОНСТАНТИНОВИЧА
ТОЛСТОГО

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

АРМЕНИЯ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ ОБЪЯВИЛА русский язык иностранным. А единственным государственным языком, соответственно, остался армянский. Стоит ли нам этому огорчаться? Мол, опять русский язык «притесняют». Ведь могли бы признать его на худой конец вторым официальным. И именно такие предложения звучали еще недавно от целого ряда известных российских политиков.

Можно было домыслить: а вот еще бы и надавить в рамках Евразийского экономического союза, куда входит Армения. И вдруг — «прогнулись» бы? Кому-то, может, было бы приятно потешить свое политическое тщеславие. Только в долгосрочном плане это вряд ли принесло бы хороший результат. Насилие и прессинг тут вряд ли уместны. А предложение сделать русский вторым официальным языком применительно к сегодняшней Армении вряд ли можно считать реалистичным.

Русский является обязательным в армянских школах. Статус иностранного дает возможность сдавать по нему вступительные экзамены в вузы. По мере интеграции Армении в Евразийское экономическое пространство будет возрастать объективная потребность в русском языке (он рабочий для ЕвразЭС). Слава богу, в республике, в отличие от ряда постсоветских стран, не запрещают учебники по русскому языку и не ограничивают искусственно его преподавание. Наша страна использует имеющиеся возможности — и по линии фонда «Русский мир», и по линии Россотрудничества — для того, чтобы больше граждан

дружественной нам республики могли получить доступ к величайшим достижениям русской культуры, к русскому языку, изучать его. Поддерживая эти процессы, надо исходить прежде всего не из реализуемости и реалистичности поставленных целей. И понимать, что одними лозунгами и политическим прессингом тут мало чего добьешься. Все же речь идет о «мягкой силе». ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 На перекрестке истории

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

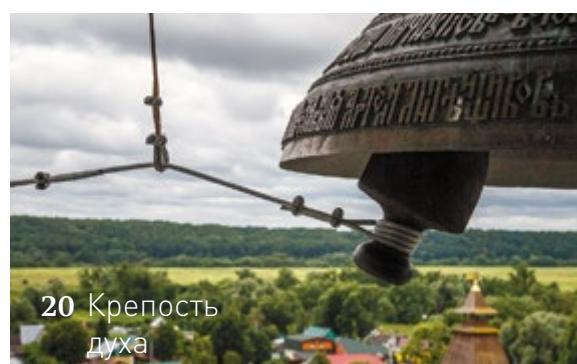
08 По следам австрийской «Кореи»

ИНТЕРВЬЮ

12 «Будущее нельзя придумать, оно берется из исторического опыта...»

ИСТОРИЯ

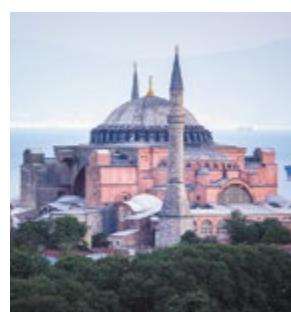
20 Крепость духа

30 К югу от Лимпопо

36 «Ешь щи с мясом, а хлеб с квасом»

42 Сердце Византии

52 «Смотреть, дабы все по указу было»

НАСЛЕДИЕ

56 Граф Серебряный

КУЛЬТУРА

62 «Звездный билет» из Китая

МУЗЕИ

68 Игра королей

ТРАДИЦИИ

74 Стекольная сторона

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

78 Письмо
маршалу
Ворошилову

ПУТЕШЕСТВИЕ
82 Ароматная
гавань

ГОРОДА РОССИИ

88 Коломенский: очерки глубинки

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СЕМЕНОВА
Галина УЛЬЯНОВА
Сергей ХОЛОДОВ
Ирина ШЕВЧЕНКО
Юлия ЭГГЕР

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

КОЛЛАЖ ОЛЕГ БОРОДИНА

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ВОПРОС О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ УЖЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ БУДОРАЖИТ МОЛДАВСКОЕ ОБЩЕСТВО. ДАЖЕ НАЗВАНИЕ ЭТОГО ПРЕДМЕТА В УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ СТАЛО ТЕМОЙ ОЖЕСТОЧЕННЫХ ДИСКУССИЙ, ОНО НЕОДНОКРАТНО ОБСУЖДАЛОСЬ В СТЕНАХ ПАРЛАМЕНТА И ПО СЕЙ ДЕНЬ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ ФИШКОЙ ПОЛИТИКОВ: ОДНИ ОБЕЩАЮТ ЕГО ЗАМЕНИТЬ, ДРУГИЕ – ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОХРАНИТЬ.

И СВЯЗАНО ЭТО С ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ ветром перемен: Молдавия, виноградной гроздью упавшая на географическую карту между Украиной и Румынией, не раз испытывала крутые повороты судьбы.

«ВОТ, НОВЫЙ ПОВОРОТ»

Новый поворот после 1991 года разделил общество на два антагонистических лагеря – «молдовенистов», или государственников, и «румынистов», или унионистов, сторонников объединения. Первые выступают за независимость и суверенитет Молдавского государства, говорят о молдавском этносе и молдавском языке, чтут молдавскую историю, неразрывно связанную с российской. Вторые не признают молдавскую

государственность, так как считают республику искусственным рождением советской эпохи, и выступают за возвращение Молдавии в лоно «матери Румынии». И, несмотря на то, что с 1991 года у власти в стране были то одни, то другие, школьный курс истории стал куском хлеба с маслом именно для «румынистов». За это время было написано и издано свыше 40 учебников, которые, утверждает доктор истории Сергей Назария, мало чем отличаются один от другого. Все их авторы убеждены, что самая правильная формула обучения связана с историей народа, а не государства. Вот почему в заглавии практически всех учебников фигурирует «история румын». Так же сегодня называется и школьный предмет.

Ассоциация историков и политологов Pro-Moldova, которую возглавляет Сергей Назария, даже подавала в суд на Министерство просвещения, протестуя против внесения в учебные программы этого предмета и требуя заменить его на «историю Молдовы» и «всесобщую историю». Однако жалоба не была принята к рассмотрению. Учебники по новейшей истории, написанные самим Назарием, какое-то время рассматривались в школах как альтернативные, ими можно было пользоваться на уроках. Но в 2009–2010 годах их исключили из процесса обучения. Причина, считает Сергей Назария, в том, что они воспитывают молдавский патриотизм и раскрывают взаимоотношения Молдавии с Россией в дружественном ключе.

ЧТО НЕ НРАВИТСЯ РОДИТЕЛЯМ

Мой сын окончил лицей почти пятнадцать лет назад. Его поколение было из первых, кто уже в четвертом и пятом классах начал изучать историю румын. Помню этот наскоро переведенный с румынского языка учебник под серой обложкой и с чудовищными грамматическими ошибками. Переводя для ребенка длинные абзацы с русского на русский и объясняя значение почти каждого слова, я непедагогично, а порой, каюсь, и нецензурно высказывала свое отношение к авторам этого «шедевра». Больше всего раздражал подход к предмету, замешанный на махровом национализме:

пятикласскам вдалбливали в головы, что Россия агрессор и ничего хорошего для Бессарабии не сделала. К счастью, этот учебник скоро изъяли из обращения.

Современные учебники, конечно, уже не такие националистически-макровые. Они изданы качественно, с картинками и таблицами, без грамматических ошибок и даже с налетом европейской утонченности. Но что касается роли России в истории края, картина остается прежней. «Экспансионистские планы», «агрессор», «большевистские эксперименты»...

– У меня ощущение, что мы находимся в суде, – говорит мать двоих детей, известная молдавская журналистка Елена Пахомова. – Все, что связано с российским периодом в бессарабской истории, а уж тем более с советским периодом в истории Молдавии, преподносится исключительно с точки зрения критики. Иногда авторы в запале даже противоречат сами себе. В учебнике «История румын и всеобщая история» для девятого класса на одной странице говорится, что, создавая в 1924 году Молдавскую АССР в составе Украины, СССР преследовал исключительно экспансионистские цели и никто не думал о народе. На соседней выясняется, что «вопреки целям советских властей» после создания национальной республики произошли положительные изменения в образовании, были созданы школы на национальном языке, учреждения для подготовки кадров. Я росла в советскую эпоху и окончила школу в 1995 году, в период ломки всех систем, когда шла активная борьба с «наследием проклятого социализма», в том числе и с историческим прошлым. Но на уроках в школе нам объясняли, что судьба страны сложная, что были перегибы, были провалы, но были и достижения. И в конце концов, говорили нам мудрые учителя, нужно понимать, что на историю существуют разные точки зрения. Современным школьникам этого не говорят. Но в них пытаются воспитать превосходство одной нации над другими, а это очень опасно.

ДВЕ СТРАНИЦЫ ПРО ВОЙНУ

– Молдавия, пожалуй, единственная страна в мире, где изучают не свою историю, а историю народа, проживающего на территории соседнего государства, – говорит историк и политолог Зураб Тодуа. – Даже в Яссах и Бухаресте такого предмета в школах нет. Там изучают не историю румын, а историю Румынии, почувствуйте разницу. В Молдавии тоже периодически пытаются изменить название школьного предмета и содержание учебников. Лет десять, с 2001 по 2010 год, изучали так называемую интегрированную историю. Это был такой компромисс. Но потом, как и в 90-х годах, все же верх взяли «румынисты». На самом деле это небольшая группа национальной интеллигенции, которая считает, что Молдавия должна войти в состав Румынии.

– Учебники истории, которыми пользуются в школах, представляют собой уникальные творения, – утверждает Тодуа. – Настоящая история препарирована там до неузнаваемости. Великая Отечественная война пострадала более всего. На страницах учебников вы не найдете этого названия. Там говорится о Второй мировой войне. На ее изучение отведена всего пары часов. В девятом классе дети узнают, что Красная армия провела, по большому счету, только три серьезные битвы: под Москвой, Сталинградом и Курском. Ни слова о масштабной Ясско-Кишиневской операции, в результате которой 24 августа 1944 года была освобождена сама Молдавия. Ни слова о том, что в боях на фронтах Великой Отечественной воевало около 400 тысяч уроженцев Бессарабии. Ни слова о холоксте на нашей территории, где погибло свыше 400 тысяч евреев. Понятное дело, у детей после такого подхода остается чрезвычайно поверхностное представление и о войне, и о других периодах истории, а также превратное впечатление о роли в ней России и СССР. И вряд ли является совпадением тот факт, что именно среди молодежи высок процент тех, кто спокойно относится к перспективам ликвидации государственности Республики

Молдовы. Именно в этой среде сторонники объединения с Румынией рекрутируют своих адептов и обещают массовые акции к столетию «Великого объединения», которое они намерены отметить в следующем году. Последствия, связанные с проблемами в сфере преподавания истории, будут сказываться много лет.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

– Мне известно, что многие родители детей, независимо от их национальности, дома занимаются, по существу, факультативным образованием детей, излагая им настоящую историю, на основе тех знаний, которые они получили в школе еще до экспериментов нового времени, – рассказывает Зураб Тодуа. – При этом они используют книги из своих домашних библиотек и покупают новые, которые еще можно найти в книжных магазинах. Но, конечно, усилия родителей, которым не все равно, какими вырастут их дети, не способны нивелировать негативные воздействия школьного курса.

– Нашей главной проблемой является не только осознание того, что против нас ведется настоящая интеллектуальная война, способная уничтожить нас как нацию, как народ, как государство, но и то, что мы сегодня неспособны предложить альтернативу, – убежден общественный деятель, председатель Общественного совета «За свободную Родину» Игорь Тулянцев. – И если кто-то всерьез думает, что достаточно изменить название образовательного курса, для того чтобы исправить ситуацию, то он глубоко заблуждается. Нужна серьезная содержательная работа по созданию курса истории Молдавии. Несмотря на все проблемы, в Молдавии растет число людей, которые интересуются реальной историей, а не ее политизированным клоном. Это заметно по посещаемости публичных лекций, по желающим побывать на экскурсиях, связанных с историей старого Кишинева – столицы Бессарабской губернии, по тем сотням тысяч человек, что поддержали акцию «Бессмертный полк». Вопреки всему реальная история остается.

ПО СЛЕДАМ АВСТРИЙСКОЙ «КОРЕИ»

АВТОР

ЮЛИЯ ЭГГЕР

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ АВСТРИЙСКОГО ГОРОДА САНКТ-ПЁЛЬТЕНА СТАРШЕ ПЯТИДЕСЯТИ НИЧУТЬ НЕ УДИВЯТСЯ ВОПРОСУ: «ТЫ БЫЛ В КОРЕЕ?» И, СКОРЕЕ ВСЕГО, ОТВЕТЯТ НА НЕГО УТВЕРДИТЕЛЬНО. «КОРЕЕЙ» ЗДЕСЬ НАЗЫВАЮТ МЕСТО, ГДЕ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НАХОДИЛСЯ ЛАГЕРЬ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И УГНАННЫХ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ. А ЗАТЕМ, ДО КОНЦА 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА, В БЫВШИХ ЛАГЕРНЫХ БАРАКАХ ЖИЛИ ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ КРОВА АВСТРИЙЦЫ И БЕЖЕНЦЫ, ВЕРНУВШИЕСЯ В РОДНОЙ, ПОЧТИ НАПОЛОВИНУ РАЗРУШЕННЫЙ ГОРОД.

П

ОСЛЕ ТОГО КАК ДЕревянные строения снесли, место быстро заросло лесом. С тех пор в «Корею», где отлично сохранились баракные фундаменты и подземный бункер,

в поисках приключений часто захаживала только местная молодежь. Минувшим летом деревья выкорчевали. Через несколько лет там появится жилой комплекс, а сейчас работают археологи.

ГОРОД БОЛЬШИХ ПЛАНОВ

От Вены до Санкт-Пёльтена всего 25 минут езды на электричке. Это один из древнейших городов Австрии, который из-за своего выгодного географического положения во все времена имел огромное стратегическое значение. Нацисты тоже имели на этот город большие планы. С приходом Гитлера Санкт-Пёльтен лишили статуса столицы федеральной земли Нижняя Австрия, но город должен был стать одним из крупнейших индустриальных центров бывшей Австрии, после аншлюса получившей название «Остмарк». Предполагалось, что там будут построены новые заводы, жилые дома и население маленького Санкт-Пёльтена увеличится с 38 тысяч как минимум до 100 тысяч человек. Сразу после аншлюса, в марте 1938 года, нацисты зачистили город от поли-

Недалеко от лагерной территории австрийские историки установили информационные щиты. На фото, сделанном в начале апреля 1945 года американской авиацией, бараки лагеря «Корея» (цифра 4) хорошо различимы. ©Юлия Эgger

тически неблагонадежных, потом от цыган, а в ноябре прокатились еврейские погромы. За несколько месяцев более 70 человек было казнено, сотни отправились в концлагеря и тюрьмы. Точно так же как к Вене, к Санкт-Пёльтену присоединили соседние поселки. Новый «Большой Санкт-Пёльтен» превратился в грандиозную стройку и огромный лагерь для пленных: архивные документы свидетельствуют как минимум о 25 местах города, созданных для ночлега так называемых «восточных» и других иностранных рабочих. Самым крупным из них стал лагерь, который в народе называют «Корея».

Когда и почему он получил такое имя – неизвестно. Вероятно, местные жители нарекли его так после войны – в 50-х го-

дах прошлого века, после начала военного конфликта в Корее. В немецких документах времен Второй мировой у лагеря нет названия, указан только адрес. На американской аэрофотосъемке начала апреля 1945 года поселение хорошо различимо. Расположение шести бараков напоминает фашистскую свастику.

ТОЛЬКО ТРУД

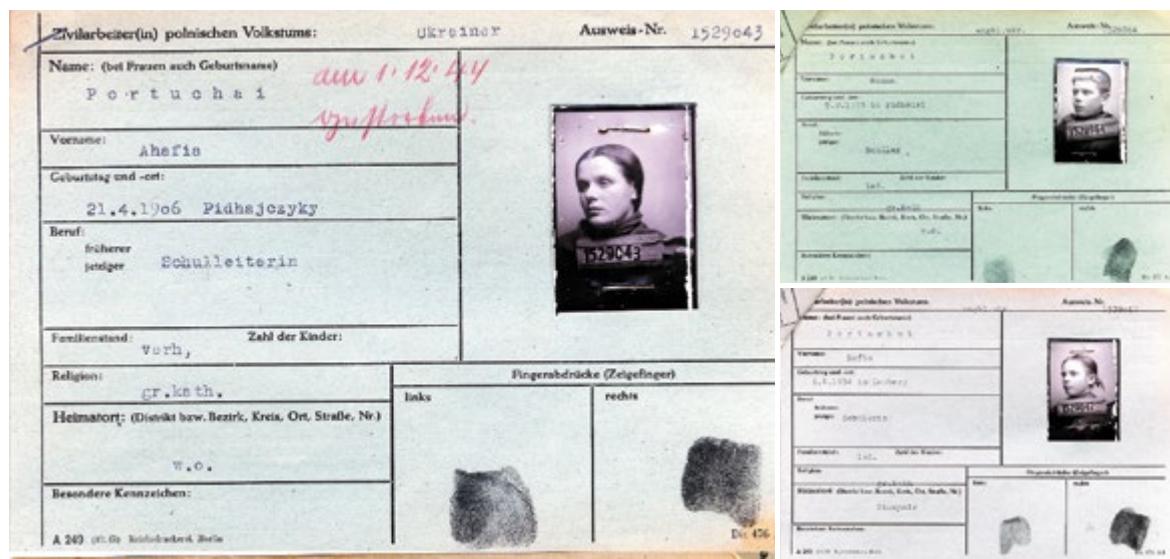
На Нюрнбергском процессе говорилось о 4 миллионах 978 тысячах советских граждан, угнанных в немецкое рабство. Сколько из них попало в Остмарк – пока неизвестно. Советских граждан с оккупированных территорий СССР начали доставлять в Санкт-Пёльтен уже с лета 1941 года, годом ранее в Австрию попали украинцы из оккупированного венгерски-

ми войсками Закарпатья, которое только в 1945 году войдет в состав СССР. В большинстве это были женщины, дети, мужчин было немного. Все они стали почти бесплатной рабочей силой, чей рабский труд использовался на строительстве автобана Зальцбург – Вена, проходящего через Санкт-Пёльтен, расширении железнодорожного узла, на военных предприятиях Третьего рейха. От них требовался только труд, тяжелый и изнуряющий...

Директора школы в Львовской области Агафью Портухай и ее малышей – 9-летнего Романа и 8-летнюю Софию – определили на работу на машиностроительный завод. Наталью Чернову из Харькова, которой в начале Великой Отечественной едва исполнилось 18 лет, отправили на химическое производство – фабрику по производству ацетатного волокна и поселили в расположенные недалеко от завода бараки лагеря «Корея»...

Имеющиеся документы свидетельствуют, что в «Корее» жили подневольные граждане СССР – уроженцы Армении, Белоруссии, России, Узбекистана, Украины, а также в разные годы пленные из Венгрии, Греции, Италии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии и других стран. С каждым годом их становилось все больше, что отвечало потребностям военной экономики Третьего рейха.

Агафью Портухай, в довоенное время директора школы из Львовской области, и ее малышей – 9-летнего Романа и 8-летнюю Софию определили на работу на машиностроительный завод. Мать умерла от тифа в 1944 году и была похоронена в братской могиле на Главном кладбище Санкт-Пёльтена. Дальнейшая судьба детей неизвестна. ©Архив Санкт-Пёльтена/ коллекция ИЦ «Память»

ТАЙНЫ «КОРЕИ»

О быте в лагере известно мало. Архивные документы свидетельствуют о том, что шесть бараков у реки Трайзен в разные годы вмещали до 600 пленных. Местные жители рассказывают, что лагерь был обнесен забором из колючей проволоки – его фрагменты сохранились там до сих пор, а вокруг лагеря была выставлена круглогодичная вооруженная охрана.

Редкие контакты между австрийцами и невольниками как «Кореи», так и двух соседних лагерей, для подростков и евреев, все же были. Они могли стоять и местным жителям, и заключенным жизни, но паровареных картофелин или детскую люльку, переданные в лагеря, были спасением. И все же большинство местных жителей предпочитали не обсуждать соседство с лагерем – слишком велики были шансы оказаться в гестапо как политически неблагонадежным, а потом отправиться в тюрьму или попасть в число тех, в отношении кото-

рых потом вынесут смертный приговор.

Археологические раскопки, начатые в августе этого года на территории лагеря, вряд ли смогут пролить свет на жизнь в «Корее». После освобождения Санкт-Пёльтена Красной армией в апреле 1945 года советские пленные оставались в лагере еще несколько месяцев вплоть до депатриации. Предположительно в мае 1946 года бараки опустели. Тут же там поселились и жили до конца 60-х беженцы, местные бедняки и австрийцы, чьи дома были уничтожены во время бомбардировок города в 1944 и 1945 годах.

Сейчас на месте лагеря хорошо различимы бетонные фундаменты бараков, простейшая система канализации. Под одним из зданий были оборудованы подвал и подземный бункер с кирпичным сводом. Не исключено, что это было административное здание лагеря. О тайнах лагеря археологи смогут рассказать только в следующем году.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

О бывших «восточных рабочих» в СССР несколько десятилетий не упоминали – это была не та правда о войне. В Австрии, как и в Германии, на долгое время тоже предпочли забыть, чей рабский труд использовался на заводах и стройках Третьего рейха, хотя только на волоконной фабрике в Санкт-Пёльтене, где работали жители лагеря «Корея», за шесть лет, с момента аншлюса 1938-го до 1944 года, производство продукции увеличилось более чем в четыре раза, а число рабочих – с 800 до 2200. Не вспомнили и в первое послевоенное десятилетие, когда машиностроительный завод Санкт-Пёльтена был включен Управлением советским имуществом в Австрии в советский пятилетний план. О том, кем были «восточные рабочие» и военнопленные в Австрии, как жили и как умирали, до сих пор известно немного. Уже несколько месяцев информацию о жите-

Сейчас на месте лагеря хорошо различимы бетонные фундаменты бараков, простейшая система канализации. Под одним из зданий были оборудованы подвал и подземный бункер с кирпичным сводом

©Юлия Эgger

В этой безымянной интернациональной братской могиле на Главном кладбище Санкт-Пёльтена в Нижней Австрии похоронены как минимум 197 пленных и угнанных на принудительные работы. 103 из них – советские граждане, в том числе женщины и дети

©Юлия Эgger

лях «Корей» и других лагерей Санкт-Пёльтена в архивах Австрии и России собирает некоммерческая общественная организация «Российско-австрийский исследовательский центр «Память». Пока у волонтеров больше информации о мертвых, чем о выживших в фашистском плену. Имена многих погибших пока не попали ни в одну Книгу Памяти, места захоронения некоторых из военнопленных и угнанных на принудительные работы в современных изданиях указаны с ошибкой, поскольку на момент их составления в распоряжении авторов не было документов, которые найдены теперь. ИЦ «Память» известно, что останки советских граждан, угнанных на принудительные работы и попавших в немецкий плен, лежат в братской могиле на Главном кладбище города. Их не экстремировали и уже никогда не перезахоронят на советском воинском захоронении в Санкт-Пёльтене, хотя бы по-

тому, что это интернациональное захоронение. В братской могиле погребено как минимум 197 человек. Из них 103, в том числе женщины и дети, – граждане СССР, 22 гражданина Венгрии, 14 граждан Румынии, 12 – Австрии, 10 – Польши, 7 – Греции, 4 – Югославии, 4 – Италии, 2 – Германии, 1 – Чехословакии. Информация о месте рождения остальных пока не найдена, но ИЦ «Память» удалось установить имена всех 197 человек, лежащих в безымянной могиле, в том числе место, дату рождения, дату и причину смерти всех советских граждан. Работа по поиску и обработке документов продолжается. К ней готовы подключиться и австрийцы – историки Санкт-Пёльтена. Возможно, это будет первый масштабный совместный проект города и ИЦ «Память», в результате которого на братской могиле появятся имена всех захороненных.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Агафья Портухай родилась в Львовской области Украины. До войны работала учительницей. Вместе со своими несовершеннолетними детьми она была угнана на работу в Германию и работала на машиностроительном заводе в Санкт-Пёльтене. Агафья умерла от тифа в декабре 1944 года. Что стало с дочерью и сыном – неизвестно.

В одной могиле с Агафьей похоронили 22-летнюю Наталью Чернову, уроженку Харькова. Она умерла в лазарете, куда по-

пала после смертельного выстрела в живот.

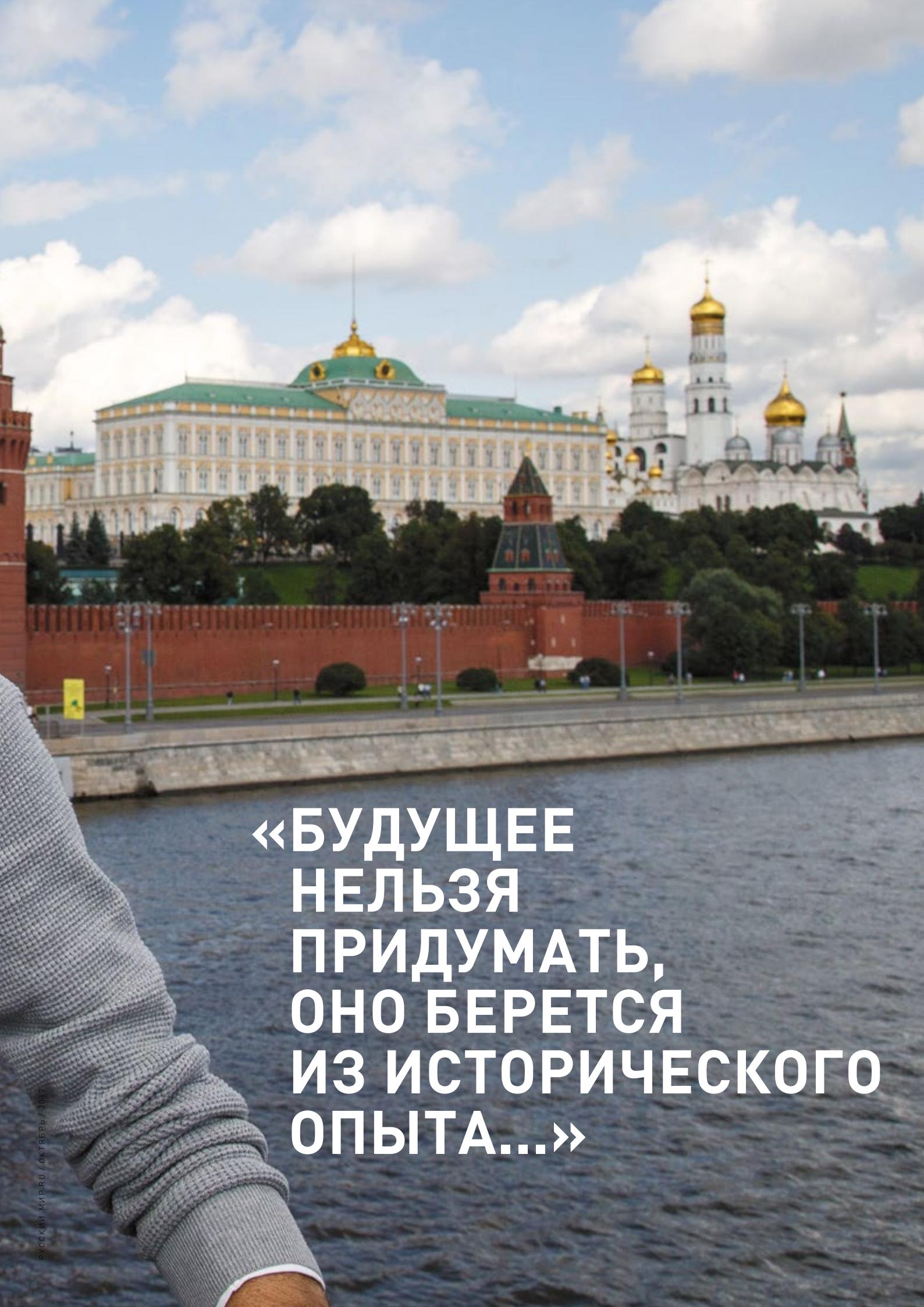
Уроженец Воронежа Матвей Мушкин был застрелен при попытке к бегству из лагеря, расположенного недалеко от Санкт-Пёльтена. Его останки покоятся в этой же безымянной братской могиле на Главном кладбище города.

Фома Свинаренко 48 лет, работавший на волоконной фабрике, выбрал свой путь к свободе – он совершил самоубийство, выпив смертельную дозу химиката. Вместе с ним похоронили грудного ребенка. Володя Иванов появился на свет в 1943 году в лагере в Санкт-Пёльтене. Через девять месяцев он умер от пневмонии.

Вера, Ирена, Роман, Улас, Толя, Мечала, Тихон, Люба и еще пять малышей из Венгрии и Румынии, самому старшему из которых было всего 10 лет, погребены в одной могиле с пленными взрослыми, погибшими от болезней, происшествий на производстве и во время бомбардировок. В нескольких метрах от незаметной безымянной интернациональной братской могилы с несколькими крестами из искусственного камня располагается кладбище военнослужащих вермахта. На нем есть еще как минимум три могилы советских граждан. Среди захороненных на этом участке – «восточные рабочие» Паула Суденкова и ее 7-летняя и 12-летняя дочери Карла и Вера. Вся семья погибла во время первой бомбардировки в пригороде Санкт-Пёльтена 26 июля 1944 года. Самая первая советская могила этого участка кладбища была заложена в ноябре 1941 года. В ней похоронен умерший от заражения крови военнопленный Кондрат Шнипко – стрелок попал в плен в июле 1941 года под Минском. Он прожил в лагере менее трех месяцев...

На советских могилах Главного кладбища Санкт-Пёльтена никогда не зажигали свечи, туда никогда не приносили цветов. Теперь будет иначе. ●

**«БУДУЩЕЕ
НЕЛЬЗЯ
ПРИДУМАТЬ,
ОНО БЕРЕТСЯ
ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО
ОПЫТА...»**

БЕСЕДОВАЛА

ФОТО

АРИНА АБРОСИМОВА

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ БЕРЕДИТ РАНЫ, КОТОРЫЕ, КАЗАЛОСЬ, УЖЕ ДАВНО ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫ ЗАТЯНУТЬСЯ. НА ПРОШЕДШЕМ 39-М МОСКОВСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЛЕНТА СЕРГЕЯ ДЕБИЖЕВА «РАСКАЛЕННЫЙ ХАОС» УЧАСТВОВАЛА В КОНКУРСЕ И ВНОВЬ ВЫЗВАЛА СПОРЫ О ТОМ, СУЩЕСТВОВАЛ ИЛИ НЕТ МИРОВОЙ ЗАГОВОР, ПРИВЕДШИЙ РОССИЮ К КАТАСТРОФЕ 1917 ГОДА. И ЭТО ОБСУЖДЕНИЕ ВО ВСЕХ ДЕТАЛЯХ ОБНАЖИЛО ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ОТНОШЕНИЕ К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ДО СИХ ПОР ЖИВУЩЕЕ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ.

— СЕРГЕЙ, ДОКУМЕНТАЛИСТИКА СЕЙЧАС ВОСТРЕБОВАНА, ИНТЕРЕС ОБЩЕСТВА К НЕЙ ВОЗРОС. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ?

— Люди сразу полюбили аттракцион под названием «кино». Но игровое кино себя изживает, потонув в ремейках и шаблонах, людей перекормили огромным объемом продукции. Безграничные возможности компьютерной графики, яркое, мощное изображение воспринимается мозгом пассивно. Гипервоздействие звука и спецэффектов при элементарной драматургии. Человек разочарован. Киноиндустрией он рассматривается как серая потребительская масса. А в документалистике все-таки присутствует правда жизни, что-то настоящее, тебя призывают к анализу и рассуждению.

— *Документальный фильм — это экранизация документа?*

— Это сложный, многообразный жанр, который, в отличие от игрового кино, имеет гораздо больше прав на существование. Именно по документальным фильмам будут судить о времени, в том числе о нашем. Мыслящий зритель понимает ценность этой правды. Он еще есть, на него и надо ориентироваться. Документальное кино дает возможность поделиться с людьми выводами, к которым я пришел в жизни, ответить на вопросы — что было, что есть и что будет?

— *Как и все медиаинструменты, документалистика пользуется технологиями манипуляции сознанием. И любую позицию можно в этом обвинить...*

— Манипуляция — просто слово неприятное. А разве школа не манипулирует сознанием детей? А церковь не манипулирует сознанием паствы? Можно манипулировать с чистым сердцем, светлыми помыслами, осознавая ответственность, понимая результат, к которому стремишься, ведя за собой людей. И тогда это уже воспитание, проповедование. Конечно, есть документалистика, навязывающая нам ложные идеи. Как и во всем, на этом поле есть и светлая, и темная сторона...

— Ваша картина «Раскаленный хаос» выполняет просветительские функции. Но есть ощущение некоторой избыточности информации, потому что непросто в ускоренном темпе все воспринять, тем более запомнить, но при этом понимаешь важность сказанного и показанного...

— Наш фильм — динамичный поток яркой, зрелищной информации, которая ошеломляет зрителя. Мы не обращались к чему-то архивно-скучному, намеренно избегая множества конкретных фамилий, дат, цифр, архивных формулировок... Мы создавали из фактов художественный образ.

— *И вы нашли сложный баланс между формой и содержанием. Закадровый голос транслирует цитаты из воспоминаний, дневников, переписки, выступлений без указаний «источника», и непонятно, чьи это слова. Насколько я, как зритель, могу доверять — авторитетно ли мнение или репутация этого человека подмочена? Как при отборе материала решался данный вопрос?*

— Если зритель найдет в этих словах соответствие собственным переживаниям и представлениям о событиях 1917 года, это наш зритель. Если же он находится на другой идеологической платформе, то, хоть миллион свидетельств ему приведи, он все равно останется на удобной для себя позиции. Я встречался и беседовал на камеру с уважаемыми экспертами — это религиозные философы, историки, академики РАН, представители русского зарубежья, князья Лобанов-Ростовский и Трубецкой, барон фон Фальц-Фейн, которому сейчас 105 лет и которого ребенком держал на руках Николай II... И даже в этой среде существуют разные мнения! Изучая тему более тридцати лет, я познакомился с большим массивом документов, свидетельств и могу себе позволить не быть корректным, показывая разные мнения на этот счет. Я выражаю собственное мнение: для меня трагедия 1917 года развивалась так, как показано в фильме.

– Характерная, если не сказать – провокационная, надпись на плакате «Факты изложены, исходя из представлений о них создателей фильма» как раз предполагает, что есть и другие представления...

– Конечно, есть, но я не трачу на них экранное время. Фильм сделан на основе моих представлений и соавтора сценария Игоря Воронина, заместителя редактора газеты «Монархист». Он также многие годы углубленно и профессионально занимается этой темой, написал книгу об Иване Солоневиче, одном из героев нашей картины, от лица которого ведется повествование.

– Вы давно работаете в таком богатом на творческие интерпретации пространстве, как постмодернизм. Ваш новый фильм относится к модному направлению – конспирологии. Не боитесь ли обвинений в «околоисторичности»?

– Любой исторический факт зависит от его интерпретации. Если мы смотрим на лист бумаги анфас, то видим прямоугольник, если – в профиль, то

видим линию. А это один и тот же лист! Понятно, что истории в рафинированном виде, факта в его рафинированном виде в принципе не существует. Существует только наше отношение к фактам. Тот, кто с нами не согласен, пусть приводит свои аргументы. На ММКФ наш фильм посмотрели не только зрители, но и представители российской и зарубежной прессы – вышли рецензии. Как я и ожидал, мнения разделились – от полного согласия с нашей точкой зрения до полного ее неприятия. Для меня эта поляризация мнений очевидна, как очевиден раскол в обществе. И здесь прослеживается влияние как раз событий 1917 года! Состоялась первая «цветная революция» на европейской территории, так называемая Февральская. История дала трещину, разлом прошел не только по судьбе страны, но и по нашим судьбам... Однако пострадавшие – не только мы! Этого многие, в частности за рубежом, не понимают, но вся мировая история в тот самый момент пошла по кривоколенному пути. Миньи, заложенные тогда, поэтапно взрываются в самых разных областях: как в политике

и культуре, так и в отношениях между людьми. И в нашем отношении к собственной Истории. И конца этому не видно...

– На пресс-конференции после показа фильма вы сказали, что если наше поколение не учтет ошибок прошлого, то и наши дети-внуки получат тоже самое наследство...

– Большинство полагает, что нужно жить настоящим. Я так не думаю. В фильме мы стараемся ответить на болезненные вопросы, связанные с историей, но ставим и новые, касающиеся будущего нашей страны: каким конкретно оно должно быть, в каком историческом опыте его искать? Почему об этом не задумываются те, от кого уже сегодня зависят конкретные решения?

– Вы долгие годы углублялись в историю, изучали ошибки прошлого, осознали их последствия... Вооружившись этой информацией, каким видите будущее?
– Это роскошный вопрос... Думаю, все начавшиеся тогда процессы никуда не делись – не снялись

с повестки даже мучительными 1930–1940-ми, Второй мировой, затяжной холодной войной, брежневским застоем, перестройкой, – а продолжаются до сих пор. Если схематично представить ситуацию до 1917 года, когда колоссальная, динамично развивающаяся, сильная Российская империя во всех смыслах превосходила Европу, то понятно, что именно из этого преимущества выросли все ее проблемы. До 1917 года никакие важные вопросы в Европе не решались без России.

– Екатерина II говорила, мол, без моего ведома ни одна пушка в Европе не выстрелит.

– И Александр III продолжил: «Европа может подождать, пока русский царь уедет рыбу». Как бы к этому ни относиться, но так оно и было. Есть карикатура в западном журнале XX века: сидит на троне большой страшный русский царь и за ниточки дергает маленьких европейских правителей. Есть карикатурные карты мира, где Россия доминирует во всех европейских делах. Это и раздражало ангlosаксов, которым необходимо

было ситуацию переломить. К сожалению, им удалось. Это сложнейшая система заговоров, которые наслаждались один на другой, а смыслом и целью было разделение и гибель России. Как минимум – раздробить, как максимум – уничтожить!.. С развитием технологий, прогресса развилась и система цивилизационного нигилизма, когда люди в совершеннейшем политическом цинизме не останавливаются ни перед чем, ничем не гнушаются ради достижения своих целей. Все пошло в дело: вливание огромных денег, подкуп депутатов Государственной думы и военных штабистов, внедрение агентов, убийства Столыпина, Распутина...

– В вашем фильме вскрываются практически все пункты зловещего плана: лживая пропаганда в печати по всем законам современной информационной войны, назначение Западом «лидеров русской революции» – Ленина и Троцкого, организация саботажа на фронте и в тылу, срыв поставок уже оплаченных российской казной британских боеприпасов, провокации с хлебом, вся логистика революции и, наконец, убийство царской семьи...

– Настоящий системный заговор! Сработал он еще и потому, что Россия представляет другой тип ментальности – она оказалась совершенно не готова к такому жесткому цинизму. Первая мировая война и сейчас трактуется как разногласие между Британией и Германией – и все. Однако с самого начала все было направлено против России. Европа выводилась из-под мощного влияния России и попадала в руки англосаксов. Америки в конечном счете. Это основная цель всех действий, и с этим нашествием мы сейчас столкнулись напрямую, в открытую. Не вернув своего влияния в современном европейском пространстве, Россия не сможет полноценно построить свое будущее. Над этим должны работать наши политики, мыслители и все мы, другого выхода нет. Мы же видим, что американское присутствие на европейской территории приводит к полной деградации культуры, экономики, основ жизни... Заметьте, простое человеческое счастье уже выносится за скобки! Не имеющая собственной культуры Америка не может и другим принести ничего, кроме тотально-го разрушения национальных традиций. Это, по сути, масштабная афера – и в политическом, и в эстетическом смысле. Вопрос – не только в повсеместных натовских базах, но, что гораздо серьезней, Америка закрепилась в мозгах, пытаясь всех убедить, практически насилино, что ее образ жизни – это прогресс, к которому нужно стремиться. Я считаю такой прогресс ложной идеей, особенно для нашей страны. Безответственность, оголтелая погоня за развлечениями, отсутствие углубленных знаний, неуважение к прошлому – вот что пропагандируется «прогрессом»! Россия же сильна своей инерцией, традицией, глубинной человечностью, великой культурой. Наши литература, живопись, музыка, история – неотъемлемая часть

нашего духа, сакральные нити, которые нас крепко связывают друг с другом. Осознание этой парадигмы даст нам возможность двигаться вперед, представить будущее, каким мы хотели бы его получить в реальности. Но будущее нельзя просто придумать: оно берется из исторического опыта. Главное здесь – гармоничное сочетание сильного государства, традиционной культуры и религии... Впрочем, это большая отдельная тема.

– Как вы сказали после фестивального показа, «эволюция лучше революции». Но если это две стороны одной медали – цивилизации, то можем ли мы, простые смертные, выбирать?

– Внутри общества продолжается нелепая свара. Одна система никак не может сменить другую. До сих пор мы испытываем трагедию раскола, который начался еще при Алексее Михайловиче Тишайшем и Никоне. Не говорю уже о Петровских реформах, которые ввергли Россию в кошмар псевдопреобразований... Я, к примеру, люблю Петербург, живу в нем, бесконечно ценю все, что он привнес в нашу культуру, но нельзя отрицать тот факт, что только в Петербурге, таким западном городе, могла произойти революция. Она не могла произойти в Москве или любом другом русском городе. Петровские реформы изменили вектор движения России, направив нашу историю по другому руслу. С Запада к нам пришли не примеры, а...

– Дурные примеры...

– Да! Недавно мне встретилась фотография храма Христа Спасителя, снятого не в фокусе, а за ним, уже в фокусе, возвышаются инфернальные башни Сити. Чудовищное внедрение в нашу культуру, в русскую эстетику чего-то совершенно не нашего! Сейчас Россия стоит на пороге своей новой истории, очередного возрождения. И декларация существования Русского мира нуждается в постоянном укреплении его позиций и основ, в конкретных действиях по его укреплению. Народ еще не осознал себя единым целым, а это необходимо для формирования полноценного, нашего собственного будущего. В Российской империи не было колоний, было единое пространство, многонациональная и многоконфессиональная общность с единым пониманием будущего – не цивилизационного, а собственного, без оглядки на «прогресс». И сейчас это понимание должно быть сформулировано в простых, ярких, прекрасных формулах и целях. Если, пройдя жесточайшие испытания, наша страна выжila – каким-то чудом! – значит, ее невозможно уничтожить.

– В советском периоде тоже была общность, единый народ, прекрасные, утопические цели формулировались в лозунгах просто и понятно... И что в итоге?

– Советскость – сложносочиненное понятие, которое невозможно объяснить логически... Счита-

ется, что революцию начинают делать романтики, служители великой идеи равенства, братства и свободы. Чисто масонская триада, кстати. Так называемая русская революция – это прорыв из ада! Целенаправленно, полностью уничтожалась традиция, история и культура – «до основанья». И «Черный квадрат» Малевича – символ обнуления, гибели культуры и искусства. Они хотели отменить мораль, внедрить концепцию свободной любви, национализировать женщин, отбирать детей, полностью уничтожили русский быт, государственное устройство – все, что формировалось тысячелетиями... Только к середине 1920-х им самим стало ясно, что так больше нельзя, иначе пропадет все. В целях самосохранения произошла сталинская перезагрузка с частичным возвращением исторических традиций, моральных ценностей. А пламенные большевики-ленинцы отправились на бойню. Но на основе лагерного рабства невозможно построить жизнеспособное государство. Потом придумали «социализм с человеческим лицом» – и снова тупик, потому что главное не экономика, не идеология, не уровень жизни, а культура, традиция и религия. Жизнь сама разберется, какой «изм» родить. Нельзя убрать фактор Создателя, влияния веры и религии на сознание общества. Большевики взяли религиозный концепт, но – без Бога. Поэтому ничего у них не получилось. Советскость – иллюзия того представления, что можно построить рай на земле. Я считаю, что земля – место испытаний, а не рая... Здесь много всего – и грязи, и дьявольских козней, и святости, и божественного сияния. Вот, европейская цивилизация приблизилась к такому раю – все есть, всего много, средний класс, развлечения, радость потребления, но, оказывается, это еще и «средний» пол, и «детей отнять», и болеть – «дорогое удовольствие», и «однополые браки – это прекрасно!»... И тут приходит сильная, совершенно другая религиозная конструкция, которая заставит этот европейский рай агонизировать. Сейчас мы это наблюдаем, можно сказать, в прямом эфире. Нам, с нашим опытом создания социализма, уже понятна утопичность этой идеи. Ни либералы, ни социалисты, ни националисты, ни нацисты, ни демократы ничего не добились. Необходима какая-то другая политическая система, в которой нет места иллюзиям. Меня удивляют наивные попытки всеобщего примирения: дескать, давайте все вместе договоримся, забудем прошлое, а возьмем из Российской империи, из Советского Союза все хорошее, все это замесим и прекрасно заживем... А пазлы не лезут друг в друга, и надо это уже понять. Сколько можно в этом инфантильном состоянии пребывать? Не получается создать кентавра, не живет он. Почему завлекательный советский проект не сработал? Почему его нельзя совместить с российской имперской мечтой? Хотя обе модели имперские, но не срастаются...

– *И получается, что, с одной стороны, расколото общество, а с другой – примирение невозмож но! «Что делать?» – спрашивает псевдоклассик...*

– Действительно, большой вопрос! Умом, сердцем, душой понимаю: тысячелетняя история нашей страны неотделима от монархии. Да и теперь, можно сказать, повезло – двадцать лет живем в спокойствии... Но противники России все еще сильны и коварны. Как противостоять? Для начала разобраться с собственной судьбой, представить, сформулировать и всенародно озвучить цели государства. Общество должно знать и ясно представлять свое будущее. И тогда люди смогут спокойно заниматься своими делами, семьей, рожать детей, строить дома...

– *Вы – представитель питерского андеграунда эпохи брежневского застоя. Сейчас многие сожалеют о том времени: зря мы были недовольны, ведь все было хорошо. И ваша замечательная группа единомышленников тоже занималась «подстрекательством», точила идеологическую щель. Сто лет назад романтики пели: «Весь мир насилия мы разрушим», вы пели: «Перемен! Мы хотим перемен!» И они сломали, и вы сломали. И были жертвы... Параллель напрашивается сама собой. То, что вы построили, вам же и не нравится, но потеряли то, чего не вернуть. Почти все постаревшие революционеры, оставшись у разбитого корыта, осознают ошибочность своего переворота. Лично у вас есть такие мысли?*

– Брежnevское время было достаточно спокойным, вроде какие-то, хоть и унылые, ценности существовали, но тотальная неправда очень раздражала. Если говорить слово «мы» – а это было сообщество индивидуумов! – то мы не пытались делать никакой революции, просто не могли мириться с ложью, жить внутри нее. Хотелось свободы творчества, свободы самовыражения, и наши действия не были радикально-революционными. Я уверен, эти «мы» совершали ошибки. Сейчас я более негативно отношусь к рок-н-роллу, нежели тогда. Не видел в нем той опасности и демонически деструктивной энергии, влияния на культуру, как вижу это сейчас. Но в России даже рок-н-ролл становился русским, осмысленным. Вспомните, что пели Борис Гребенщиков, Виктор Цой, что создавал Сергей Курехин... Все пропускалось через русскую идею! У нас же не было никакого плана. Это было стихийное неприятие лжи, которую нам преподносил «Совдепия» как истину. Борьба была не с Родиной, а с системой. И подточили эту систему в гораздо большей степени Курехин, Гребенщиков и Цой, нежели Горбачев. Перестройку сделали они, а вот ответственность за то, что всешло не так, лежит как раз на таких людях, как Горбачев и Ельцин. А последствия, конечно, могли быть другими, с более мягким выходом из кошмара 1991 года, который был очередным витком кошмара 1917-го.

Это звеня одной цепи, потому что мы отправились не в русскую историю, не в русскую традицию, а сдались на милость победителей в холодной войне. Мы потеряли не только темп и время, но и колоссальное количество сил, энергии людей, которые могли бы уже к нынешнему периоду нашей истории наверстать упущенное. Нам бы не пришлось разгребать проблемы, связанные с Украиной, Грузией, Нагорным Карабахом, Прибалтикой, Польшей, Ближним Востоком... Мир был бы другим! Россия поднялась бы быстрее, имела бы большее влияние. А души и мозги людей не были бы утоплены в сегодняшней квазикультуре. Чистый дух важнее и сильнее политики.

— В фильме вы используете образ и атрибуты театра как форму. Но кто в этом театре — зритель? Мы, сегодняшние, или спонсоры русских революций?

— Как режиссер, обращаясь в том числе и к западному зрителю, я применяю понятный

способ изложения. Хочется, как водится, сказать: да, вся жизнь — театр, все мы здесь — актеры, каждый играет свою роль. Но сто лет назад наши враги, потирая руки, смотрели, как их створ привел к желаемым результатам, а сейчас смотрят и думают: ну, если до конца не получилось, то зайдем с другой стороны... Договориться с geopolитическими противниками не получится. Сдаться им по всем направлениям мы пробовали, но приемлемых результатов это не дало. Теперь нам нужно достичь такого уровня духовной, моральной, физической силы, когда они не смогут оказывать на нашу страну давления. И уже не будут смотреть, как в театре, на еще один эксперимент над Россией. Они должны быть готовы к тому, что их извращенное, «прогрессивное» сознание будет испытывать с нашей стороны обратное давление. Когда паритет этих давлений дойдет до договоренности не лезть в дела друг друга, тогда можно формировать не только свое, но и общее международное будущее.

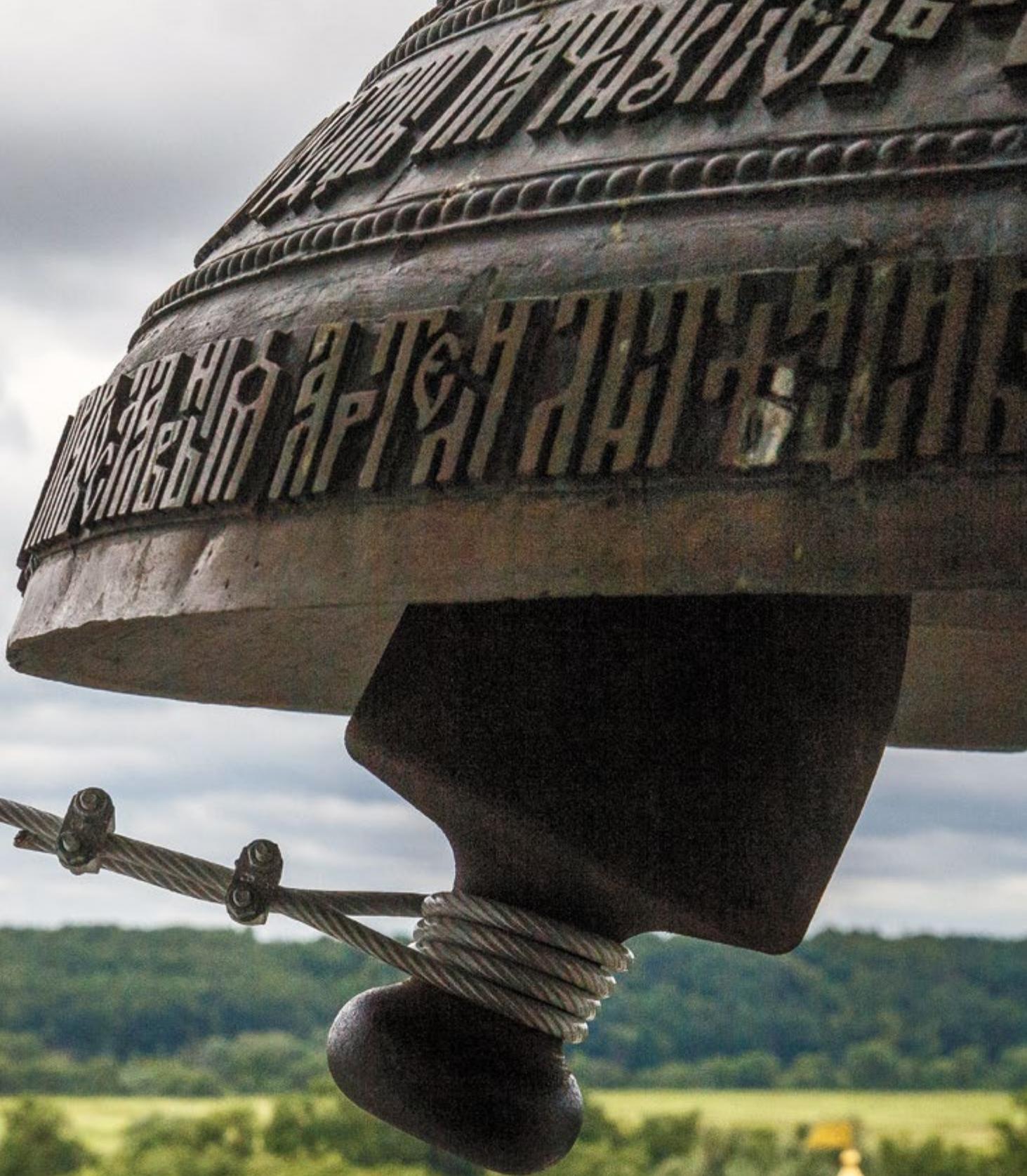

КРЕПОСТЬ ДУХА

автор

ДМИТРИЙ РУДНЕВ **ФОТО**
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПОРОЙ СУЩЯ МЕЛОЧЬ – ПОВОРОТ РУЛЯ –
МОЖЕТ ПРИНЦИПИАЛЬНО ИЗМЕНİТЬ ВСЕ. ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ
ПУТЕШЕСТВУЕШЬ ПО ХОРОШО ЗНАКОМЫМ МЕСТАМ. В БОРОВСКЕ
Я БЫВАЛ НЕОДНОКРАТНО И НЕ ПОМНЮ, ЧТОБЫ ОН ПРОИЗВОДИЛ
КАКОЕ-ТО ОСОБОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ. КАК ГОВОРЯТ, НЕ «РАСКРЫВАЛСЯ»
ГОРОД. Но в этот раз, вняв случайному совету, я повернул руль
влево, и Боровск со всеми своими окрестностями
вдруг заиграл новыми красками...

AВЕДЬ ПОЕЗДКА НЕ задалась с самого начала. Лил дождь, и чем дальше мы уезжали от Москвы, тем сильнее он становился. Дворники без передышки метались по лобовому стеклу, а мы поминали всеми известными словами синоптиков и безнадежно фантазировали: как бы исхитриться и сделать хотя бы несколько фотографий достопримечательностей Боровска? И тут я упомянул Пафнутьев-Боровский монастырь. «Вон, через 300 метров поворот на него, — сказал Саша, глядя в навигатор, — поворачивай, что потом-то куролесить?» А действительно, подумал я и повернул руль влево... Пока мы ехали полтора километра по улице Большой, состоящей из деревенских домиков, дождь превратился в моросящее недоразумение. А когда мы припарковались под могучей Знаменской башней Пафнутьев-Боровского монастыря, он стих совсем. Миновав поредевшие во время разгула стихии ряды цыганок у ворот, мы вошли во двор обители. И заулыбались. Ребятишки носятся, бабушки коврижки продают, паломники прогуливаются, под кустом сирени разлеглась черно-рыжая кошка, вокруг которой копошатся пять-шесть котят. Мы приободрились: чутые подсказывали, что получить разрешение на съемку в монастыре будет нетрудно. А такое, между прочим, нечасто бывает, не звезд такие переговоры проходят гладко. Однажды меня гоняли по монастырю из конца в конец — от одной матушки к другой, поскольку свет в соборе включается только по благословению, а вспышкой «светить нельзя». Так что каждый раз, когда нужно договариваться о съемке в монастыре, приходится внутренне собираться и просить Того, с чьими служителями предстоит общаться, чтобы эти самые служители снисходительнее относились бы к таким бесполезным, но все-таки божьим созданиям, как журналисты...

Святые врата.
Монастырь
начинается с них

НУЖНАЯ КАЛИТКА

Во вратарне молодой трудник с длинной бороденкой и собранными в косицу волосами взголововался при слове «журналисты» и сбивчиво объяснил, что договориться о съемке не проблема: надо пойти в подклет колокольни и найти там «специального человека», который дает на съемку разрешение. Беда была в том, что входов в подклет несколько. Устав объяснять, какие из них нам не нужны, преисполненный доброжелательности трудник махнул рукой: «Да что там говорить, я сейчас нарисую!»

Прикинув, что дверей в подклет не должно быть более четырех, я поблагодарил трудника и уверил его, что все понял и рисовать ничего не надо. Мы

А внутри
встречает
не совсем
типичная жизнь.
Вот, отведите
монастырского
хлебушка

двинулись в сторону колокольни. Первая же дверь, в которую мы сунулись, естественно, оказалась не той. Уверен, вратарь, которому из его будки все прекрасно было видно, смотрел на нас в этот момент печальными глазами бассет-хаунда. Мы завернули за угол. Здесь тоже была дверь, и, поднявшись по кирпичным ступеням, мы попали в чудесный притвор, расписанный старыми фресками. Кое-где они были повреждены сыростью, кое-где штукатурка осыпалась, но мы как завороженные ходили и разглядывали прекрасную роспись стен.

Здесь не было ни души. Двери, ведущие из притвора в глубь трапезной, были заперты, правда, в конце галереи мы увидели небольшую каменную лесенку. Но дверца, к которой она вела, была украшена надписью «вход строго по благословению», и мы, не имея оного, ретировались.

За следующим углом пряталась третья дверца. На сей раз нам повезло. Мы протиснулись в узкий проем и прошли по коротенькой галерее, в конце которой стояла маленькая конторка. За ней сидел добродушный седобородый мужчина в мяты

афонской скуфейке, представившийся Александром. Пока мы объясняли ему, кто мы такие и почему его беспокоим, он с интересом разглядывал нас сквозь стекляшки очков. Не дослушав, Александр выписал нам целых две бумажки, разрешающие фотографировать на территории монастыря, зачем-то вручил мне ламинированную табличку с надписью «паломническая служба», попросил подождать минут пятнадцать и пообещал все нам показать. В ожидании нашего проводника мы решили прогуляться по монастырскому двору...

ВНУК БАСКАКА

Свято-Пафнутиев Боровский мужской монастырь из тех обителей, о которых знают вроде бы все более или менее образованные люди. Но, как часто бывает в таких случаях, знание это довольно условно: понятно, что монастырь был основан преподобным Пафнутием Боровским на окраине города Боровска в Калужской области. А что еще? История – это коварная bestия, она подкидывает сюрпризы лишь тем, кто действительно пытается разобраться в хитро-сплетениях событий и судеб, из

Притвор
и фрески
XVI века

которых и возникает кружево жизни – и страны, и отдельного человека...

Во второй половине XIV века один из татарских баскаков по неведомым причинам решил принять православие и остаться на Руси. То ли за крещение, то ли за какие другие заслуги бывшему баскаку, который стал Мартином, было пожаловано сельцо Кудиново. Здесь в конце того же XIV столетия и родился его внук Парфений. В 20 лет Парфений уходит в монастырь Покрова Божией Матери, расположенный неподалеку от Боровска, где принимает постриг с именем Пафнутий. Здесь он проводит двадцать лет, проходит все стадии монашеского послушания, а наставником его становится Никита Серпуховский – ученик преподобного Сергия Радонежского. Пафнутия избирают игуменом обители, и вскоре слава о новом подвижнике расходится по городам и весям. Около 1440 года игумен сильно захворал и, подозревая, что от болезни уже не оправится, принял Великую схиму. Однако выздоровел. А затем в течение четырех лет вместе с одним из своих учеников скитался по разным обительям.

А прямо
под ними –
паломническая
служба, где за
старой конторкой
сидит трудник
Александр

В 1444 году Пафнутий вернулся на берег Протвы и неподалеку от монастыря Покрова Божией Матери основал свою обитель – Рождества Пресвятой Богородицы. Здесь он прожил еще три десятилетия и скончался в возрасте 82 лет. Последние восемь дней жизни Пафнутия описал его келейник и ученик Иннокентий. Его «Сказание о кончине преподобного Пафнутия Боровского» академик Дмитрий Лихачев считал «литературным чудом» XV века...

В числе прочих учениками Пафнутия в Боровском монастыре были два брата. Один из них позже прославится как блестящий церковный писатель и подвижник, станет основателем другого знаменитого монастыря, будет, как и его учитель, канонизирован и войдет в историю под именем Иосифа Волоцкого. Его младший брат напишет знаменитое «Житие преподобного Пафнутия Боровского» и станет архиепископом Ростовским, Ярославским и Белозерским Вассианом Саниным.

Здесь же, в Боровском монастыре, в начале XVI века примет постриг и будущий святитель, ми-

Образ
Спасителя,
который
специалисты
относят к школе
Дионисия

трополит Московский Макарий, обладавший огромным влиянием на Ивана Грозного. До того как стать предстоятелем Русской церкви, он послужит игуменом Лужецкого Богородицкого монастыря и архиепископом Новгородским и Псковским. На новгородской кафедре Макарий помимо всего прочего займется реставрацией древних храмов и впервые соберет все книги «в русской земле чтомые». Так появится первая редакция знаменитых 12-томных «Макарьевских миней»...

ЧТО ЗНАЧИТ «СИДЕТЬ» В ТЮРЬМЕ

Александр повел нас по самому нижнему этажу трапезной колокольни, в которой устроен небольшой музей. Когда в 1923 году Боровскую обитель закрыли и организовали здесь исправительную колонию, монахи умудрились кое-что спрятать в потаенных уголках монастыря. При реставрации 1955–1975 годов эти вещи были найдены. Сегодня здесь выставлены иконы, плащаницы, старинные фотографии.

Почти напротив
фрески хранятся
надгробные
плиты старого
монастырского
кладбища

«Наш собор Рождества Богородицы расписывал выдающийся московский иконописец XV века Дионисий. – Александр остановился перед аркой, соединяющей два помещения подклета. На люнете сохранилась фреска Спаса Нерукотворного. – И от тех его работ – он трудился здесь не один, а под руководством старца Симонова монастыря иконника Ми-

трофана – до нашего времени дошли лишь фрагменты, которые сейчас хранятся в Музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева в Москве и Боровском филиале Калужского краеведческого музея. Но в монастыре сохранился этот образ, он написан после смерти Дионисия, в начале XVI века. И некоторые искусствоведы полагают, что

Голуби
в монастыре
чувствуют
себя даже
комфортней,
чем кошки

А узникам,
томившимся
здесь, было
несладко

это работа учеников великого мастера».

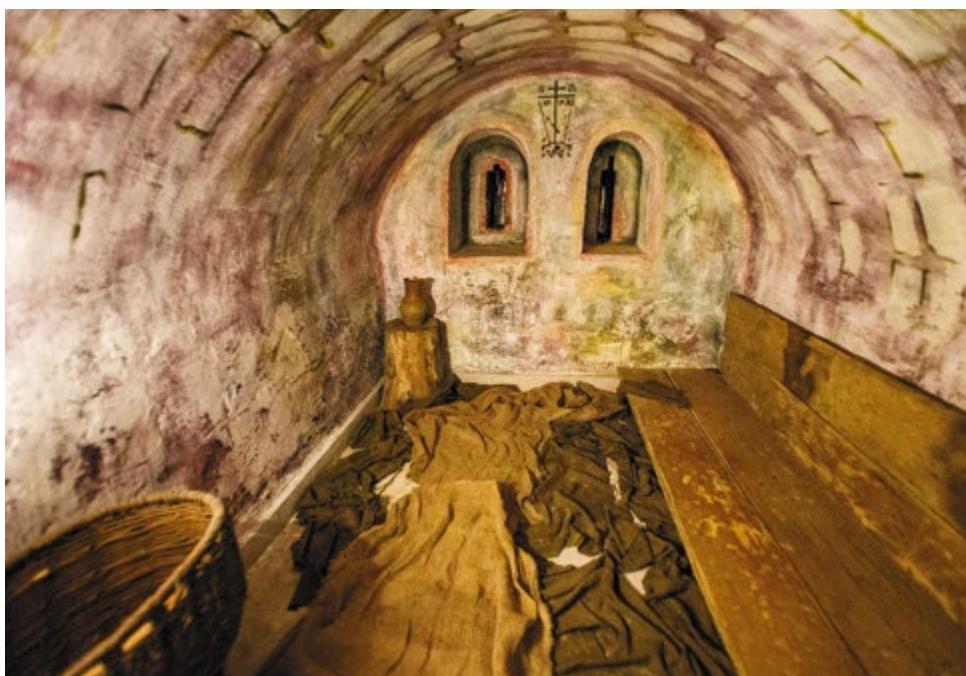
Нижний этаж, на котором расположен музей, изначально использовался в хозяйственных целях. А они в некоторых монастырях были порой довольно специфическими. В юго-западном углу музея находится еще один интереснейший «экспонат» – настоящая «заточная» келья. Говоря по-современному, тюремная камера. Протиснуться в ее дверной проем очень трудно. Высота самой камеры – чуть более полутора метров, потолок – сводчатый. Длина помещения – метра три, а ширина – метра два. «Один посетитель нашего музея, – усмехнулся Александр, глядя на наши ошарашенные лица, – сказал так: теперь я понимаю, что значит «сидеть» в тюрьме».

Да уж, стоять в такой тюрьме – невозможно.

Вполне вероятно, что здесь отбывал наказание ученик и келейник Максима Грека Афанасий. Сам преподобный Максим Грек, переводчик и блестящий публицист, на Поместном соборе 1525 года был обвинен в сношениях с турецким султаном, ереси и порче богослужебных книг, отлучен от причастия и заточен в Иосифо-Волоцкий монастырь...

А в 1666 году в Пафнутьев монастырь сослали несгибаемого духовного лидера старообрядцев, знаменитого протопопа Аввакума. Не исключено, что и ему довелось «посидеть» в этой камере: как писал сам протопоп Аввакум, в Пафнутьев-Боровском монастыре его «заперши в темную палатку, скованна, держали год без мала».

И ведь совсем недалеко отсюда, в самом Боровске, содержались в заключении Феодосия Морозова и Евдокия Урусова – известные сподвижники протопопа Аввакума. Обе они скончались в 1675 году в Боровском остроге от голода и истощения. Сегодня на месте их предполагаемого заключения стоит часовня...

ХРАМ И БОЛЬНИЦА

Пафнутьев-Боровский монастырь сохранил в своих стенах не только память о преподобном Пафнитии, великом подвижнике земли Русской, не только его святые мощи, но и память о бытовой истории наших предков.

Вот в такое место нас и повел Александр. На карте монастыря оно обозначено как храм Пророка Илии. Но это совсем не простая церковь.

Это здание строилось в несколько приемов, его историческое ядро – миниатюрная Ильинская церковка. Благодаря выписке из вкладных книг монастыря известно, что в 1670 году 500 рублей на строительство в Боровской обители каменной церкви с больницей пожертвовали княгиня Мария Мироновна и ее сын, князь Иван Борисович Репнин.

Больницу пристроили к храму с западной стороны. В стене, разделяющей оба помещения, сделан большой проем, через который больные могли слушать службу, не покидая кроватей. Позже с юга к Ильинской церкви была пристроена трапезная с кухней.

Интересно то, что весь этот комплекс является полноценную больницу в том виде, в котором они существовали в нашей стране, например, во времена расцвета земства: строились больничные палаты, к ним примыкали служебные помещения, а завершалось все обязательным элементом – домовой больничной церковью.

Место для строительства храма и больницы было выбрано не случайно. Здесь, в северо-восточной части монастырского двора, по преданию, были похоронены защитники обители, павшие во время резни, устроенной поляками в 1610 году. Предание, кстати, оказалось правдой: в 1955–1960 годах в этом месте монастырского двора рыли траншеи для укладки водонапорных труб и обнаружили то самое кладбище. Теперь здесь стоит каменный поклонный крест...

Храм Пророка
Илии и больница
XVII века

КРОВЬ НА БЕЛЫХ КАМНЯХ

В 1610 году Лжедмитрий II наступал на Москву со стороны Калуги. На пути его войска стояли Боровск и Боровский монастырь. Городской острог был основательно потрепан еще в 1607 году, во время освобождения Боровска от банд Болотникова, так что присланный сюда царем Василием Шуйским воевода, князь Михаил Волконский Хромой, принял решение держать оборону, укрывшись за

мощными стенами Пафнутьев-Боровского монастыря.

В обитель стекались жители окрестных деревень, испуганные горожане и отряды, верные царю Шуйскому. Всего, указывает «Новый летописец», набралось около 12 тысяч человек, однако сколько из них были ратниками – сказать сложно. Поначалу благодаря грамотно выстроенной Волконским обороне все складывалось вполне благополучно для защитников обители. Но на десятый день монастырь пал. Как сообщает «Новый летописец», осаждающие смогли ворваться в крепость из-за предательства воевод Якова Змиева и Афанасия Челищева, открывших в Тайницкой башне вылазную калитку.

Жестокий бой развернулся прямо на территории монастыря. И хотя защитники обители сражались до последнего, силы были неравны. Все закончилось страшной резней. Князь Волконский с остатками своих воиновился в дверях собора Рождества Богородицы, но был ранен и попытался спастись внутри храма – у алтаря. Убийцы настигли его возле север-

Ступени,
ведущие
на стену,
по высоте
больше среднего
человеческого
шага. Так люди
по ним быстрее
спускаются
и поднимаются

ных алтарных дверей и изрубили в куски.

«Все 12 тысяч спасавшихся в монастыре людей, в том числе около полусотни монахов, были погублены, спаслись только несколько человек. – Александр провожает взглядом огромную стаю голубей. Они мечутся над братским корпусом от собора до стены и наконец усаживаются на могучие закомары храма. Мы стоим на монастырской стене, с которой вся обитель как на

ладони. – Видите, – продолжает наш провожатый, – вон, под крышей собора, если присмотреться, видна пара маленьких окошек? За ними маленькая тайная комната в стене храма, в которой затаились и переждали резню те самые несколько человек».

Все, что могло сгореть в монастыре, все сгорело. Большой пожар губителен и для каменных строений, видимо, в 1610 году он серьезно повредил ста-

Монастырский собор построен царем Федором Иоанновичем. И убранство собора поистине царское

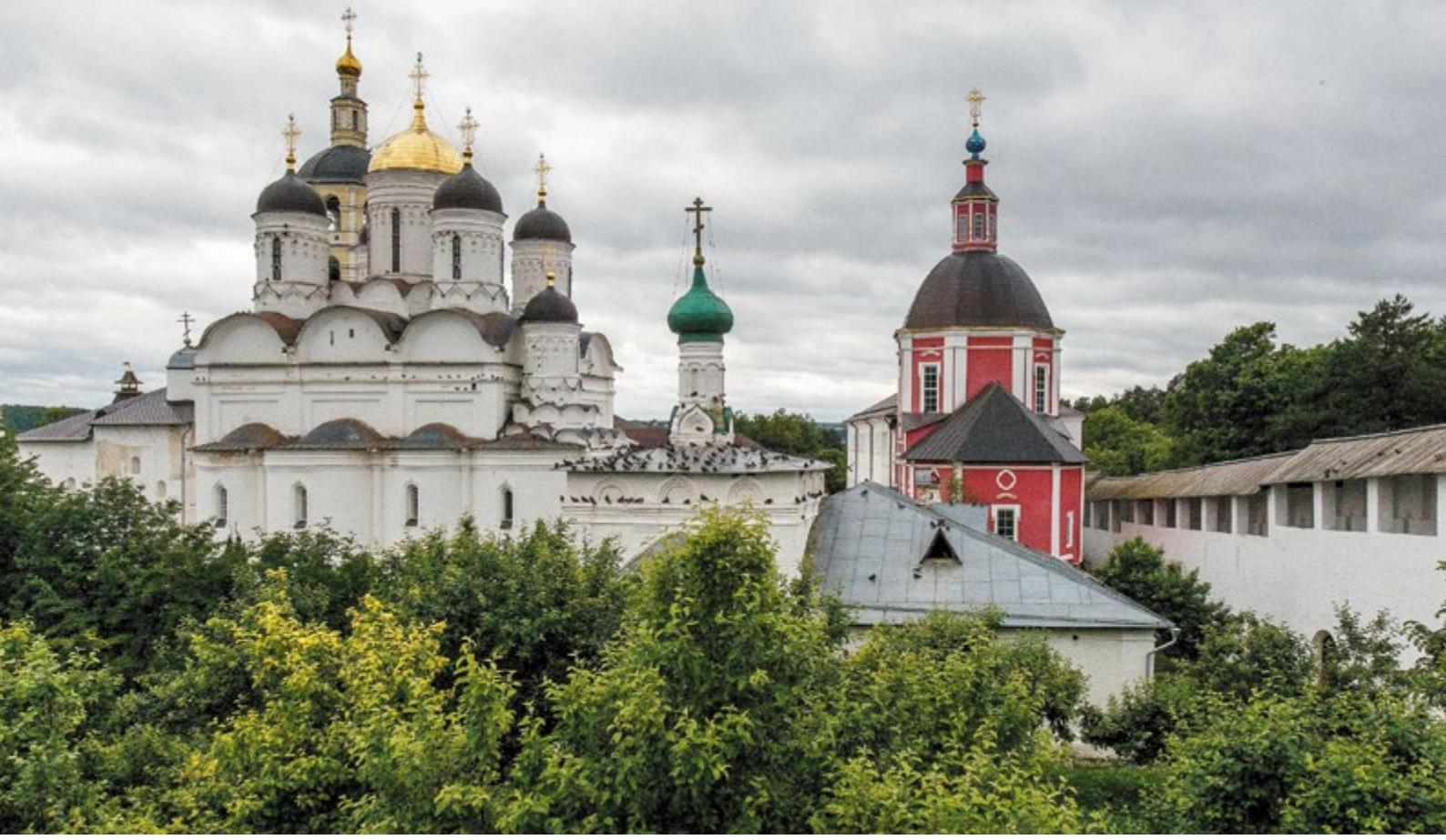
рые стены, поскольку в XVII веке в монастыре были построены новые. Невредимой осталась лишь Круглая башня, которую включили в новую систему укреплений.

Пока мы возвращались к лестнице, по которой поднялись на стены, Александр открывал новые тайны монастыря. «В древности фундаменты под большие здания делались особым образом – в землю вбивали дубовые бревна. На них уже клади камень и дальше возводили стены. Если бревна находятся в сыром грунте, то могут пролежать в нем столетия. Если же грунт подсыхает, то бревна очень быстро гниют. И вот эти пруды, что находятся за монастырской стеной, регулировали уровень грунтовых вод. При восстановительных работах в нескольких местах найдены колодцы, которые позволяли за этим уровнем следить и, если почва достаточно сырая, спускать пруды, а если подсохла, то наоборот, закрывать плотины и увлажнять почву».

Обойдя собор Рождества Богородицы, мы заметили пристроенную к нему крошечную

Боевая галерея.
Боровский монастырь в свое время был грозной крепостью

церковку. И она появилась здесь неслучайно. В старину устав Свято-Пафнутьева монастыря запрещал женщинам даже появляться на территории обители. Но кое для кого было сделано исключение. Монастырю покровительствовал не только царь Федор Иоаннович, но и его супруга Ирина, сестра Бориса Годунова. Поэтому при возведении собора Рождества Богородицы с юга к нему пристроили маленькую церковь в честь великомученицы Ирины. Здесь царица Ирина молилась отдельно от братии монастыря.

Заглянув в собор, мы снова возвращаемся к звоннице. «Вот, видите, – говорит Александр, показывая на цоколь здания, – здесь очень заметно, что по подклети пошел разлом. Когда монастырь закрыли, кому было следить за уровнем воды в колодцах? Вот и стали подгнивать дубовые сваи, и здание «поплыло». Сейчас, конечно, уровень воды держится там, где надо, да и под колокольню залили достаточно бетона, так что она еще стоит. А вообще, колодцы и пруды – не единственное остроумное инженерное решение, которое можно увидеть в нашем монастыре».

Монастырские храмы были построены в разное время, но вместе составляют единый архитектурный ансамбль

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Эти слова Александр произнес, когда мы снова вошли в подклет колокольни. «Там внизу, – продолжил наш провожатый, – помимо прочего находилась пекарня, и воздуховоды вели горячий воздух из нее и в эти сени, и в братскую трапезную, обогревая вообще все здание». И действительно, проходя мимо одного из этих продухов, мы почувствовали мощную струю свежего воздуха. Вот тебе и темная Русь! В Пафнутьев-Боровском монастыре можно убедиться, что гидротехнические и вентиляционные системы XVI века прекрасно работают и по сей день.

Но в обители хватает и современных усовершенствований.

Так, время на колокольне отбивают не старые куранты, а новые, электромеханические. Но звон их от этого не менее благозвучен. Разливаясь с колокольни, он плавно течет по боровским просторам, спокойным и величественным, как вся средняя полоса России, немало поиздавшая на своем веку. Как и Пафнутьев-Боровский монастырь. Польское разорение все не стало для него последним. В 1812 году, отступая из сожженной Москвы, Наполеон вновь разорил и сжег обитель – тогда пострадала богатейшая монастырская библиотека. При советской власти монастырь был закрыт, а в Великую Отечественную подвергся новым раз-

Преподобный Пафнутий. На иконах его принято изображать с азиатскими чертами лица

Боровск
с монастырской
колокольни.
Необъятный
русский простор

Памятная
часовня,
установленная
старообрядцами
на месте
заключения
боярыни
Морозовой
и княгини
Урусовой

рушениям – теперь уже от немецких захватчиков...

Но сегодня вновь над этими просторами слышен звон колоколов Свято-Пафнутьевой обители. И, стоя на монастырской колокольне, трудно оторвать взгляд от раскинувшейся перед тобой панорамы. Вот река, утопающая в вёглах, вот заливные луга. Вот пригород Боровска, бывшее село Высокое. Вот и Покровский храм, деревянный, крепкий, живой. Его построили в начале XVII века, но как раз на его месте и располагался Высоко-Покровский монастырь, где и принял постриг преподобный Пафнитий.

Выше по течению Протва делает крутую петлю. Здесь, за нагромождениями построек XX века, все еще можно узнать валы и рвы старого Боровского детинца, принадлежавшего внуку Калиты, двоюродному брату Дмитрия Донского князю Владимиру Андреевичу.

Глядя на все эти памятники старины, на старообрядческие храмы, разрушенные, но все еще стоящие в городе, глядя на старые купеческие дома, украшенные богатой резьбой, начинает казаться, что Протва течет прямиком из нашего прошлого, печального и величественного, как и вся Среднерусская равнина. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К ЮГУ ОТ ЛИМПОПО

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ПЕРВОЙ В БЕСКОНЕЧНОЙ ЧЕРЕДЕ ВОЙН БЕСПОКОЙНОГО XX ВЕКА СТАЛА ВОЙНА, НАЧАВШАЯСЯ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ 11 ОКТЯБРЯ 1899 ГОДА. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ВМЕШИВАТЬСЯ В КОНФЛИКТ НЕ СТАЛА. НО БОЛЕЕ 200 ДОБРОВОЛЬЦЕВ ИЗ РОССИИ ОТПРАВИЛОСЬ СРАЖАТЬСЯ НА СТОРОНЕ БУРСКИХ РЕСПУБЛИК: ОРАНЖЕВОЙ И ТРАНСВААЛЯ.

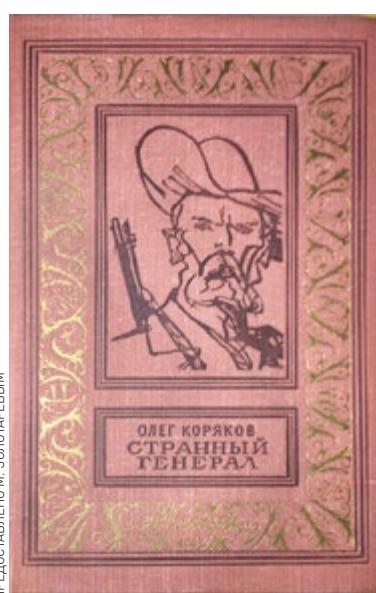
БЫВАЕТ, В ДОМАШНЮЮ библиотеку попадают книги, которым в ней не место. Не потому, что плохи, а потому, что «чужие». Непостижимым образом в 1969 году оказалась на моей полке скромная по объему книга в непрятательной обложке. Автор – писатель с ничего не говорящей фамилией Коряков. Название тоже немноже объясняло – «Странный генерал». Мало ли на свете странных генералов и малоизвестных писателей.

Случайно открытую книгу Олега Корякова перечитывал несколько раз. События и герои его романа ничем не уступали проверенным поколениями читателей приключениям и персонажам Фенимора Купера, Александра Грина, Владимира Обручева, Джека Лондона и даже Александра Дюма – старшего. Великие мастера приключенческого жанра подвергали героев своих книг испытаниям в самых разных местах. Но, кажется, только Майн Рид написал цикл романов, в которых

действие происходит в саваннах и лесах Африки. Правда, по необъяснимым причинам герои этого цикла пользовались куда меньшей популярностью, чем всадник без головы, белый вождь и Одеола, который вождь семинолов. Ежели про Африку, то можно вспомнить еще одного автора, уже второго ряда – Луи Буссенара и его Капитана Сорви-голова. Пожалуй, все.

Французский юноша по прозвищу Капитан Сорви-голова – персонаж выдуманный. Но историческая площадка, на которой ему приходится играть роль,

Сражение между британской и бурской армиями около города Колензо 15 декабря 1899 года. Картина работы художника Герлаха. Из-за недостаточной подготовки и разведки, так же как и из-за недостаточно решительного командования, британская армия понесла тяжелое, унизительное поражение с большими потерями

Обложка книги Олега Корякова «Странный генерал» (М., Детская литература, 1969)

Искатели золота
в Трансваале
на берегах реки
Моддер.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

абсолютно реальная. Это – Южная Африка, земли бурских республик, лежавшие южнее русла знаменитой реки Лимпопо во время Второй Англо-бурской войны, 1899–1902 годов. Два русских старателя с Урала, в поисках лучшей доли очутившиеся в том же месте и в то же время, приняли участие, по воле писателя Корякова, в сражениях на стороне буров. Один погиб в бою, другой стал генералом армии Трансваала.

Олег Фокич ушел из жизни более сорока лет назад, и его уже не спросить, как он вышел на такую тему: русские на Англо-бурской войне. А узнать было бы интересно. Дело в том, что едва война на юге Африки завершилась, военный министр Куропаткин распорядился уничтожить все архивы, связанные с участием добровольцев из числа подданных Российской империи в военных действиях. Сохранились официальные документы, относящиеся к работе военных миссий и агентов, дипломатов, санитарного отряда Российского общества Красного Креста, но вплоть до конца XX века они хранились под грифом «секретно». И весьма сомнительно, что детскому писателю Корякову дали возможность с ними ознакомиться. Несколько участников тех далевых событий – сестры милосердия Софья Изъединова и Ольга фон Баумгартен, поручик Алексей Едрихин, подпоручик Евгений Августус, штабс-капитан Виктор Айп, подпоручик князь Михаил Енгалычев, военный инже-

нер Владимир Рубанов – остались мемуары, записи, публикации в прессе, но в советский период все это богатство если и не было полностью прикрыто секретностью, то уж в публичный доступ не попадало однозначно. Первый и очень подробный труд на эту тему подготовил и издал только в 2012 году историк-африканист Геннадий Шубин – «Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами русских подданных». В 13 томах.

А роман тем не менее получился. Во время чтения складывалось впечатление, что автор многие годы прожил на берегах рек Вааль, Оранжевая, Тугела; что по утрам при пробуждении видел в отдалении очертания Драконовых гор и слышал крики чем-то глубоко расстроенных крокодилов на Лимпопо. И вместе со Странным генералом и его ополченцами было совершенно необременительно разъезжать по велду между городами, чьи названия мало кому что-то скажут в России: Ледисмит, Блумфонтейн, Крюгерсдорп, Кимберли, Мафекинг, Колензо...

Прибытие
русского отряда
Красного Креста
в Преторию.
Март 1900 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

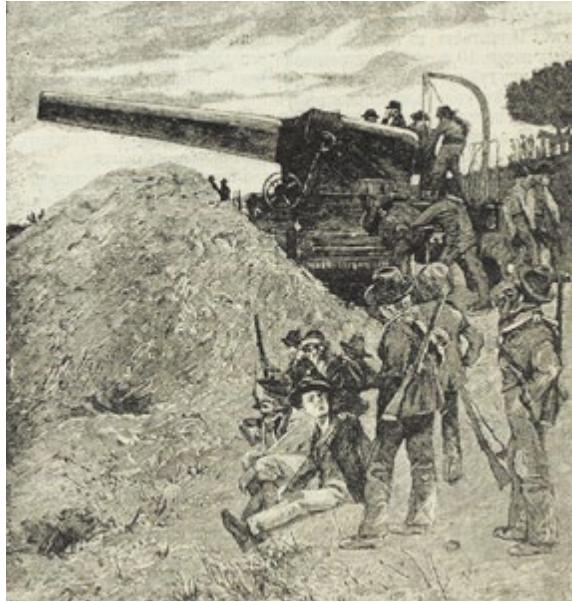
ВНИМАНИЕ: БУРЫ!

Сказать, что жизнеустройство нескольких сотен тысяч жителей республик Оранжевая и Трансвааль сильно будоражило европейскую и американскую общественность в XIX веке, – значит сильно преувеличить. Даже вторжение англичан в 1795 году на земли, облюбованные выходцами из Голландии еще в XVII веке, осталось без особого внимания. Европе было в то время чем заняться и без Южной Африки. Британцы, верные своей колониальной доктрине, медленно, но упорно выдавливали голландских поселенцев с побережья и добились своего. Буры (от голландского boer – крестьянин) ушли на север и основали две республики между крупными реками Вааль и Лимпопо. Они вели патриархальное хозяйство, в котором главным богатством считался скот. В суровой манере, свойственной всем фермерам, эксплуатировали туземцев – бушменов и представителей племенного союза народов банту. К обнаруженным во второй половине XIX века месторождениям алмазов и золота были равнодушны. Чем и воспользовались опытные и шустрые в таких делах поданные британской короны. Монолитное некогда белое население, состоявшее из буров, стало размываться толпами новопоселенцев, преимущественно из Англии. Прииски оказались по большей части в их руках. Настал момент, когда число ойтландеров сравнялось с числом буров в республиках. А сами республики оказались в кольце колоний. С востока нависал португальский Мозамбик, с запада, севера и юга земли африканеров граничили с британскими территориями Капской колонии, Наталя и Бечуаналенда. Первые две попытки англичан взять под контроль Трансвааль и Оранжевую республику были отбиты. Но процесс, что называется, пошел. И даже живущие на дальних фермах буры понимали: война неизбежна. Деньги в республиках водились. Нача-

лись закупки современного вооружения: винтовок и орудий. Только в Германии приобрели 50 тысяч полуавтоматических винтовок маузер.

Стрелковым оружием буры владели мастерски. Навыки охотников на большого зверя оттачивались поколениями. Но представления о военной науке у фермеров отсутствовали напрочь. Они полагались на меткость огня, индивидуальную маскировку, боевой дух. Последнее качество зиждалось на двух столпах. Первый – «они сражались за родину», второй – врожденное упрямство и хладнокровие. Как показали первые недели войны, это сработало. Более того, буры сказали новое слово в военной тактике. Многие специалисты сходятся в том, что появлению спецназа мы обязаны именно африканерам. Мобильные и немногочисленные конные отряды «командос» могли быстро менять место дислокации, наносить короткий и сильный удар и скрываться. Но в случае необходимости принять бой в стационарной позиции. Почти каждый бур был снайпером. И меткий огонь лишал противника возможности сойтись в рукопашной. Допустить такое буры не могли и по той причине, что не пользовались штыками. Попросту не умели.

Они много чего не умели. Например, слушаться приказов. Не считая себя солдатами, буры и выбранных командиров не считали начальниками. Координаторы и советники – не более. В бою всякий бур был себе и офицером, и рядовым. Африканеры не ведали, что такое воинские подразделения, части и соединения. Не было взводов, рот, батальонов. Были отряды, численность которых определялась количеством боеспособных мужчин, прибывших из того или иного города или поселка. И авторитетом командира-избранника. К уважаемому фехт-генералу (боевому генералу) записывалось большее число бойцов, к малоизвестному – единицы. Как результат –

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Осадное оружие
буров перед
сражением
за Ледисмит

штатный состав отрядов колебался от 10 до 3 тысяч человек. Буры не имели штабов в общепринятом смысле слова. Как следствие, не имели стратегических планов. Да и тактических – тоже. Эту особенность описал поручик Алексей Едрихин, участник неудачной для буров попытки взять важный город Ледисмит: «...после речи пастора <...> и пения псалмов <...> было объявлено нечто вроде диспозиции, согласно которой половина команды – 150 человек – назначалась для атаки, другая же половина должна была составить резерв. Атакующей части приказано было ночью занять высохшее русло ручья приблизительно в 1000 шагов от восточных укреплений Ледисмита и с расцветом открыть стрельбу, чтобы

привлечь на себя внимание и силы противника и этим облегчить главную атаку оранжевых буров на юго-западную сторону крепости. <...> Мертвая тишина царила повсюду. Вдруг откуда-то издалека, словно тяжелый протяжный вздох, пронесся звук орудийного выстрела и эхом раздался по горам. За ним другой, третий, все чаще и чаще, яснее и яснее – «так», «так-так-так», «так-так» сухо затрещали маузеровские винтовки вперемешку с глухими звуками английского Ли-Метфорда. Это оранжевые буры, не дождавшись демонстративной атаки, повели главную. Команда встрепенулась, все посмотрели на ассистент-фельдкорнета, но угрюмый старик, все время молча сидевший с закрытыми глазами, заявил, что он не получил определенных приказаний и поэтому, если бургеры желают, то они могут атаковать английские укрепления. После минутного совещания решено было наступать...» Русские офицеры-добровольцы, прибывшие в Трансвааль, имели на то разные причины. Были среди них романтики, как прапорщик Никитин, который, едва прибыв в столицу республики Преторию, произнес: «Надобно поучиться, как люди умирают за свободу». Но были и прагматики, вроде поручика лейб-гвардии Конного полка Комаровского. «Имея намерение ближе ознакомиться с ходом войны на южно-африканском театре военных действий, я решил

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Отряд буров
времен войны
1899–1902 годов

Президент
Оранжевой
республики
и его свита.
1899 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

подать прошение на высочайшее имя об увольнении меня в запас, дабы я мог на свой риск и ответственность отправиться на театр войны и находиться во время похода при войсках Трансваальской республики», — писал он в рапорте.

Но все «охотники», кто не манкировал передовой и остался жив, получили неоценимый опыт войны нового типа. И если буры внесли очень скромную лепту, то британцы постарались более чем. Когда лордам в Лондоне стало ясно, что буров малой кровью и устаревшей тактикой не осилить, за дело взялись засучив рукава. Именно там, на юге Африки, «обкатывались» такие изобретения, как пулеметы максим, которые русские добровольцы прозвали «скорострелками», колючая проволока, бронепоезда, полевые телеграф и телефон, прожекторы, разрывные пули «дум-дум», позже запрещенные Гаагской конвенцией, новые взрывчатые вещества типа «лиддит», скорострельные полуавтоматические винтовки. И даже столь привычный нам цвет хаки стал нормой именно на этой войне. Британские пехотинцы, первоначально одетые в традиционные красные мундиры, были отличной мишенью для прицельного винтовочного огня. Их в первые недели войны укладывали сотнями. И красные мундиры отправились на тыловые склады. Ждать, когда они вновь понадобятся в день победного парада.

ВОЙНА И МИР

Сообразив, что британцы не предпринимают никаких активных действий не потому, что не хотят войны, а потому, что стягивают на юг Африки дополнительные силы, президент Трансваала Пауль Крюгер решил ударить первым. 11 октября 1899 года бурские отряды перешли границу. Сначала африканерам сопутствовала удача.

Существовавшие к тому времени средства связи позволяли довольно оперативно информировать остальной мир о происходящем в Оранжевой республике и Трансваале. И былое равнодушие сменилось сочувствием к бурам и гневом к англичанам. Особенно ревностно и трепетно отнеслись к происходившему в Голландии, что понятно, и в России. Не отставали Германия и Франция. К концу XIX века первая мировая держава, десятилетиями сдававшая всюду нос и умудрявшаяся всюду погреть руки, утомила страны континентальной Европы, включая Российскую империю, донельзя. В отечественных пределах еще не испарились воспо-

Бурские
партизаны

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

минания о Восточной (Крымской) войне, разрушенном Севастополе и уничтоженном Черноморском флоте. Еще обсуждали Берлинский трактат, заключенный после победы России над Османской империей в 1878 году, который усилиями британских дипломатов был «обкусан» со всех сторон. И не взятый Константинополь, спасенный для султана жерлами орудий английских кораблей, стоявших на якорях в Босфоре. А стычки с «владычицей морей» в Центральной Азии на подступах к Индии заставляли переживать не за прошлое, а за настоящее. Если коротко, Англию в России в этот период не любили все. В том числе на самом верху.

Не прошло и месяца с начала войны, как император Николай II, принявший скипетр всего пять лет назад, отметил: «Я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем... Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, что во время вылазки <...> целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен! Вот, что называется, вломились и полезли в воду, не зная броду!» Царь не ограничился словами. Был отдан приказ о передислокации части войск Туркестанского округа поближе к границам Афганистана, а также об активизации русского флота на Балтике и в Средиземном море. Однако британцы, что называется, не повелись и продолжили наращивать группировку в Южной Африке. Если изначально они уступали бурам по всем статьям, то уже в конце 1899 года английские генералы располагали 120 тысячами солдат. И с каждой неделей их число росло. Расчет Крюгера на то, что после внушительных потерь Британия согласится на поиск компромисса, не оправдался. На сей раз прижимистые лорды готовы были на любые расходы. И в деньгах, и в людях. Африканеры могли выставить в лучшем случае — и то не единовременно — 60 тысяч бойцов. Но в боях они несли потери, а пополнение могло явиться только из Европы и России.

И оно – явилось. Но не в том количестве, на которое рассчитывали в Претории. Из Голландии, Франции, Германии, США, Италии и других стран прибыло немногим более 2 тысяч человек. Из России – 225, то есть каждый десятый. Это довольно странно, если учесть, что препятствий желающим отправиться на далекую войну никому не чинили. Рапорты офицерам, уходившим с этой целью в запас, подписывали без проволочек. Что уж говорить о волонтерах, не носивших погоны и имевших полное право поступать как заблагорассудится. Газеты пестрели заметками о несправедливости идущей войны, в которой могучая империя королевы Виктории решила раздавить маленький, но гордый народ. Наряду с пафосными выступлениями печатались сводки и репортажи, из которых следовало, что самая цивилизованная нация на свете ведет себя в Южной Африке хуже варваров Аттилы, не брезгая пользоваться бесчеловечным оружием и уничтожая мирное население, посевы, скот, фермы, поселки. К слову, такие репортажи были недалеки от истины. К тактике «выжженной земли» британцы обратились весьма скоро – едва буры начали терпеть поражения и отступать вглубь Трансваала.

Отсутствие перехода качества пропаганды в количество добровольцев наверняка объяснялось комплексом причин. Среди прочих – расстояние в 10 тысяч километров. Дороговизна билетов на французские и германские пароходы, осуществляющие рейсы из Марселя, Амстердама, Антверпена, Лиссабона, Неаполя в Лоренцо-Маркес (ныне – Мапуту, Мозамбик). Кстати, морское путешествие занимало чуть более месяца. Отсутствие централизованной работы по отправке волонтеров в столицах. По неведомой причине такой центр находился в Орле, куда и предлагалось обращаться не только потенциальнym «охотникам», но и меценатам. Но главное, на мой взгляд, это – время. В феврале 1900 года британцы под командованием опытного и умелого фельдмаршала

Пленные
англичане
в Претории.
Апрель 1900 года

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ла Фредерика Робертса перешли в наступление. Уже в марте пала столица Оранжевой республики Блумфонтейн. Короткий период побед буров завершился, и всем стало ясно, что победа англичан неизбежна. Это понимание умерило пыл многих, еще не уехавших. И подвигло к возвращению тех, кто уже успел побоеваться. Британцы вошли в столицу Трансваала Преторию в июне 1900 года. И системная война завершилась. Началась война партизанская. Без всяких шансов на успех. И добровольческий порыв сошел на нет. Формально война продолжалась до мая 1902 года. Но это была агония тех, кто понимал, что для них сдача в плен как минимум равносильна смерти. Потому как Англо-бурская война «подарила» нам еще один вид оружия массового уничтожения. Британцы придумали концентрационные лагеря, в которых погибло по меньшей мере 27 тысяч человек, в основном мирных жителей. Для сравнения: в боях буры потеряли 4 тысячи бойцов.

Лубок на тему
Англо-бурской
войны.
Поражение трех
английских
генералов:
Гетакра, Мэтьюна
и главнокоманду-
ющего Буллера

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАШИ В АФРИКЕ

История не сохранила списки всех русских добровольцев, воевавших на стороне буров. Но зато сберегла биографии самых ярких персонажей той войны. Вот некоторые из них. После участия в нескольких боях в апреле 1900 года вместе с французскими волонтерами в плен попал князь Николай Багратиони-Мухранский. О начале войны представитель знатного грузинского рода узнал случайно, находясь, по одним данным, на скачках в Париже, по другим – на сафари в Абиссинии. На вопрос журналиста, зачем он решил сражаться на стороне буров, князь честно признался, что о бурах и их республиках понятия не имел. Но, узнав о случившемся, он почувствовал сопричастность к маленькой стране, жаждущей сохранить свободу. Ровно так, как его родная Грузия. Заявление, надо признать, вызывает удивление, если вспомнить, что Грузия вошла в состав Российской империи добровольно. Прибыв в Преторию, Багратиони представился президенту Трансваала. Крюгер тоже оказался человеком искренним и столь же честно признался, что никогда не слышал о такой стране, как Грузия. Среди прочих знакомств князь мог вспомнить и встречу с молодым корреспондентом лондонской газеты «Морнинг Стар» Уинстоном Черчиллем. Правда, обстоятельства были не столь приятны. Черчилль присутствовал при допросе князя Багратиони после плена. Результатом беседы с британскими офицерами стал приговор: расстрелять. Уже

перед строем солдат английский офицер поинтересовался у Багратиони, не родственник ли он генералу Петру Багратиону. После утвердительного ответа офицер признался, что является горячим поклонником военного таланта героя Наполеоновских войн. Расстрел отменили, а князя отправили в лагерь для военнопленных на остров Святой Елены. Да-да, тот самый...

Уроженец Минской губернии Алексей Едрихин – сын простого солдата. В 17 лет поступил вольноопределяющимся в 120-й пехотный Серпуховской полк. Окончил Виленское юнкерское пехотное училище, но офицерского чина не получил в связи с крайне низким уровнем образования. Через два года службы в юнкер-офицерах получил чин подпоручика. Казалось бы, при таких стартовых условиях карьера Едрихина закончится лет эдак через двадцать в захолустном гарнизоне в должности ротного командира, не более. Но годы самообразования привели к тому, что безродный, не имевший связей и протекции обер-офицер умудрился поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, два основных курса которой он оканчивает по 1-му разряду. Впереди – успешная карьера, но Едрихин пишет рапорт о выходе в запас с разрешением отправиться в Трансвааль. В Южную Африку офицер убывает в качестве внештатного корреспондента газеты «Новое время». Любопытно, что в судьбе простого офицера участвуют военный министр Куропаткин, великий князь Александр Михайлович и даже государь наслышан о его планах. Первые публикации Едрихина под псевдонимом А. Вандам выходят в конце 1899 года. В Южной Африке офицер-журналист пробыл недолго, месяца два. В боях участвовал мало, но зарекомендовал себя как дальний офицер. В результате поездки появился отменный аналитический труд «Письма о Трансваале». Писатель, военный разведчик, аналитик Едрихин окончил Первую

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мировую войну генерал-майором, георгиевским кавалером. Правда, начиная с 1907 года его знали уже как Алексея Вандама. Псевдоним стал фамилией. Евгений Августус – крестьянской породы, подпоручик. Воевал в Трансваале пять месяцев, отличался храбростью и смекалкой. Был ранен. После сдачи Претории англичанам попал в плен. Вернувшись в Россию, продолжил службу в армии. Александр Гучков, более известный как думский деятель, глава партии октябристов, первый военный и морской министр Временного правительства, дрался в Южной Африке вместе с братом Федором. Был тяжело ранен в бедро, из-за чего хромал всю оставшуюся жизнь. Могила лейтенанта флота Бориса Строльмана находится в Претории. Он был убит пулей наповал в окрест-

Марсель.
Проводы
Александра
Ивановича
Гучкова на
Англо-бурскую
войну

ностях городка Линдлей после того, как вынес из-под огня раненного голландского добровольца и двинулся назад, на передовую. Об «охотнике» бурской армии Дуплове не известно ничего. Кроме одного – погиб в бою.

Подполковник Евгений Максимов из гвардейских кирасир, куда поступил, сдав экзамен на офицерский чин, минуя военное училище. Довольно редкий случай для второй половины XIX века. Можно сказать, Евгений Яковлевич – профессиональный доброволец. Впервые в таком качестве он участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в Сербии. Последний раз – в русско-японской. Командуя батальоном, Максимов погиб в Мукденском сражении. В Преторию отставной подполковник прибыл в качестве военного корреспондента. Долго держать нейтралитет не смог и оказался в составе отряда, сформированного из бойцов разных национальностей. Командовал «иностранным легионом» французский полковник де Марейль-Вильбуа. После его гибели отряд возглавил Максимов. В одном из боев он получил двойное ранение – в голову и лопатку и контузию плеча. Но даже не подумал отправиться в госпиталь. Воевал дальше. Сестра милосердия Изыединова вспоминала, что уже в следующем бою Максимов верхом объехал вверенные его отряду позиции и в одиночку совершил рекогносировку, на которую до него никто не решался. Один из лучших бурских генералов, Луис Бота, так охарактеризовал офицера: «Никого подобного этому русскому полковнику я не только не видел, но и не представлял». Сам Максимов стал бурским генералом в мае 1900 года. Что особенно важно, чин он получил не в результате чьего-то келейного приказа, а по решению собрания, в котором приняли участие несколько сотен буров и добровольцев. И пусть для нас это странно – выборы генерала. Зато нет сомнений, что Максимов этот чин заслужил. Уж такие они – генералы бурского войска. Странные.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал Кольбе
и подполковник
Максимов
(сидит). 1900 год

«ЕШЬ ЩИ С МЯСОМ, А ХЛЕБ С КВАСОМ»

И. Хруцкий.
Натюрморт
«Мясо и овощи».
1842 год.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ДОМАШНЯЯ И ДИКАЯ ПТИЦА, ГОВЯДИНА, БАРАНИНА И СВИНИНА НЕ БЫЛИ РЕДКОСТЬЮ НА СТОЛАХ НЕ ТОЛЬКО МОСКОВСКИХ БОГАЧЕЙ, НО И ОБЫЧНОГО ГОРОДСКОГО ЛЮДА. ЧАЩЕ ВСЕГО К МЯСНЫМ БЛЮДАМ ПОДАВАЛИ СОЛЕНЫЕ СЛИВЫ И СОЛЕНЫЕ ОГУРЦЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ИЗВЕСТНЫЙ БЫТОПИСАТЕЛЬ МИХАИЛ ПЫЛЯЕВ В КНИГЕ «СТАРОЕ ЖИТЬЕ».

ЗНАТЬ ДЕРЖАЛА ХОРОШИХ поваров, удивляя гостей на приемах изысканными кушаньями. На всю Москву славились лукулловы пиры графа Василия Мусина-Пушкина, который «выкармливал индеек на трюфелях, а телят отпаивал на сливках и держал их в люльках, как ново-

рожденных младенцев». К столу фаворита императрицы Екатерины II Григория Потемкина подавали такие удивительные блюда, как похлебку из рябчиков с пармезаном и каштанами, говяжьи глаза в соусе под названием «поутру проснувшись», говяжью нёбную часть в золе, гарнированную трюфелями...

ГУРТЫ НА ТРАКТАХ

В XVIII–XIX веках Москва потребляла огромное количество мясной провизии: свиные туши, индейки, куры, утки, гуси, бараны... Все это в замороженном виде доставлялось в Москву, когда наступали холода и устанавливался надежный зимний путь. «Как увидишь, – на Конную площадь обозы потянулись, – скоро и Рождество, – читаем в «Лете Господнем» Ивана Шмелева. – Всякую живность везут, со всей России: свиней, пороссят, гусей... – на весь мясоед, мороженых, пылкого мороза. <...> Отец загодя приказывает прикинуть на бумажке, чего для народа взять и чего для дома. Плохо-плохо, а две-три тушки свиных необходимо, да черных пороссят, с кашей жа-

рить, десятка три, да белых, на заливное молошников, два десятка, чтобы до заговин хватило, да индеек-гусей-кур-уток, да потрохов, да еще солонины не забыть, да рябчиков сибирских, да глухарей-тетерок, да... – трое саней братъ надо».

Летом же, когда животные могли питаться подножным кормом, из южных губерний, прежде всего Воронежской и области войска Донского, в Москву гнали гурты волов, а из среднерусских губерний – баранов. Так, по данным «Статистической записки о Москве» В. Андrossова, в 1830-е годы в Москву ежегодно прибывало в среднем 104 тысячи волов, что составляло около 106 килограммов говядины на человека в год...

Чтобы добраться до Москвы, гурты преодолевали сотни километров. Процесс был отложен до мелочей: ведь животных в дороге надо было кормить, давать им отдых, чтобы они не теряли в весе и не заболевали. А начинался он с покупки скота на ярмарках или в поместьях помещиков и хозяйствах зажиточных крестьян. Специальный оптовый скупщик – прасол – приобретал животных в разных местах и формировал крупные

Мясник.
Раскрашенная
фотография
В. Каррика.
1860-е годы

гурты – до 400 голов. Он же обеспечивал последующий откорм, на профессиональном жаргоне – «нагул» веса. Для этого не только арендовались пастбища, но и на винокуренных и сахарных заводах приобретались барда (гуща, оставшаяся после изготовления спирта из зерна или картофеля. – Прим. авт.) и свекольный жом (остатки свеклы после извлечения из нее сахара. – Прим. авт.).

Когда скот, с точки зрения прасола, был достаточно откормлен, гурт отправляли в города, где на специально отведенной площадке продавали местным торговцам. Прасол нередко действовал через местного купца-комиссionера, который занимался операциями по приему животных.

В начале XX века один из специалистов по животноводству, Н. Крюков, писал: «Не так еще давно весь юго-восток России <...> представлял массу свободных земель, которые использовались для нагула скота. Население было редкое, простор был большой, и степи в летний сезон оживлялись гуртами скота, бродившего на всем указанном пространстве. Этот степной нагул был главным способом откорма животных, потреблявшихся столицами и другими крупными городами России». Основными районами, откуда шли огромные гурты скота, были Воронежско-Донской, Самарский, Саратовский, частично Полтавская и Харьковская губернии.

Откормленные гурты шли к городам по широким скотопроницательным трактам, преодолевая в среднем по 10 верст в сутки. Так продолжалось до 1882 года, когда эти тракты были закрыты, а скот начали перевозить только по железной дороге. Главной причиной такого решения правительства стала борьба с эпидемиями среди животных – эпизоотиями, распространявшимися как раз через прогонные тракты и вызывавшими массовый падеж скота в Центральной России.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

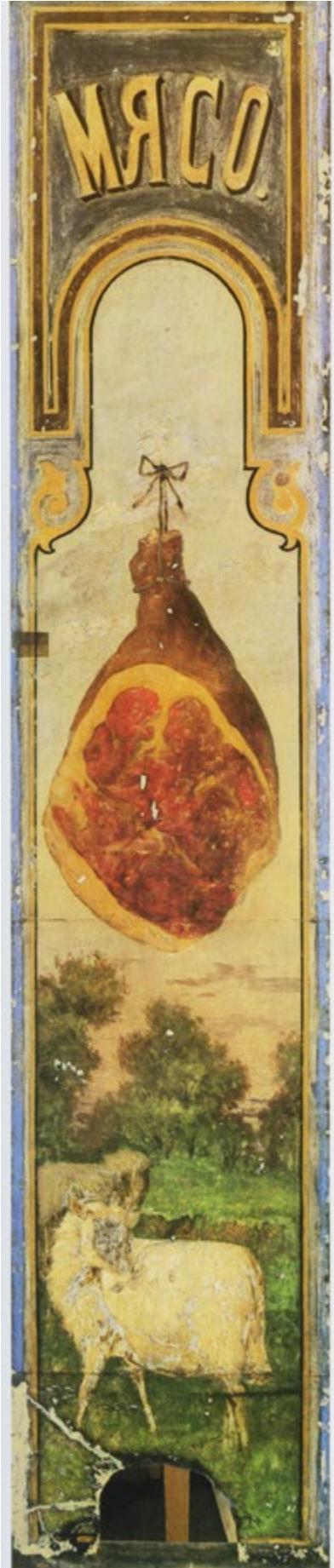
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Вплоть до 1880-х годов, когда скот стали перевозить по железной дороге, пригон скота в города был важным промыслом. А потому и внимание ему уделялось немалое. Так, принятый 5 июля 1734 года именной указ императрицы Анны Иоанновны регламентировал условия прогона скота в столицы. В нем говорилось, что «большие проезжие и прогонные дороги», по которым скот идет в Москву и Петербург, были незаконно запаханы, и их следует возобновить и расширить до 10 сажен (около 21 метра), чтобы гурты «как из Малороссии, так из Слободских полков, из Хопра» (Хоппер – подразумевается Воронежско-Донской район. – Прим. авт.) могли свободно проходить, не задерживая движения. Владельцам зе-

мель было предписано сделать по краям дорог ограды или рвы, «чтобы скот с дороги в стороны не отрывался». Каждую весну губернаторы и воеводы должны были посыпать нарочными, чтобы те смотрели, «не запахивают ли таких дорог» и не «суживают ли городью и рвами». В случае нарушения виновные обязаны были дорогу «по-прежнему сделать». При императоре Александре I был принят закон, регламентировавший не только функционирование скотопрогонных трактов, но и санитарные меры по отбраковке больного и слабого скота. Это положение от 14 июня 1804 года называлось «О прогоне скота в столицы». Оно обеспечивало беспрепятственный прогон скота через губернии и однократный медицинский осмотр, после чего выдавалось свидетельство,

Общий вид
Смоленского
рынка в Москве.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Стадо коров
на пастбище.
Вторая половина
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рекламная
вывеска мясной
лавки. Начало
XX века

с которым стадо беспрепятственно шло до границ следующей губернии. При губернском правлении для этих целей специально учреждалась должность чиновника-смотрителя, который вместе с лекарем осматривал стадо при пересечении границы губернии. Хилых животных следовало оставлять на месте «для поправления». Этот же закон запрещал отдавать в аренду в одни руки более 15 десятин пастбищ по общинам скотопрогонного тракта и переправлять скот вплавь через глубокие реки.

Копии свидетельств об осмотре входящих гуртов представлялись губернатору. Губернаторы же должны были ежемесячно подавать сведения в Министерство внутренних дел в Петербург о количестве проследовавшего в столицы скота «на входе» и «на выходе» из губернии. В таких бумагах сообщалось следующее: «Дано сие свидетельство на свободный пропуск скота, принадлежащего такому-то, или такому-то, через губернию такую-то. Гурт [первый, второй или третий]. Куплен в такой-то губернии, следует в Санкт-Петербург или в Москву, число скотин столько-то, свидетельствован в уезде таком-то, против прежнего свидетельства не оказалось столько-то скотин, павших на дороге без заумления или оставленных за хилостью; остальные все здоровые, в чем и дано сие свидетельство; по предъявлении коего, через все пространство такой-то губернии, скот, в нем означенный, имеет быть везде пропускаем, без всякой новой поверки и без малейшего задержания».

Государство также регулировало продажу двух основных «продуктов продовольствия» – печено-го хлеба и мяса. То есть торговцы не могли самостоятельно устанавливать цены на них. Цены устанавливались полицией в зависимости от конъюнктуры рынка еженедельно, и превышать их не разрешалось. Статья закона из содержащейся в «Уставе народного продовольствия» главы «О торговле скотом, мясом и другими жизненными припасами» гласи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ла: «В отвращение произвольного возвышения цены на нужнейшие предметы продовольствия, а именно: на печенный хлеб и мясо, устанавливаются оним всякий раз, когда надобность потребует, определенные цены, именуемые таксами».

Таблицы с текущими ценами на хлеб и мясо вывешивались в торговых рядах и публиковались в газетах. Сохранились эти данные и в архиве, в фонде московского генерал-губернатора. Например, в 1854 году в Москве были установлены следующие цены на мясо (в рублях серебром): пуд солонины стоил 1 рубль 80 копеек (то есть около 11 копеек за килограмм), пуд свинины – 1 рубль 60 копеек. Любимым лакомством москвичей были копченые окорока, которые стоили 3 рубля 50 копеек за пуд зимой и 2 рубля 75 копеек летом. Пара ордынских баранов стоила 6 рублей, черкасских – 5 рублей, а русских (более мелких) – 4 рубля 30 копеек.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Подсобное помещение торговли деликатесами. Фирма «Гурмэ». 1905 год

СКОТОПРИГОННЫЙ ДВОР И БОЙНИ

В Москве, близ Серпуховской и Калужской застав, находился Скотопригонный двор, который являлся единственным рынком для торга крупным скотом. Он по указу императора Павла I от 15 августа 1799 года был построен в 1805 году и располагался между нынешними улицами Мытной и Люсиновской, к югу от современной детской Морозовской больницы. Место было выбрано еще и потому, что здесь Москва-река течет из города, а значит, отходы и мусор Скотопригонного двора не могли попасть в водопровод.

Именно потому, что по этой части города пролегали маршруты гуртов скота с южных застав города к Скотопригонному двору, одна из местных улиц до сих пор носит имя Коровий Вал.

Двор площадью 4293 квадратные сажени (около 2 гектаров) был вымощен булыжником и обнесен дощатым забором. Пряслы, расположенные в 33 ряда, вмещали одновременно 6 тысяч быков.

В Российской империи с XVIII века действовало строгое законодательство относительно забоя скота и продажи мяса. По утвержденному 17 января 1799 года «Уставу столичного города Москвы», следовало «городскому обществу» избирать из граждан к каждой мясной бойне бешауера, «которого должностная есть неупустительно наблюдать, чтобы скот в бойни был вводим здоровой и незамореной».

Закупленные московскими торговцами животные со Скотопригонного двора отправлялись на бойни. Согласно требованиям принятого в 1842 году Строительного устава, бойни разрешалось строить только за городом и отдельно от мясных рядов, которые были в каждой части города. При бойнях следовало копать «ямы для помещения нечистоты».

В первой половине XIX века в Москве было около 20 боен, в 1863 году, по ревизии Комиссии по осмотру боен, инициированной Щербатовым, – 21. Они были компактно расположены в пяти местах на границах города: четыре в Лефортовской части, четыре за Крестовской заставой – между нынешним проспектом Мира и Сокольниками, пять за Серпуховской заставой, пять за Дорогомиловской заставой, примерно в середине нынешнего Кутузовского проспекта, и три за Покровской заставой, возле Калитниковского кладбища, где позже были возведены муниципальные бойни, а в советское время – Микояновский мясоперерабатывающий завод. Устройство и оборудование частных боен было примитивным. Окрестности столицы неизбежно заражались гниющими отбросами, а мясные продукты часто были загрязненными. Почти отсутствовал ветеринарный надзор.

В 1860-е годы Московским городским общественным управлением был поставлен вопрос о закрытии частных боен и устройстве современных муниципальных боен, которые бы обрабатывали целиком все количество скота, прибывшего в Москву. Ведь по книгам о торговых сделках, в начале 1860-х годов на московских бойнях забивалось ежегодно около 120 тысяч быков, 5 тысяч коров и 14 тысяч баранов. Это удалось осуществить в 1888 году, когда в Калитниках были открыты новые, крупнейшие в Европе бойни в соответствии с современными требованиями.

Рекламная вывеска мясной торговли. Начало XX века

Москва. Новые городские бойни в Калитниках, открытые в 1888 году. Площадка для торговли крупным рогатым скотом. Фото начала XX века

НА СТОЛ ГУРМАНАМ

Мясо, за исключением дней постов, было предметом повседневного потребления москвичей, о чем свидетельствует статистика доставки мясной провизии. Согласно сведениям из «Военно-статистического обозрения Российской Империи» 1853 года, средние числа пригона скота составляли: в 1832 году – крупного 112 497 голов, мелкого 27 447 голов; в 1846 году – крупного 118 131 голов, мелкого 31 727 голов; в 1851 году – крупного 117 359 голов, мелкого – 23 098 голов. Прогон такого большого количества животных доставлял немало беспокойства жителям: по словам современника, «многочисленные гурты скота с реем и гиканьем прогонялись в разных направлениях по улицам Москвы или пробирались окружными путями по ее пригородам».

Помимо пригнанного скота мясной товар приходил также в замороженном и охлажденном виде. Например, за февраль 1839-го – январь 1840-го, согласно официальной статистике, в Москву прибыло: дичи разной – 325 возов, ветчины – 296 возов, сала – 4447 возов, свинины – 1445 возов, солонины – 975 возов, говядины – 1047 возов, баранины – 1002 воза, телятины – 4350 возов, поросят – 1622 воза, индеек – 1606 возов, гусей – 2535 возов, кур – 2688 возов, уток – 1348 возов. Напомним, в это время Москва насчитывала 335 тысяч жителей.

Центральным рынком для торговли мясом, птицей и дичью был Охотный ряд (иногда его называли Птичьим), расположавшийся рядом с Красной площадью. Вспомним, как герой пьесы Александра Островского «Правда хорошо,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

а счастье лучше» купец Амос Панфилович Барабошев говорит: «Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный ряд». По описанию города Москвы 1775 года, в Охотном ряду было 64 торговые точки: 41 лавка, 7 палаток, одна цирюльня, две блинных, одна «кадь квасная», 8 «изб» и 3 «харчевенных и калашных» амбара.

Помимо Охотного ряда действовали и районные рынки, где горожане могли купить съестные припасы. Например, в мясном ряду на Таганке имелась 21 лавка, в мясном ряду на Покровке – 14, в Смоленском мясном – 32, в Дмитровском мясном ряду – 22.

Подробные сведения о торговле в Охотном ряду мы нашли в архивной ведомости Тверской части о торговцах на 1827 год. В это время в Охотном ряду числилось 47 лавок, из которых 43 торговали мясом и птицей, а 4 – яйцами. Помимо Охотного ряда на основных улицах района насчитывалось 30 отдельных лавок, торгующих мясом, птицей и колбасой. Всего же в Тверской части Москвы – ныне это район Манежной площади и Тверской улицы – было 175 лавок, в 73 из которых продавался мясной товар.

В январе 1827 года смотритель Тверской части Андрей Мартынов и староста мясного ряда Евграф Щенников представили в торговую депутатию ведомость о торгующих в Москве в Охотном ряду московских купцах, мещанах и крестьянах. В этой ведомости были упомянуты 43 человека, 35 из которых торговали мясом, шесть – маслом и два – телятиной.

Телятина, кстати, была любимым и распространенным продуктом в России. Как писал Н. Крюков в книге «Мясо и мясные продукты», «телятина на рынке обыкновенно появляется в возрасте от 6 до 12 недель, и лучшую телятину можно получить только в Москве». Сюда привозили телят в весе 3–4 пуда из Углича Ярославской губернии, где с начала XIX века существовал промысел по выпаиванию телят чистым молоком, чтобы мясо было нежным. Тем же промыслом занимались жители окрестностей Троице-Сергиевского посада Московской губернии, местности Нагорье Переславского уезда и Покровского уезда Владимира губернии, Калязинского уезда Тверской губернии и Клинского уезда Московской губернии.

Москва. Охотный ряд. Магазины: «Гастрономический» Григорьева, «Сельди» Рюгена и Снегирева, «Сыр-масло» Гурьева, «Зелень и грибы» Страхова, «Мясоторговля» Трофимова. 1904 год

Баранину в Москву везли из Саратовской и Воронежской губерний, свинина поступала преимущественно из Кирсановского, Тамбовского и Усманского уездов Тамбовской губернии, а также из Пензенской, Воронежской, Рязанской и Курской губерний.

Свинина вообще была очень популярным продуктом. Поваренные книги уже в первой половине XIX века содержат немало рецептов блюд из свинины. Например, запеченный окорок рекомендовалось подавать с уксусом и горчицей и соусом из горошка. Для приготовления буженины свиную тушку начиняли чесноком и сутки вымачивали в квасе, а потом, «надрезав кожу клеточками», ставили в печь. К Рождеству праздничным блюдом был жареный поросенок, иногда он подавался с гречневой кашей. «Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, – там лошадями торговали, – стоят, – вспоминал в «Лете Господнем» Иван Шмелев. – <...> И вся – в санях. Тысячи саней, рядами. Мороженые свиньи – как дрова лежат на версту. Завалит снегом, а из-под снега рыла да зады. А то чаны, огромные, да... с комнату, пожалуй! А это солонина. И такой мороз, что и рассол-то замерзает... – розовый ледок на солонине. Мясник, бывало, рубит топором свинину, кусок отскочит, хоть с полфунта, – наплевать! Нищий подберет. Эту свинью «крошку» охапками бросали нищим: на, разговейся! Перед свининой – поросенчий ряд, на версту. А там – гусиный, куриный, утка, глухари-тетерьянки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, – без весов, на глаз. Бывало, фабричные впряженные в розвальни, – большие сани, – везут-смеются. Город навалят: поросенят, свинины, солонины, баранины... Богато жили».

* Автор – доктор исторических наук.

СЕРДЦЕ ВИЗАНТИИ

АВТОР

ЛАДА
КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

ЕСТЬ НА СВЕТЕ МЕСТА,
В КОТОРЫХ НЕПОСТИЖИМЫМ
ОБРАЗОМ СПРЕССОВАНЫ ЦЕЛЫЕ
СТОЛЕТИЯ ИСТОРИИ. БРЕМЯ
ВЕКОВ ОЩУЩАЕТСЯ ЗДЕСЬ ДАЖЕ
ФИЗИЧЕСКИ. РИМСКИЙ ФОРУМ.
СОБОР СВЯТОГО ПЕТРА В ВАТИКАНЕ.
ХРАМ ГРОБА ГОСПОДНЯ И МЕЧЕТЬ
АЛЬ-АКСА В ИЕРУСАЛИМЕ. СОБОР
СВЯТОЙ СОФИИ В СТАМБУЛЕ.
ВЕЛИКАЯ ЦЕРКОВЬ, КОТОРАЯ СТОИТ
НА БЕРЕГУ БОСФОРА УЖЕ ПОЧТИ
ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ ЛЕТ...

ГЛАВНОЕ – НЕ ТОРОПЬТЬСЯ. Не включаться в скачки бесчисленных туристических групп, фотографирующих все подряд и вполуха слушающих скороговорки экскурсоводов. Не раздражаться из-за любителей селфи. Не обращать внимания на толпы шумных школьников. Никуда не бежать. Остановиться. Увидеть, как под лучами солнца вспыхнет золотым блеском, дрогнет и оживет старая мозаика на стене. Осознать, как вольно растекается свет под огромным куполом. Закрыть глаза и услышать шарканье тысяч и тысяч ног, переступавших порог этого храма... И тогда, пусть всего лишь на мгновение, Святая София явит вам истинную Византию – империю во всем блеске ее величия и тьме ее падения. Она расскажет свою захватывающую историю всяко му, кто захочет ее услышать...

ЧУМА И ЛЮБОВЬ

В середине XIV века Святая София была закрыта. Надолго. Это было делом неслыханным, гордость константинопольцев была серьезно уязвлена. Но деваться было некуда: казна империи, раздираемой внутренними распрями, восстаниями, религиозными спорами и войнами, была полностью опустошена. Дошло до того, что на коронации в 1347 году Иоанна Кантакузина венчали императорской короной, в которой драгоценные камни заменяло цветное стекло, а на праздничном пири гости ели из оловянной посуды! Так что восстанавливать Святую Софию действительно было не на что... Великая церковь трижды серьезно страдала от землетрясений, которые вообще-то не были редкостью в Константинополе. Но если в VI и X веках храм довольно быстро приводили в порядок, то после землетрясения 1346 года, когда обрушилась восточная арка и часть купола, Святую Софию просто... закрыли. А тут

В древности вход в Святую Софию украшал прекрасный атриум, в центре которого был расположен фонтан

Обойти всю Святую Софию – дело нелегкое

еще одна страшная беда: в 1347 году в Константинополь пришла чума. За год до того она опустошила столицу Золотой Орды, а потом с купеческими караванами и монгольскими ордами двинулась на Восток и на Запад. Историки до сих пор спорят, стоит ли верить арабскому хронисту Ибн аль-Варди, утверждавшему, что болезнь выкосила в Крыму не менее 85 тысяч человек, и нотариусу Габриэлю де Миосси, писавшему, что черную смерть в Европу привезли корабли из Каффы (Феодосии) – крымской фактории генуэзцев. В 1346 году ее осадил золотоордынский хан Джанибек. Однако город ему взять не удалось – в войске началась эпидемия чумы. Взбешенный хан

приказал перебрасывать через крепостные стены трупы умерших. Что и было сделано с помощью катапульт. Чума сокрушила Кафу, горожане в панике пытались спастись, покидая факторию на кораблях, которые уходили в средиземноморские порты, разнося болезнь все дальше. Не устоял и Константинополь. Как писал византийский богослов и астроном Никифор Григора в своей «Истории ромеев», «в большинстве домов все живущие вымирали разом», пандемия выкосила почти треть населения империи. Черная смерть добралась и до чертогов василевса: Иоанн Кантакузин оплакивал гибель своего 13-летнего сына Андроника. А по столице между тем ползли глупые слухи: говорили в том числе, что страшная болезнь – наказание свыше за закрытые двери Великой церкви. Императору оставалось надеяться только на чудо. И оно произошло: помощь пришла с севера, из далекого Московского княжества, на престол которого в 1340 году сел Симеон Гордый – старший сын Ивана Калиты. Симеон венчался на царство шапкой Мономаха в Успенском соборе Владимира, сумел завя-

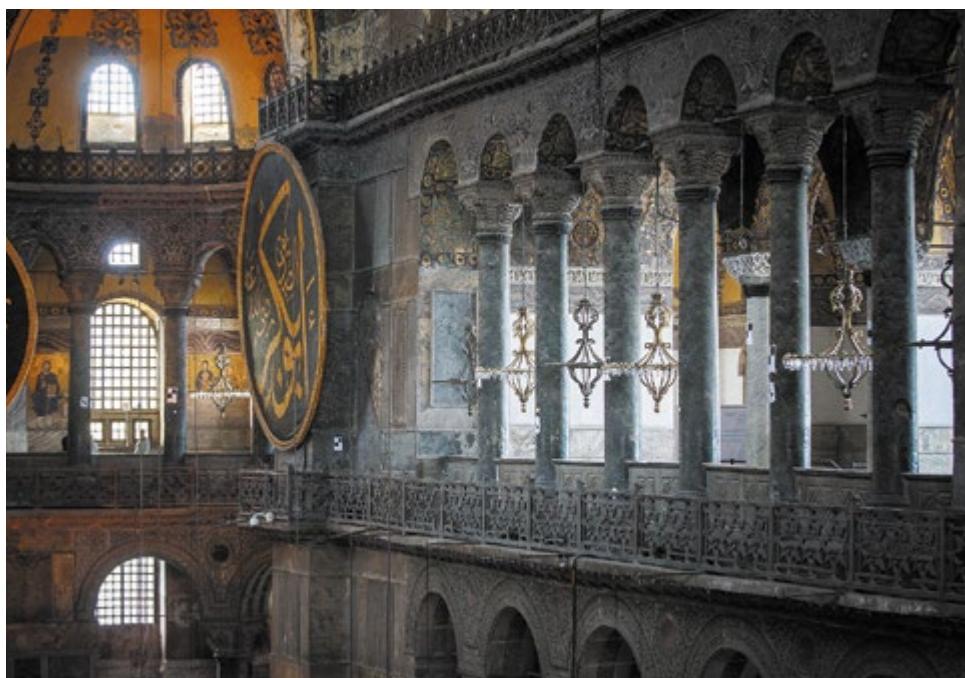
зать неплохие отношения с кро-
вожадным Узбек-ханом, а потом
и с Джанибеком. Видимо, по-
этому в его правление о набегах
золотоордынцев на Русь почти
не было слышно. Он заключил
первые известные историкам
договоры со своими братьями
о разделе московского удела,
усмирил Новгород, подчинил
Псков, конфликтовал с Великим
княжеством Литовским, хоть и

был женат на Августе – дочери
литовского князя Гедимина. Но
вот с личной жизнью у Симеона
не все было гладко. Августа, при-
нявшая в православии имя Ана-
стасия, родив ему двух сыновей
и дочь, скончалась в 1345 году.
Вдовствовал Гордый недолго и
вскоре женился на дочери смо-
ленского князя Евпраксии. Этот
брак сразу не заладился: если ве-
рить «Бархатной книге» (родо-

Почти полторы
тысячи лет стоит
на берегу Бос-
фора Великая
церковь

На южном
катихумении –
галерее второго
этажа – прохо-
дили церковные
соборы

словная знатных боярских и
дворянских фамилий России. –
Прим. ред.), новоиспеченную
княгиню «на свадьбе испортили:
ляжет с великим князем, и она
ему покажется мертвец». Так что
в 1346 году Симеон отправил
жену обратно к родителям, а сам
присмотрел себе новую супру-
гу – Марию, doch замученного в
Орде тверского князя Александра
Михайловича. Но тут уж воз-
мутился митрополит всей Руси
грек Феогност: мало того что тре-
тий брак князя нарушал все ка-
ноны, так еще и совершен был
при живой второй жене! Пере-
говоры Симеона с иерархом за-
кончились плачевно: митро-
полит закрыл все московские
церкви. И вот тогда князь дела-
ет ход конем: он отправляет ще-
дрое пожертвование в Царьград,
которое идет на восстановле-
ние Святой Софии, и константи-
нопольский патриарх Исидор I
Вухирас дает Симеону Гордому
благословение на третий брак.
Митрополит Феогност был вы-
нужден подчиниться...
В 1353 году строительные рабо-
ты в Святой Софии были завер-
шены, и с того времени купол
Великой церкви сохранился до
наших дней. И в том же году в

Знаменитая фреска «Деисус» на южной галерее второго этажа

Москве скончался 36-летний Симеон Гордый. Как считают многие историки, как раз от черной смерти, добрившейся и до Руси. Почти одновременно с князем умерли два его сына, митрополит Феогност, а также младший брат Симеона – Андрей. Перед смертью великий князь успел принять Великую схиму и составить духовное завещание, к счастью, дошедшее до нас. В нем есть удивительные строки: «Пишу вам это слово для того, чтоб не перестала память родителей наших и наша, чтоб свеча не угасла»...

Симеон Гордый, конечно, не увидел купол Святой Софии, восстановленный на его пожертвование. В 1354 году им любовался протеже великого князя – будущий митрополит Алексий (Бяконт), святитель Московский. Еще лет за десять до своей смерти Симеон сделал все для того, чтобы Алексий стал преемником митрополита Феогноса. Последний, кстати, не протестовал против кандидатуры Алексия, отправившегося в Царьград за получением разрешения у константинопольского патриарха. Здесь он пробыл около года и, получив весной 1354 года на-

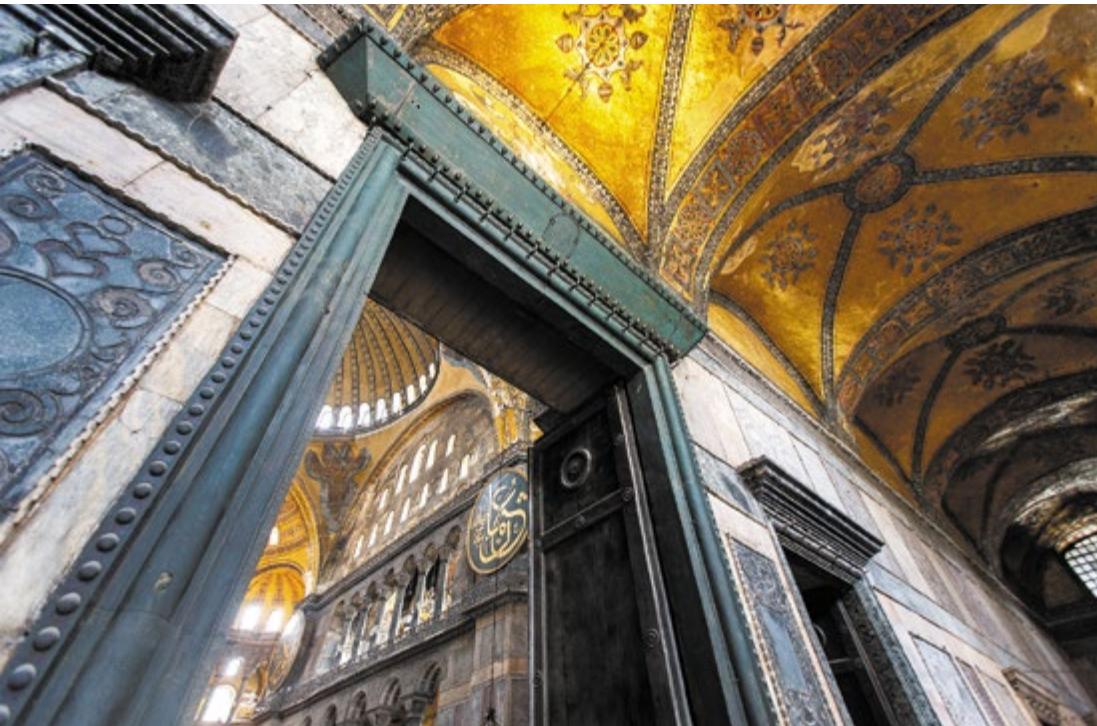
скромная плита с надписью – все, что осталось от захоронения злого гения Четвертого крестового похода, венецианского дожа Энрике Дандоло

стольную грамоту у патриарха Филофея, вернулся на Русь. Впереди Алексия ждали тяжелые испытания и удивительные свершения: отстаивание митрополичьего престола, защита малолетнего московского князя – будущего Дмитрия Донского, основание обителей, в том числе знаменитого Андроникова монастыря в Москве, поездки в Золотую Орду и знаменитое излечение Тайдулы – матери хана...

ЦАРСКИЕ ДВЕРИ

Как ни странно, в Святой Софии можно увидеть изображение византийского императора, чья история семейных неурядиц очень похожа на злоключения Симеона Гордого. В нартексе, прямо над Царскими дверями, всех входящих встречает весьма любопытная мозаика, сюжет которой нетривиален для византийской живописи. В центре ее изображен Иисус Христос, восседающий на троне и держащий

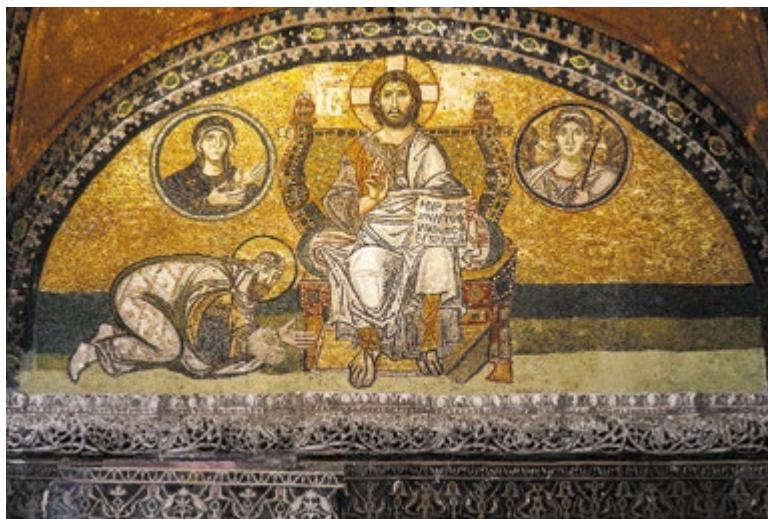

Евангелие, раскрытое на сло-вах: «Мир вам. Я есмь свет миру». Справа и слева от Христа – два медальона, в которых изображены Богородица и Архангел Михаил. А внизу перед троном рас-простерся византийский импе-ратор. Большинство исследователей считают, что на мозаике изобра-жен знаменитый василевс Лев VI Философ. Тот самый, кстати, при-котором русский князь Олег при-бил свой щит на врата Царыграда. Именно этот император заклю-чил известный договор от 2 сен-тября 911 года с русами, в кото-ром о Руси впервые упоминается как о государстве.

Свое прозвище блестяще обра-зованный Лев VI получил за не-сколько трактатов, весьма не-дурственные для того времени стихи и недюжинный ум. Но так же, как Симеону Гордому, ему не везло в семейной жизни. Три его жены скончались, оставив царя без потомства. После смер-ти третьей супруги Лев открыто поселил у себя во дворце любов-ницу – прекрасную Зою Карбо-нопсину (Черноглазую): женить-ся в четвертый раз император не мог, поскольку это наруша-ло все церковные каноны. И в 905 году Зоя родила императо-ру долгожданного наследника –

Раньше
через Царские
двери мог
проходить только
византийский
император

Многие
исследователи
уверены, что
на этой мозаике
изображен
император Лев VI
Философ

будущего Константина Багря-нородного. Радость Льва омра-чало лишь одно обстоятельство: константинопольский патриарх Николай Мистик отказался счи-тать царевича законнорожден-ным. Более того, он требовал от Льва немедленно расстаться с Зоей. Император же, напротив, обвенчался с ней. Тогда Николай Мистик изверг из сана свя-щенника, совершившего обряд, а затем сделал то, чего еще ни-когда не видела столица импе-рии. На Рождество 906 года, ког-да император в сопровождении торжественной процессии шел в Святую Софию, Николай Ми-стик встал в Царских дверях и не впустил Льва VI в храм! Василевс так растерялся, что даже расплакался. И ушел ни с чем. Видимо, убедившись, что дого-вориться с Николаем Мистиком не удастся, Лев Философ обратился к римскому папе, а также патриархам Антиохии, Иеруса-лима и Александрии с просьбой о разрешении четвертого брака. Иерархи не возражали. Окры-ленный поддержкой, Лев при-грозил, что обвинит Николая Мистика в измене. Но патриарх не сдавался: на Богоявление он вновь встал в Царских дверях и закрыл вход в церковь для им-ператора. Тогда Лев Философ пал ниц и плакался, прилюд-но раскаиваясь в своих грехах. А затем встал и вошел в храм через боковые двери, как обыч-ный прихожанин. Это настоль-ко противоречило церемониа-лу, что клирики и придворные подняли крик, но император заставил их замолчать движе-нием рук. После этого Лев про-шел в митаторий (помещение, отделенное от нефа плотны-ми занавесями, там императо-ры могли находиться, оставаясь невидимыми для подданных. – Прим. ред.), где и пробыл до конца службы. Всем стало ясно, что над константинопольским патриархом стущаются тучи. Понимая это, Николай Мистик сам подписал отречение от кон-стантинопольской кафедры и удалился в ссылку. После чего в столице был созван церковный

собор, утвердивший четвертый брак Льва и избравший патриархом духовника императора Евфимия...

Между прочим, клир и царедворцы не зря так протестовали против входа Льва Философа в Святую Софию через обычные двери. Средневековую Византию можно без преувеличения считать империей церемоний и ритуалов. Неслучайно одна из самых известных книг той поры – знаменитый трактат «О церемониях», написанный как раз Константином Багрянородным. Кстати, именно в нем весьма подробно описан прием византийским императором «архонтиссы России» – княгини Ольги. Так вот, согласно византийским церемониальным правилам, во время больших церковных праздников василевс – и никто, кроме него! – мог входить в Святую Софию исключительно через Царские двери.

Сейчас они открыты для всех. Современные туристы могут лишь подивиться их размеру, а вот средневековые прихожане и паломники считали их чудодейственными. Согласно преданию, Царские двери были сделаны из древесины Ноева ковчега и для сохранности окованы чистым серебром. Все, кто считал себя отравленным, бежали в Святую Софию и припадали к Царским дверям, которые, как считалось, мгновенно излечивали больных. Именно таких страждущих наблюдал в храме русский паломник Антоний Новгородский, побывавший в Константинополе в начале XIII века и оставивший нам книгу «Паломник».

Увы, испытать силу дверей нынешние туристы не могут: во время страшного разграбления Константинополя в 1204 году крестоносцы помимо всего прочего украли и Царские двери (см.: «Русский мир.ru» №4, 5, 6 за 2016 год, статья «Свидетели апокалипсиса». – Прим. ред.). А те, что сейчас установлены в храме, были сделаны в середине XIX века.

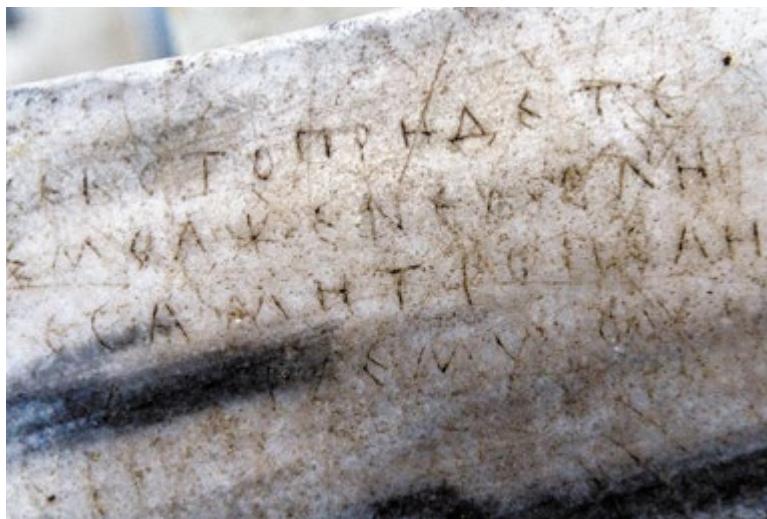
Под куполом
Святой Софии
в 1054 году
произошел
Великий раскол
христианской
церкви

ГРАФФИТИ ИЗ ПРОШЛОГО

Тогда, в 1204 году, Четвертый крестовый поход, собранный для освобождения Иерусалима, вообще не дошел до Святой земли. Крестоносцы осадили Константинополь и, взяв его, устроили в городе страшную резню и небывалый грабеж. Святая София, как и многие другие храмы, была разграблена, на алтаре Великой церкви плясала пьяная маркиантка, а упившиеся кровью и вином рыцари затаскивали в храм лошадей и мулов, чтобы погрузить на них богатую добычу.

16 мая 1204 года в Святой Софии был коронован правитель новой империи – Латинской. Граф Балдуин Фландрский, один из предводителей Четвертого похода, облачившись в порфиревые туфли и расшитую гербами мантию, преклонил колени у алтаря Великой церкви, и католические епископы возложили на него венец византийских императоров. Правда, Латинская империя просуществовала недолго: уже в 1261 году византийский василевс Михаил VIII Палеолог с триумфом вернулся в Константинополь.

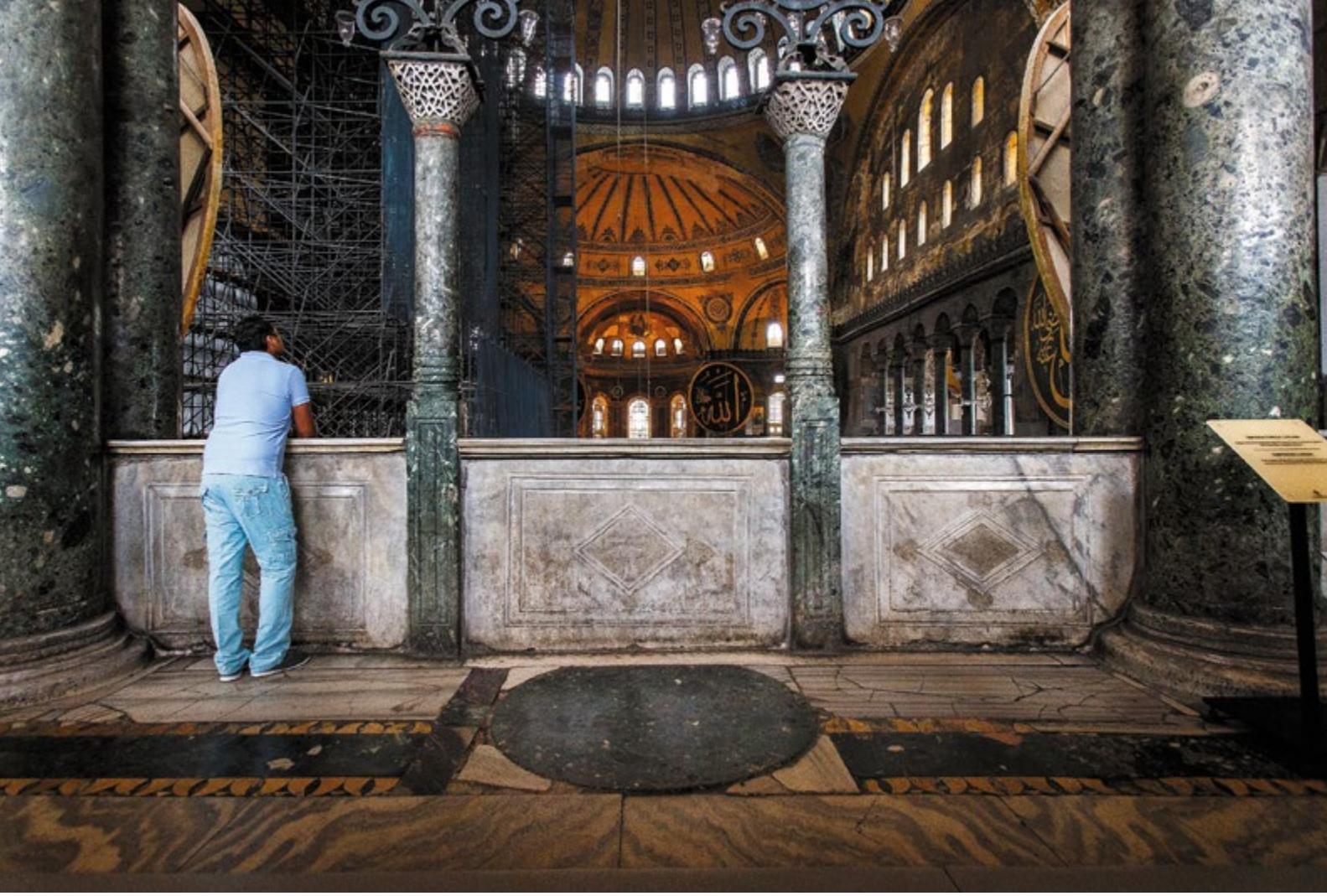

Каменный пандус, ведущий на второй этаж Святой Софии

Что же касается лидеров злополучного Четвертого крестового похода, то все они после захвата Константинополя не протянули и двух лет. Ставший императором Балдуин Фландрский попал в плен к болгарскому царю Калояну и умер в темнице в 1205 году. В том же году пали в боях Гуго де Сен-Поль и Людовик де Блуа. Бонифаций Монферратский погиб в битве с болгарами в 1207 году. Еще раньше, в 1205 году, скончался главный организатор похода и его злой гений, венецианский дож Энрике Дандоло. Его похоронили в Святой Софии, что выжившие константинопольцы посчитали оскорблением. А потому сразу после того, как Михаил VIII Палеолог воцарился в городе, останки дожа горожане извлекли из могилы и выбросили на съедение бродячим псам...

Все, что осталось от захоронения венецианского дожа, – это сиротливая мраморная плита с надписью Henricus Dandolo, которую сегодня можно увидеть на южном катахумении – галерее второго этажа собора. Поднимаются сюда по круговому просторному каменному

«Аже кото
придете семо,
аже не молитеся
митрополиту,
а горе ему
получити» –
эту надпись
русский палом-
ник оставил
на перилах
галереи совсем
недалеко от
тронного места
императрицы

пандусу, напоминающему аналогичные «лестницы» замка Святого Ангела в Риме. Но там наличие широких пандусов вполне оправданно: ведь Мавзолей Адриана, этот Печальный замок, использовался римскими папами в качестве крепости, так что по таким подъемам сюда было удобно завозить провизию. Но зачем было строить каменные пандусы в Святой Софии? Причина проста: по ним в роскошных паланкинах доставлялись на галерею знатные горожанки и сама императрица. Женщины во время служб в Великой церкви стояли именно на галереях второго этажа. Помимо них на южной галерее могли находиться оглашенные и прихожане, которым не хватило места на первом этаже.

Женщины, как правило, собирались на северной галерее. Исключение делалось лишь для императрицы и ее фрейлин: в самой середине западной галереи, прямо напротив алтаря Святой Софии, у парапета стоял трон супруги василевса. Найти это место сегодня не составляет никакого труда: достаточно отыскать на полу круг зеленого мрамора.

На этом круге зеленого мрамора стоял трон византийской императрицы

Если как следует присмотреться, то можно заметить, что парапет и колонны галереи свидетельствуют о распространении грамотности в Византии. Впрочем, то же самое можно сказать и о русских паломниках. Как утверждает известный византолог Сергей Иванов, около 80 граффити на парапетах галереи написано на русском языке, правда, пока опубликовано только 11 из них.

Надо сказать, что прихожане не только писали, но и рисовали то, что хотели, развлекаясь

во время служб. На одной колонне, например, можно разглядеть нацарапанный корабль, а на одном из парапетов южной галереи – сразу две игральные доски.

Кстати, именно здесь, на южной галерее, примыкающей к Патриаршему дворцу, проходили церковные соборы, на которых, как свидетельствуют хронисты, разгорались жаркие споры, звучали взаимные анафемы, а епископы нередко доходили до рукоприкладства. И здесь же, на южной галерее, находятся самые известные

На службах в Великой церкви женщины стояли на галереях второго этажа. Здесь же, на южной галерее, когда-то собирались воины знаменитой императорской Варанги: об этом свидетельствуют скандинавские руны, нацарапанные на перилах

уцелевшие мозаики Святой Софии – «Деисус», император Константин IX Мономах и его жена Зоя, предстоящие перед Христом, а также василевс Иоанн II Комнин с супругой Ириной и сыном Алексеем, поклоняющиеся Богородице. По дороге к ним придется пройти через прекрасные «Врата ада и рая», о которых никому ничего не известно. Странное дело: казалось бы, Святая София изучена вдоль и поперек, однако кто, когда и зачем поставил здесь эту мраморную препяду – загадка...

СПОР ЦЕРКВЕЙ

Святая София была свидетельницей и участницей многих историй и легенд, но, пожалуй, самое главное событие, на века определившее отношения между европейским Западом и европейским Востоком, произошло здесь 16 июля 1054 года. В тот день службу в храме вел константинопольский патриарх Михаил I Керуларий. Неожиданно в церковь вошли папские легаты, возглавляемые кардиналом Гумбертом. Не оглядываясь по сторонам и не обращая внимания на литургию, три римских посланника

Кто и когда поставил здесь мраморные «Врата ада и рая» – неизвестно

На этой мозаике изображен император Константин IX Мономах – дед русского князя Владимира Мономаха

протопали к алтарю и положили на престол буллу. Гумберт, владевший греческим языком, произнес краткую речь перед прихожанами, смысл которой сводился к осуждению константинопольского патриарха. А затем легаты проследовали к дверям. Перед тем как покинуть церковь, они демонстративно отрясли прах с ног, воскликнули *Videat Deus et judicet!* («Пусть Бог видит и судит!») и вышли из Святой Софии. В булле, которую Михаил Керуларий распорядился перевести на греческий язык, содержались обвинения патриарха во всемозможных ересях и отлучение от церкви. Керуларий в долгу не остался: не медля, он объявил анафему римскому папе. Так началась официальная схизма, Великий раскол христианской церкви, разделившейся на православную и католическую. Он продолжается и поныне. Справедливости ради заметим, что в тот момент, когда кардинал Гумберт положил буллу на престол Святой Софии, папский трон в Риме оставался вакантным. Папа Лев IX, отправивший легатов в Константинополь, скончался в апреле 1054 года. Новый глава Ватикана, Виктор II, был избран в Риме лишь в апреле 1055 года... «Ромеи» и «латиняне» и раньше не ладили по многим вопросам, споры об опресноках, посте в субботу, бритье бород, женатых священниках, филиокве, признании константинопольских патриархов равными римским папам и подложном «Константиновом даре» велись уже не первое столетие. Но в прежние времена разум всегда брал верх над эмоциями: Константинополь и Рим в итоге предпочитали существовать в мире и хотя бы не вредить друг другу. С началом Великой схизмы все изменилось: христиане Запада и Востока стали называть друг друга еретиками (кстати, это было одно из главных оправданий участников Четвертого крестового похода) и оспаривать право «первородства». Последствия этого шага оказались катастрофическими...

«СМОТРЕТЬ, ДАБЫ ВСЕ ПО УКАЗУ БЫЛО»

АВТОР

СЕРГЕЙ ХОЛОДОВ

ПОЛИЦИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, ОТВЕЧАЮЩАЯ ЗА ОХРАНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ПОЯВИЛАСЬ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XVI ВЕКА. НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ ТАК ПОНРАВИЛСЯ ПЕТРУ I, ЧТО, ВЕРНУвшись В РОССИЮ ИЗ ЗАГРАНИЧНОГО ТУРНЕ, ОН ТВЕРДО ВОЗНАМЕРИЛСЯ УЧРЕДИТЬ НЕЧТО ПОДОБНОЕ И У СЕБЯ В ОТЕЧЕСТВЕ. КАК И МНОГОЕ ДРУГОЕ, ПОЗАИМСТВОВАННОЕ ИЗ ЕВРОПЫ, ПРИЖИВАЛАСЬ ПОЛИЦИЯ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ С БОЛЬШИМ ТРУДОМ...

В ДОПЕТРОВСКИЕ ВРЕМена в России не было специального полицейского ведомства в привычном для нас понимании этого слова. Общественным порядком и борьбой с преступностью занималось несколько государственных органов. К примеру, Разбойный приказ ловил и наказывал воров, а также следил за тем, как ведется судопроизводство по уголовным делам в так называемых приказных избах. Розыском политиче-

ских преступников занимался приказ Тайных дел, созданный в 1654 году как личная канцелярия царя Алексея Михайловича. Для следствия по делу взбунтовавшихся стрельцов во главе с Федором Шакловитым в 1689 году был образован приказ Розыскных дел. После того как сотрудники приказа закончили работу, ведомство было распущено. Зато примерно в это же время появился другой приказ – Преображенский. Сначала он ведал «потешными» полками, а затем

расследовал дела о государственных преступлениях. Поддержанием порядка и судопроизводством на территории Москвы еще со временем Ивана Грозного занимался Земский приказ. А сыском беглых крестьян во второй половине XVII столетия заведовал Поместный приказ. Список государственных органов, так или иначе причастных к обеспечению общественной безопасности и порядка, можно при желании продолжить.

С этой управленческой мозаикой покончил Петр I. Великий реформатор, как известно, с упоением унифицировал российскую деятельность по европейским стандартам, и немало в этом преуспел. 27 мая 1718 года дошла очередь и до реформы правоохранительной системы. Именно в этот день в Петербурге была учреждена должность генерал-полицмейстера, которому «надлежало смотреть, дабы все по указу было». Диковатое для русского уха наименование должности Петр, как и многое другое, позаимствовал из немецкого языка. А спустя четыре года, в январе 1722-го, должность обер-полицмейстера с аналогичными обязанностями появилась и в Москве.

С петровского указа от 27 мая 1718 года, собственно, и ведет свою историю российская полиция. В будущем году ей исполнится триста лет.

На должность генерал-полицмейстера Петербурга царь назначил своего любимца Антона Девиера. Антон Мануилович Девиер был типичным выдвиженцем Петровской эпохи. Португальец по происхождению, Девиер попал в поле зрения Петра I, когда тот путешествовал по Европе. Царь взял энергичного юношу в свою свиту, а затем стал активно продвигать по служебной лестнице. В короткие сроки

Н.В. Неврев. Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова перед постижением. 1886 год. В 1735 году княжну по доносу доставили в Канцелярию тайных розыскных дел, где начальник политического сыска империи генерал-аншеф Ушаков предъявил ей обвинение в государственной измене

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Девиер становится капитаном лейб-гвардии Преображенского полка, получает имение и звание Его Царского Величества генерал-адъютанта. А в 1718 году 36-летний Девиер со свойственной ему энергичностью приступил к выполнению обязанностей генерал-полицмейстера.

С ПЕРЬЯМИ НА ШЛЯПАХ

Перво-наперво нужно было набрать людей в штат свежеиспеченного ведомства и придумать им отличную от других государственных слуг форменную одежду. Первые российские полицейские носили суконные кафтаны и короткие штаны синего цвета. Обшлага у каftанов делали красными, а камзолы – зелеными. Говорят, цветовую гамму форменной одежды для чинов полиции выбирал лично государь. Непременным атрибутом униформы считался черный галстук, который завязывали бантом, и так называемый карпус – головной убор в виде невысокого цилиндра, чуть сужавшегося кверху. Офицеры отличались от нижних чинов наличием золотого галуна по борту каftана и камзола, белым галстуком и позолоченными пуговицами. Иногда вместо карпуша офицеры надевали шляпы, на которых красовались белые и красные перья, и повязывали шелковые шарфы через плечо.

На службу полицейские заступали, имея на вооружении шпаги с медным эфесом, алебарды (длинные копья с топориками посередине) и фузеи со штыком (фузеями в начале XVIII века назывались гладкоствольные ружья с кремневым замком. – Прим. авт.).

Правда, особым служебным рвением первые российские полицейские не отличались. И если можно было уильнуть от караулов или патрулирования улиц, они с большим удовольствием отсиживались дома. На то были свои причины, и мы их обязательно упомянем. А пока посмотрим, чем конкретно должны были заниматься сотрудники нового для России ведомства.

В.И. Гесте.
Полицейский мост через Мойку.
Около 1806 года.
Название «Полицейский» мост получил в 1768 году из-за находившегося рядом управления городской полиции (часть дома видна на рисунке справа)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Городские сторожа ночью в Санкт-Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени
Д.-О. Аткинсона

ИНСТРУКЦИЯ ОТ САМОДЕРЖЦА

Круг полицейских обязанностей довольно четко очертил сам неутомимый реформатор. В инструкции генерал-полицмейстера, состоявшей из 13 пунктов, Петр I повелел, чтобы полиция прежде всего следила за строительством новых зданий в столице. Все строения не должны были выходить за красную линию улицы. Самы улицы и переулки надлежало делать прямыми и ровными. Внешний вид домов должен соответствовать установленным правилам, а печные трубы не портить красоту фасадов и крыш. А еще

царь пожелал, чтобы «берега рек и протоков, а также сточные канавы были хорошо украшены, дабы весною и в дожди землею их не заносило и чтобы нигде вода не останавливалась».

В общем, российская полиция по задумке самодержца должна была выполнять функции скорее архитектурно-строительной инспекции, нежели правоохранительного ведомства.

Впрочем, несколько последних пунктов инструкции все-таки было посвящено чисто полицейским вопросам. Среди них – контроль за качеством продовольственных товаров, а также за соблюдением весов, мер и цен. Кроме того, полиции предписывалось выявлять и ликвидировать всякого рода несанкционированные питейные заведения, притоны и игорные дома, арестовывать нищих и праздношатающихся по улицам людей.

Впоследствии функции полиции постоянно расширялись. В конце петровского правления, например, крайне актуальной стала проблема сыска беглых крестьян, работных людей и солдат. Непрерывная череда войн и реформ сделала жизнь простого народа невыносимой. Люди сбегали с мануфактур, куда их пригоняли на работу сильой. Из армии частенько дезертировали солдаты. Крепостные крестьяне и в прежние годы уходили от своих помещиков, а в петровское время, когда крепостного низвели до положения бесправного раба, бегство

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

их и вовсе стало тотальным. Неудивительно, что обеспокоенное правительство пыталось ввести эффективную систему учета населения, дабы быстро выявлять беглых. Эти непростые задачи возложили на молодую полицейскую службу.

Первым делом по Петербургу и Москве были развесаны объявления, призывающие горожан немедленно докладывать в полицию о каждом незнакомом человеке, появившемся в городе. Все, кто приезжал в столицу, обязаны были регистрироваться в полицейской канцелярии. Это же правило распространялось и на тех, кто из города уезжал. Держать у себя дома постоянных людей или нанимать их на работу строго-настрого запрещалось. Нарушителей пугали высокими штрафами и телесными наказаниями.

А когда выяснилось, что все эти строгости не работают в должной мере, власти начали вводить всеобщую паспортизацию населения. Хочешь беспрепятственно ездить по стране – получай паспорт. Человека, не имеющего документа, задерживали и доставляли в полицмейстерскую канцелярию для выяснения личности. После чего здоровых отправляли в солдаты или на работу, инвалидов и стариков – в приюты и богадельни, беглых крепостных били батогами и возвращали хозяевам. В случае повторного «залета» били кнутом всех без разбора и отправляли мужчин – на каторгу, а женщин и детей – на прядильный двор или суконные мануфактуры. А чтобы стимулировать горожан активнее помогать полиции в поиске беглых, было установлено вознаграждение в размере 2 рублей за каждого изловленного беглеца.

На органы полиции власти возложили контроль и за внешним видом подданных. Жителям столицы было запрещено носить бороды и традиционное русское платье. Появление в таком виде на улицах Петербурга расценивалось как преступление, и виновных тут же задерживала по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Наказание
плетью
крепостного
крестьянина.
Гравюра
К.-Г.-Г. Гейслера.
1805 год

лиция. Вообще, жизнь горожан в петровские времена подвергалась строгой и порой нелепой регламентации. Например, власти решали, сколько часов жителям города положено спать, сколько работать, какие наряды надевать по праздникам, сколько лошадей запрягать в экипаж. Грубое вмешательство властей в частную жизнь горожан нередко вызывало недовольство, а то и открытое противодействие. Выявлять нарушителей и наказывать их обязаны были полицейские чины. А еще полицейским вменялось в обязанность следить за освещенностью городских улиц. Уличных фонарей поначалу не было. В ночное время обе столицы погружались в кромешную темноту. Что, естественно, облегчало «работу» ворам и разбойникам и, наоборот, осложняло жизнь добропорядочным горожанам. Выход был найден следующий. Всем обывателям, окна которых выходили на улицу, предписывалось ставить на подоконники горящие свечи. За соблюдением этого правила, разумеется, должна была следить полиция.

Ж.-С. Филип.
Стрижка бород
у русских бояр
при Петре I.
1742 год

ПОЛИЦИЮ ДЕРЖАТ НА ГОЛОДНОМ ПАЙКЕ

Как и многие новации Петра, реформа правоохранительной системы была непродуманной, спешной, а главное – слабо подкрепленной финансово и законодательно. Неудивительно, что первые годы существования полиции выдались для ее сотрудников чрезвычайно тяжелыми. Во-первых, финансировалась свежеиспеченная структура по остаточному принципу – как сельские библиотеки в современной России. В результате полицейским регулярно задерживали жалованье, которое к тому же было меньше, чем, скажем, в армии и уж тем более в гвардии. Армейский капитан, например, в петровские времена получал 180 рублей в год, а его коллега из полиции – почти вдвое меньше. Снабжение полицейских чинов тоже оставляло желать лучшего. По инструкции,unter-офицеры и солдаты полиции должны были получать от Адмиралтейства каждые четыре года кафтаны, камзолы и штаны, и каждый год – по две пары башмаков, чулок и галстуков. Однако в действительности на полиции экономили. И на то были в том числе и объективные причины. Дело в том, что сукно, из которого делали мундиры, в России тогда не производили. Его приходилось закупать за границей, было оно недешево. В петровские времена денег в казне вечно не хватало, все доходы тут же съедали бесконечные войны и масштабные, выражаясь современным языком, инфраструктурные проекты вроде строительства Петербурга. Тут уж не до снабжения свежеиспеченной полицейской службы – были куда более важные и неотложные статьи расходов. Дошло до того, что в 1723 году обиженный Антон Девиер, подчиненные которого четыре года ходили в одних и тех же башмаках и буквально стерли их до дыр, вынужден был отправить рапорт в Сенат с жалобой на чиновников Адмиралтейства. И только после этого положение с форменной одеждой несколько улучшилось.

Кроме того, ни чиновники, ни простые подданные империи долгое время не могли понять, зачем, собственно, вообще полиция нужна. Отсюда и нежелание в ней служить, и несколько пренебрежительное отношение к чинам полиции в обществе. Правительство всеми силами пыталось заставить армейских офицеров и штатских чиновников переходить на службу в полицейские органы, а те всячески уклонялись от этой неприятной, по их мнению, повинности. Известен случай, когда одного московского дьяка перевели на службу в петербургскую полицию, а тот под всякими благовидными предлогами отказывался ехать в Северную столицу. Тогда генерал-полицмейстер Петербурга Девиер направил гневное послание в Сенат с настоятельной просьбой прислать этого дьяка силой. Однако прошло восемь месяцев, а непокорный дьяк на берегах Невы так и не объявился, о чем Девиер известил Сенат в одном из своих рапортов.

Неудивительно, что долгое время после учреждения полиции в ней катастрофически не хватало людей. По штату, утвержденному Сенатом, в подчинении генерал-полицмейстера должно было быть 190 человек: 30 офицеров и унтер-офицеров и 160 нижних чинов. Однако в действительности в 1719 году, например, в Петербургском полицейском управлении числилось не более 70 человек. Народ упорно не желал служить в полиции, и в течение многих лет, несмотря на все потуги властей, новая служба испытывала и кадровый, и финансовый голод.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Антон
Мануилович
Девиер
(1682–1745),
генерал-
адъютант,
первый генерал-
полицмейстер
Санкт-
Петербурга

Изображение
пожара в Санкт-
Петербурге
в 1737 году.
Немецкая
гравюра
того времени

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А после смерти Петра ее и во все хотели разогнать за ненадобностью. И так бы оно, скорее всего, и случилось, если бы пожар 1737 года.

ОГОНЬ, ВОДА И ДРАГУНЫ В ПРИДАЧУ

Всем известна поговорка «От копеечной свечи Москва сгорела». Именно так и произошло на праздник Троицы, который в 1737 году пришелся на 29 мая по старому стилю. Кто-то поставил свечку иконе Святой Троицы. Свечка упала, от нее вспыхнула скатерть, затем огонь охватил все здание, а от него полыхнули и соседние. За несколько дней сгорела почти вся Москва. От центра города осталось одно пепелище. Как подсчитали впоследствии власти, огонь уничтожил 12 тысяч построек и унес жизни почти 100 горожан. По масштабам бедствия пожар 1737 года сопоставим разве что с пожаром 1812 года. Впрочем, последствия могли стать еще более печальными, если бы не умелые действия московской полиции. Именно полицейские чины помогали людям выбираться из горящих зданий, организовывали охрану имущества погорельцев, размещали горожан, потерявших жилье, на временных квартирах. А после того, как пожар был потушен, провели следствие

по факту возгорания и установили его причины.

Нужно отдать должное властям. Они сделали из этой трагедии конкретные выводы. После катастрофы 1737 года Сенат в приказном порядке возложил вопросы противопожарной безопасности в обеих столицах на полицейские органы. Отныне полицейские чины помимо всего прочего обязаны были тщательно следить за исправностью печей, наличием колодцев во дворах и кадок с водой на крыши домов. Кузницы и склады с огнеопасными материалами по новым правилам не должны были находиться по соседству с жилыми домами. Каждые три месяца полицейские чины обязаны были осматривать все домовладения на предмет соответствия правилам противопожарной безопасности. И в случае их нарушения применять самые жесткие меры вплоть до сноса пожароопасных строений. Тех, кто не соблюдал правила противопожарной безопасности, ожидало суровое наказание. Домовладельцы низших сословий за такие грешки подлежали безжалостной порке. А в домах богатых горожан за невыполнение полицейских предписаний секли дворецких и служ. В целом события 1737 года изменили отношение к полиции в обществе. Обыватель полицейских зауважал, а верховная власть окончательно убедилась в необходимости и полезности новой службы. Полицию стали лучше снабжать, повысили жалованье ее сотрудникам. На помощь полицейским, по распоряжению Сената, стали направлять команды драгун. Они патрулировали улицы, ловили по окрестным лесам воров и разбойников, участвовали в розыске беглых крестьян.

Однако понадобилось еще сорок с лишним лет, чтобы окончательно встроить органы полиции в государственный механизм Российской империи. Это было сделано лишь при Екатерине Великой, во время масштабной реформы губернского и городского управления. Но это тема отдельного разговора.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анна Алексеевна Толстая с сыном
Алексеем. Миниатюра Е. Мартена.
Начало 1820-х годов

лежский советник, специалист по банковскому делу, даром что представитель знатного рода. Мать Анна Алексеевна, урожденная Перовская – внебрачная дочь графа Алексея Разумовского и, стало быть, внука Кирилла Разумовского, приходившегося младшим братом фавориту императрицы Елизаветы Петровны, по неподтвержденным данным, ее тайному супругу. «Внебрачность» в данном случае – штука относительная. После развалившегося брака с Варварой Шереметевой Алексей Разумовский 35 лет прожил в полном счастье с дочерью своего береготора Марии Соболевской. Анна Алексеевна вместе с остальными детьми от этого альянса по понятной причине были обласканы властью, получили дворянство, а фамилию обрели по названию одного из поместий отца в подмосковном сельце Перово.

Вопреки довольно распространенному мнению, русская аристократия в XIX веке вовсе не была склонна к соблюдению патриархальных канонов и домостроя. Официальный развод тогда получить было трудно, но на практике не нашедшие общего языка супруги расходились без особой оглядки на мнение света. Так случилось и в семье родителей Алексея. Спустя шесть недель после рождения сына Константин Петрович жену покинул. По гостиным Петербурга блуждали слухи, что причиной тому стали подозрения Толстого в том, что ребенок – плод отношений Анны Алексеевны с ее братом Алексеем

ГРАФ СЕРЕБРЯНЫЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА, СЛУЧАЙНО, // В ТРЕВОГЕ МИРСКОЙ СУЕТЫ, // ТЕБЯ Я УВИДЕЛ, НО ТАЙНА // ТВОИ ПОКРЫВАЛА ЧЕРТЫ». В ЭТИХ СТРОЧКАХ НЕТ НИ ИЗБЫТОЧНОЙ РОМАНТИКИ, НИ ЗАГАДОЧНОЙ МИСТИКИ, НИ ТВОРЧЕСКОЙ ФАНТАЗИИ.

ЕСТЬ ТАЛАНТ БОЛЬШОГО ПОЭТА, СПОСОБНОГО ТОЧНО И КРАСИВО ОТОБРАЗИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ. НА БАЛУ В ПЕТЕРБУРГСКОМ БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ 33-ЛЕТНИЙ ГРАФ ТОЛСТОЙ ВСТРЕТИЛ МАСКУ, ПОД КОТОРОЙ СКРЫВАЛАСЬ СОФЬЯ МИЛЛЕР.

Ж

ЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ к которой вспыхнула в одночасье. Женщина, ставшая женой и музой на долгие годы – вплоть до смерти писателя...

РОДИТЕЛИ И РОДСТВЕННИКИ

Граф Алексей Константинович Толстой появился на свет 5 сентября 1817 года в Петербурге. Отец Константин Петрович – кол-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Г. Варнек. Портрет поэта графа А.К. Толстого в возрасте 12 лет. 1829 год

Перовским. Более того, слухи обрели форму официальных доносов, автором одного из которых был одиозный Фаддей Булгарин. Эпиграмма Михаила Лермонтова характеризует кляузника как нельзя лучше:

*Россию продает Фаддей
Не в первый раз, как вам известно.
Пожалуй, он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да, жаль, заложена в казну.*

Как бы то ни было, но мать Алексея, хоть и избегала личных встреч с мужем, сына от него не прятала. Наоборот, всячески поощряла их отношения. Неслучайно сразу после ее смерти в 1857 году ночь у гроба отец и сын проводят вместе. Известно, что после ночного бдения Алексей Константинович положил отцу ежегодную пенсию в 4 тысячи рублей...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Брюллов.
Портрет графа
А.А. Перовского
(писателя
Антона
Погорельского).
1836 год

ПЕРВЫЕ ШАГИ

С первых месяцев жизни Алексей Толстой жил в семье дяди – Алексея Перовского, в дом которого переехала Анна Алексеевна. Толстовские гены и так были насыщены литературными хромосомами. Знаменитый предок писателя – Петр Андреевич Толстой, сподвижник Петра I, искусный дипломат, оставил дневниковые записи, являющиеся образцом публицистики конца XVII века. А тут мальчик оказался еще и под влиянием дядиных та-

лантов. Алексей Перовский был известным литератором, печатавшим свои опусы под псевдонимом Антоний Погорельский, навеянным названием родовой усадьбы Погорельцы (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2011 год, статья «Первый двойник». – Прим. ред.). Кстати, этот опыт – выбирать псевдоним по названию собственного поместья – Толстой на заре творчества перенял у дяди, подписав первую опубликованную повесть, «Упырь», под фамилией Краснорогский. «Красный Рог» – так называлась усадьба в Черниговской губернии, завещанная потомкам Алексеем Разумовским. Именно там прошло детство писателя, там же он ушел из жизни 10 октября 1875-го. Там и был похоронен.

Чудны дела твои, Господи! Поэт Евгений Боратынский, едва увидели свет гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», был уверен, что повести принадлежат перу Перовского–Погорельского. Стало быть, имелся у дядюшки недюжинный талант. Да и как без таланта написать притчу «Черная курица, или Подземные жители»? Однако кто сегодня знает литератора Погорельского? А в первой половине XIX века его многие знали. Жуковский, Рылеев, Греч, Пушкин... В 1820 году Перовский привозит сестру и ее сына в Петербург. Об образовании думать пока рано, Толстому только 3 года. Но спустя пять лет стараниями дяди он появляется при дворе. Августейшему наследнику Александру Николаевичу потребовались товарищи для игр и умственного времяпрепровождения, и Жуковский, всеми силами старавшийся привить будущему государю любовь к изящным наукам, подбирал ему в друзья мальчиков, не лишенных тяги к прекрасному. Сам Толстой уже тогда тяготился необходимостью разделять увлечения великого князя военными забавами, но подчинялся воле старших. Будучи отменно развитым физически (сказывалась кровь казаков Розумов и толстовская закваска), во всех баталиях он неизменно

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дом Перовских на Новой
Басманной.
Дом был заново
отстроен
после пожара
1812 года Марией
Михайловной
Денисьевой,
урожденной
Соболевской, для
своих сыновей,
родившихся вне
браха от графа
А.К. Разумовского

первенствовал, чем заслужил особую привязанность будущего императора.

В 1827 году Первовскому пришло в голову познакомить воспитанника с Европой. Германские земли произвели на 10-летнего отрока неизгладимое впечатление. Более всего прочего запомнилась встреча с Иоганном Вольфгангом Гёте, великим создателем «Фауста». Было классику уже под 80. Виктор Гюго 25 лет от роду уже приступил к работе над «Собором Парижской Богоматери». 56-летний Вальтер Скотт уже несколько лет, как опубликовал «Айвенго». В Петербурге Александр Пушкин облекает в рифмы выдуманную жизнь Евгения Онегина. Невероятной плотностью обладало то время по части литературных гениев. «Во время нашего пребывания в Веймаре дядя повел меня к Гёте, к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением, ибо слышал, как о нем говорили все окружающие. От этого посещения в памяти моей остались величественные черты Гёте и то, что я сидел у него на коленях», – много позже в одном из писем делился Алексей Константинович. Великий немец подарил мальчику фрагмент бивня мамонта, который Толстой хранил всю жизнь.

Через четыре года случилось путешествие в Италию, где Алексей, несмотря на юный возраст, крайне серьезно отнесся к изучению живописи, скульптуры и архитектуры Возрождения. Эти своеобразные уроки «на натуре» сильно повлияли на формирование безупречного художественного вкуса, наличие которого у Толстого впоследствии отмечали все без исключения.

По собственному признанию, Толстой начал рифмовать слова в 6 лет. Что, в общем, ничуть не удивительно. Эпидемия стихотворчества охватывала подавляющее большинство юных представителей русской аристократии. В первой трети XIX века стихи превратились в форму повседневного общения. Посредством рифмы обращались к друзьям, возлюбленным, начальникам, идей-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Брюллов.
Портрет графа
А.К. Толстого.
1836 год

ным противникам и даже врагам. В 99 случаях из 100 качество стиха оставляло желать лучшего. Банальность, примитивность, подражательство наполняли частные альбомы и литературные журналы. Для одаренных хотя бы крупицей таланта это была школа опыта и конкуренции.

Толстой, как и все, тоже начинал с подражательства. Вкус и чутье подсказали ему, кого выбрать за образец: Василия Жуковского. Стихи 6-летнего Алексея не сохранились, но имеются в анналах вирши Толстого, вступившего в пору юности. «Своего» почти нет, но «чужое» сделано здорово. Еще не «по-пушкински», но уже не «по-державински».

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА...

В 1834 году 17-летний Толстой поступает на службу. Сейчас бы это назвали так: стажер с испытательным сроком. Стажироваться Алексею пришлось в Московском архиве иностранных дел, что располагался на Покровке. Служба обременительной не была, всего два присутственных дня в неделю, да и теми можно было манкировать по уважительной причине и без оной. Некоторые коллеги не появлялись в архиве месяцами. Толстой также не баловал начальство посещениями, будучи увлечен балами, приемами, творческими вечерами и... охотой.

Об охотничьей страсти хотелось бы сказать особо. В Толстом соединялись черты, которые, казалось бы, не могут сосуществовать мирно. Эстет, добряк, человек, лишенный всякого интереса к интригам, карьере, дракам в любых формах, соперничеству, одним словом – душа. Но на счету Алексея Константиновича – до сотни убитых медведей. Он любил сразиться в лесу с соперником сильным, крупным, опасным. Понятно, что при случае и вальдшнепов с зайцами стрелял, но самоцелью была встреча с врагом серьезным. Бытует легенда, что как-то в Красном Роге Толстой неподалеку от усадьбы столкнулся нос к носу с очередным бурьем. Как раз в тот день он шел вовсе не на медведя, а чуть ли не по грибы. Ружья с собой не было. Граф спрятался от медведя за толстым стволом дерева, но тот пошел в атаку. Обхватив ствол с двух сторон руками и лапами, человек и зверь вцепились в конечности друг друга. Шли минуты, и Толстой стал терять силы. Когда руки онемели и отказались слушаться, медвежья хватка тоже ослабла. Охотник опустил руки, и косолапый тут же рухнул на землю замертво. Оказалось, медвежье сердце не выдержало нагрузки. Кто знает, может быть, мучившие графа мысли о несовершенстве бытия и недоброкачественности человеческого материала реализовались в его многолетнем противостоянии с медведями и лосями? Кстати, единственная любовь Толстого, Софья Андреевна Мил-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет
великого князя
Александра
Николаевича.
1828 год.
Акварель
П.Ф. Соколова

лер, отменно держалась в седле и хорошо стреляла.

Однако ж охота охотой, а служба службой. Знакомство Толстого с массой исторических источников состоялось как раз в Московском архиве. Не исключено, что его пожизненный интерес к древней и средневековой русской истории и предопределенность творчества сформировались именно тогда. Впрочем, в архиве он не задержался: в 1835 году сдал экзамены в Московском университете, что позволило получить первый разряд чиновника государственной службы. Вскоре Толстой был принят в департамент хозяйственных и счетных дел МИДа в Петербурге. Друг детства будущего императора, вхожий в великолкняжеские дворцы, вполне мог рассчитывать на быструю и блестящую карьеру. Если б сам этого хотел. Но Толстому был чужд чиновный мир, что он всегда подчеркивал. И значительную часть жизни был вынужден оставаться чиновником в самых что ни на есть скучных, на его взгляд, ведомствах. Только в 1861 году действительный статский советник (генерал-майор) граф Толстой получил от друга детства Александра II «вольную». И то он был назначен на ни к чему не обязывающую, но все-таки государеву должность егермейстера. Не сказать, что в этом плане Толстой – белая ворона. Пушкин служил и тяготился этим. Лермонтов мечтал об отставке из военной службы. Тютчев был крупным дипломатом. Салтыков-Щедрин губернаторствовал. Фет испил чашу офицерства в армейских кирасирах...

Со стихами Толстого Жуковский познакомился благодаря инициативе дядюшки Перовского еще в 1835 году. На следующий год опусы графа получили сдержанную похвалу Пушкина. Но к публичному дебюту по каким-то причинам Алексей не стремился. Еще не родилось стремление отдать, доминировало желание взять. Этому способствовали заграничные командировки в Германию, Италию, Францию. Этому помогали знакомства в литературной среде, в частности с Николаем Гого-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лем. Дебют состоялся в 1841 году. Отдельным изданием вышла в свет повесть «Упырь». Сейчас бы сказали – сделанная в жанре фэнтези. А вот свои упражнения в стихотворчестве Толстой представил на суд публики только в 1843 году. Причем стих под названием «Серебрянка» был опубликован в журнале «Листок для светских людей» без подписи...

Когда Михаил Лермонтов готовил к печати свой первый сборник, к нему в кабинет зашел его троюродный брат Аким Шан-Гирей. Увидев на диване толстую стопку бумаги, он радостно заметил, что сборник выйдет внушительный. Лермонтов мрачно кивнул на тонкую стопку листов, лежавшую по

Графиня
Софья
Андреевна
Толстая,
урожденная
Бахметьева,
жена
А.К. Толстого

другую сторону, и сказал, что отобранные к печати стихи здесь. В стопке было всего 26 стихотворений. Под лермонтовскую цензуру подпал и «Парус». Шан-Гирей онемел. Похоже, в части требовательности к себе Толстой уступать великому поэту не собирался. К слову, именно Лермонтов после увлечения Жуковским стал для графа некой путеводной звездой в поэзии.

В 1851 году Толстой знакомится с Софьей Миллер, супругой полковника лейб-гвардии Конного полка. Софья Андреевна к тому времени жила самостоятельной жизнью, так как брак с Львом Федоровичем, единственное достоинство которого помимо бесспорочной службы заключалось в фантастической красоты усах пшеничного цвета, не задался. Да и не мог задаться. Замужество было вынужденным. Незадолго до него расстроился брак с офицером Преображенского полка князем Григорием Вяземским. Княжья родня посчитала, что брак аристократа с бесприданницей неведомого рода Бахметьевых – мезальянс, и дело развалилось. Позже брат Софьи стрелялся с Вяземским и получил пулю в грудь. Дабы замять всю эту историю, несостоявшаяся невеста приняла предложение недалекого, но безмерно влюбленного в нее Миллера.

Неисповедимы пути Господни! Софья Бахметьева приходилась племянницей Варваре Бахметевой, урожденной Лопухиной. Той самой, которую так любил Михаил Лермонтов, почитаемый Толстым.

Отношения Алексея Константиновича с госпожой Миллер наладились сразу. Но в течение двенадцати лет доблестный конногвардеец ни в какую не соглашался дать развод. И только в 1863 году Толстой и его избранница обвенчались в православной церкви германского Дрездена.

У каждого молодость сменяется зрелостью по-разному. Для Толстого поворотной стала встреча «средь шумного бала», свидетелем которой, между прочим, был Иван Тургенев.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Граф Алексей
Толстой в форме
стрелкового
полка. 1856 год

ЗРЕЛОСТЬ

Несмотря на обязанности по службе, с этого времени Толстой начинает заниматься литературой всерьез. Это может показаться тривиальностью, но он на самом деле обрел в лице Софии Андреевны музу, по зову которой хотелось писать лирические стихи, искать свое место в прозе, музу, с которой этот могучий мужчина, сгибавший подковы и загонявший пальцами гвозди в доску, мог делиться рафинированными переживаниями и пугающими глубиной мыслями.

Впрочем, серьезное отношение к литературному поприщу вовсе не помешало Толстому ввязаться в авантюру, благодаря которой он останется в истории навсегда. Днями поинтересовался по слухам у одного молодого человека, завершившего среднее и высшее образование в новой России, знает ли он такого писателя – Алексея Константиновича Толстого. В ответ, как говорится, тишина. Намекнул на те самые строки из романа про «шумный бал». В ответ – что-то припоминается. Далее в разговоре всплыл Козьма Прутков. И тут реакция была не в пример активнее.

Это имя впервые высветилось в 1851 году. Великая мистификация, рожденная Толстым и его родственниками братьями Жемчужниковыми – Алексеем, Владимиром и Александром, не потеряла актуальности до сего дня. И, похоже, не потеряет еще очень долго. Справедливости ради надо сказать, что мистификаторов творчества главы Пробирной палатки Пруткова было пятеро. Как-то забывают о том, что к созданию мифического писателя и баснописца приложил руку георгиевский кавалер штабс-капитан Александр Аммосов, скончавшийся в 1866 году 43 лет от роду. На всяких пирушках до сих пор любят распевать якобы народную песню «Хасбулат удалой». У музыки есть автор – Ольга Агренева-Славянская, у стихов тоже – Аммосов. Это сейчас кажется, что создатели автора знаменитого изречения «Зри в корень!» купались

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.К. Толстой
(за столом
в центре) в кругу
родственников
и знакомых.
Санкт-Петербург.
1867–1868 годы

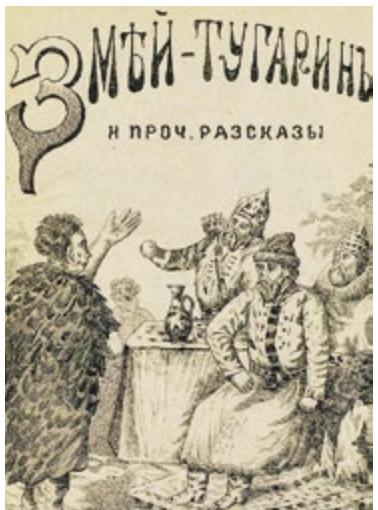
в славе, рожденной «прутковщиной». На самом деле был момент, когда недалеко было и до опалы. Алексей Толстой и Алексей Жемчужников в декабре 1850 года написали пьесу «Фантазия». В спектакль на сцене Императорского Александрийского театра она превратилась за считанные недели. Постановщик и труппа не слишком обременили себя репетициями, по факту постановка шла «с колес». Но пьеса была вовсе не так проста, как могло показаться на первый взгляд. Коллективный Козьма Прутков, будучи «казенным человеком», рьяно критиковал эту казенщины. Прибывший на премьеру Николай I во время представления покинул ложу, публи-

ка была в негодовании. После премьеры пьесу по высочайшему повелению запретили. Среди прутковцев Толстой задержался недолго. Начавшаяся Восточная (Крымская) война остыдила бульон, в котором кипели ирония и ёрничество по части русской жизни. Были и другие основания относиться к происходившему вокруг все серьезнее. Пользуясь расположением наследника, Толстой вступился за Тургенева, высланного в имение за публикацию «Записок охотника» и некролог умершему Гоголю, которого в царском дворце, мягко говоря, недолюбливали. Годом ранее, в 1852-м, граф принял деятельное участие в судьбе основоположника русского критического реализма в живописи Павла Федотова, сошедшего с ума. Защита несправедливо обиженных и слабых – это кредо Алексея Константиновича. Уже после вступления на престол Александра II он в личной беседе пытался изменить отношение государя к судьбе осужденного Николая Чернышевского. Правда, безрезультатно. Более того, чуть не погубив многолетнюю дружбу с царем. Надо подчеркнуть, что, стараясь помочь «либералам», Толстой вовсе не разделял их идеологических взглядов. Скорее, наоборот, придерживался славянофильской позиции. Хотя по ряду вопросов спорил и с Аксаковым, и с Хомяковым. А еще Алексей Константинович

Александр Николаевич Аммосов
(1823–1866),
поэт, принимал
участие в «писани-
ниях Козьмы
Пруткова»

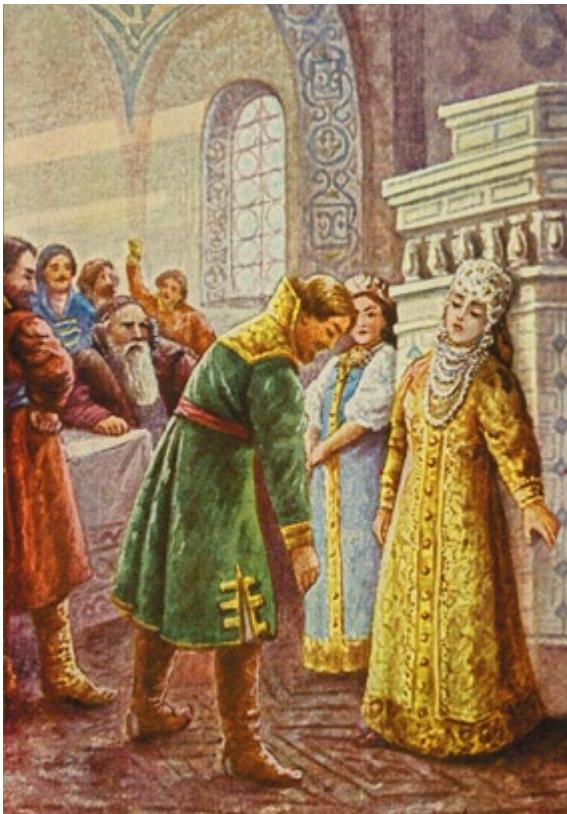
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги А.К. Толстого «Змей-Тугаринъ». Сказки и былины. Издание А.Д. Сазонова. 1896 год

был одним из первых в России, кто пытался обратить внимание властей на проблему сохранения исторических памятников. В 1860 году он написал императору весьма пространное письмо, в котором «пальцем тыкал» в те места в Новгороде, Пскове, Изборске, Старой Ладоге, Москве, где разрушение древнего наследия уже свершилось или предполагалось. «Государь, я знаю, что Вашему Величеству не безразлично то уважение, которое наука и наше внутреннее чувство питают к памятникам древности, столь малочисленным у нас по сравнению с другими странами. Обращая внимание на этот беспримерный вандальизм <...> я, как мне кажется, действую в видах Вашего Величества, которое, узнав обо всем, наверно, сжалится над нашими памятниками старины и строгим указом предотвратит опасность их систематического и окончательного разрушения...».

Но вернемся на войну. Первый и единственный раз Толстой был крайне активен на государственном поприще. Едва начались боевые действия, он вместе с давним товарищем, графом Алексеем Бобринским, решил создать и профинансировать специальный десантный отряд, который должен был препятствовать вторжению англичан в

Финский залив. Англичане вторгаться передумали. И тогда граф отправился на юг, в Одессу. Да не один. Он принял деятельное участие в образовании стрелкового полка, в который набирались опытные охотники, в том числе сибиряки. Вот когда пригодилась любовь к медвежьей охоте. Вместе с полком Толстой дер-

Иллюстрация
А. Шатковой
к роману
А.К. Толстого
«Князь
Серебряный»

А.К. Толстой.
1864 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жал рубеж под Одессой. Сражаться полку, правда, не пришлось. Но потери он понес огромные. Треть чинов была потеряна из-за эпидемии тифа. Заболел и едва спасся сам Алексей Константинович, ротный командир первого батальона. Между прочим, этот временно сформированный полк стал впоследствии основой для формирования лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона (с 1910 года – полка), славного своей короткой, но насыщенной боевой историей.

Ну а что литература? Самый активный период пришелся на годы, когда Толстой освободился от государевой службы. Драматическая поэма «Дон Жуан» – 1862 год. Историческая трилогия «Смерть Иоанна Грозного» – 1866-й, «Царь Федор Иоаннович» – 1868-й, «Царь Борис» – 1870-й. Были написаны баллады «Роман Галицкий», «Боривой», «Илья Муромец», «Садко». Под занавес жизни Толстой писать стихи перестал. Но не переставали их читать знаменитые русские композиторы. Более 70 стихотворений стали основой для романов и песен, написанных Николаем Римским-Корсаковым, Петром Чайковским, Модестом Мусоргским, Антоном Рубинштейном, Сергеем Танеевым.

Почти у каждого писателя есть произведение жизни. Для Алексея Константиновича Толстого таковым стал роман «Князь Серебряный». В современной школьной программе по литературе на все 11 классов имеется знакомство с четырьмя стихотворениями графа. Роман о царствовании Ивана Грозного остался втуне, хотя, надо признать, немного есть в русской литературе прозы, касающейся тех удивительных времен. Кто знает, может быть, «Князь Серебряный» рекомендован для внеклассного чтения. Хотя это чтение – «классное» без всяких сомнений...

Граф Алексей Константинович Толстой ушел из жизни 10 октября 1875 года. «Эпитафию» себе он написал сам: «Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя».

«ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ» ИЗ КИТАЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

БРОНЗОВЫЙ ШАЛЯПИН ДЕРЖИТ ШЛЯПУ И ПЛАЩ В ЛЕВОЙ РУКЕ, ПРАВУЮ ПРИЖИМАЕТ К СЕРДЦУ И СМОТРИТ СВЕРХУ ВНИЗ НА ТОЛПУ. УЛИЦУ БАУМАНА, КАЗАНСКИЙ «АРБАТ», ГДЕ РАЗВЛЕКАЮТ ГУЛЯЮЩИХ МУЗЫКАНТЫ И ПРОДАЮТ СВОИ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКИ, СЕГОДНЯ ПОКОРИЛИ УЛИЧНЫЕ АКРОБАТЫ.

Рядом с рекламной тумбой ребята устроили аттракцион с прыжками. На брускатке расстелили кусок линолеума, на который ложатся смельчаки из числа зрителей. Сначала пять человек, через которых перепрыгивают акробаты. Потом — семь, потом — десять. Желающих посмотреть на этот аттракцион столько, что через их плотные

ряды к памятнику Шаляпину не протолкнуться. А ведь у его пьедестала должен пройти поэтический вечер, на котором сначала музыкант и композитор из Швеции Элиас Файнгерш выступит с сольным концертом. Затем в исполнении зарубежных гостей прозвучат стихи Пушкина на иврите, китайском и татарском языках под аккомпанемент тромбона шведского гостя...

ЛУЧШАЯ СТРАНА – ЭТО ПОЭЗИЯ

Наконец на площадке у памятника Шаляпину расставляют ряды стульев, настраивают музыкальную аппаратуру. Подходят писатель Александр Кабаков и театральный художник Борис Мессерер. Под мышкой у него картонки, на которых нарисованы коты. Котов этих гостям литературно-музыкального фестиваля «Аксенов-фест», который ежегодно проходит в Казани и посвящен писателю Василию Аксенову, дарит местный художник Виктор Тимофеев.

Ряды стульев у памятника Шаляпину заполняются. На синей палатке, в которой спрятался со своим пультом звукорежиссер, висит блестящий тромбон. Вокруг него ходит и разминает пальцы музыкант в кепочке.

Лучший переводчик Пушкина на китайский язык Лю Вэньфэй читает «Я помню чудное мгновенье...» под тромбон Элиаса Файнгерша

Еще несколько минут ожидания – и вот уже над улицей Баумана поплыли стоны тромбона. Зазвучали стихи на шведском языке. И тут – сюрприз! Когда музыкант перестает играть, то общается с публикой на... чистейшем русском языке! Выясняется, что Элиас Файнгерш родился в Москве, осваивать тромбон начал еще в школе, потом уехал в Швецию, где стал сначала лучшим музыкантом страны, а потом был назван «Золотым тромбоном Европы»... «Самая лучшая страна – это поэзия!» – кричит Элиас и начинает читать стихи Велимира Хлебникова, который тоже жил в Казани, окончил тут гимназию и первый курс физико-математического факультета университета. Элиас выступал на лучших сценах Европы, но он по-прежнему больше всего любит играть на улицах для простых горожан. Заканчивает он сольный концерт исполнением «Болеро» Равеля, а затем громко чмокает красный чехол микрофона. Все смеются.

Ну а затем музыкант становится серьезным: ему предстоит импровизировать, аккомпанируя стихам Александра Пушкина, которые гости будут читать на разных языках.

Первым выступает профессор из Китая Лю Вэньфэй. Он выбегает на сцену и долго кланяется зрителям. В руках у него книга в розовой обложке, которую он бережно прижимает к груди. В ней собраны его переводы стихов Пушкина на китайский. Именно за эту книгу

У писателя Александра Кабакова жители Казани расспрашивали о Василии Аксенове

Лю Вэньфэй получил несколько лет тому назад престижную премию «Читай Россию». Лю Вэньфэй читает на китайском «Я помню чудное мгновенье...» под страстные звуки тромбона Файнгерша. Это удивительное сочетание музыки и китайского языка здесь, у пьедестала памятника Шаляпину, в свете фонарей, производит на зрителей фантастический эффект.

Следующая гостья, Керен Климовски из Швеции, читает «Письмо Татьяны к Онегину» на иврите. И опять Элиас Файнгерш выводит на своем тромbone импровизацию. Потом стихи Пушкина звучат на татарском. А в заключение произведения гения на русском языке читает Эльмира Иванян. Это отрывок из «Египетских ночей». И в этот момент кажется, что тромбон Файнгерша звучит так, как звучали пару тысячелетий назад египетские флейты и трубы...

МИР ТЕСЕН

Профессор Педагогического университета Пекина, президент Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, научный директор Пекинского центра славистики Лю Вэньфэй в год переводит и издает по несколько книг русских писателей. Свою нынешнюю поездку в Казань он называет «самым свежим впечатлением от России». Об этом он говорит на следующее утро, когда мы отправляемся на прогулку по Казани. Я пересказываю ему впечатления зрителей, которые вчера удивлялись, как удачно получилось совместить Пушкина на китайском и тромбон. Лю Вэньфэй, улыбаясь, раскрывает причину удачного дуэта с музыкантом: оказывается, они давно знакомы заочно.

Когда-то Лю Вэньфэй работал на факультете славистики Йельского университета США, в библиотеке которого хранится архив поэта Иосифа Бродского. Лю Вэньфэй, поклонник и исследователь Бродского, провел в этой библиотеке немало часов. А Элиас Файнгерш когда-то учился в аспирантуре Йельского универ-

ситета. Впервые встретившись на репетиции своего совместного выступления в Казани, они выяснили, что им есть что вспомнить и о чем поговорить. «Так что я могу на собственном примере убедиться в справедливости вашей поговорки: мир тесен! – на прекрасном русском говорит китайский профессор. – Оба мы поклонники Бродского. И оба хорошо знакомы с творчеством Василия Аксенова».

На «Аксенов-фест» и Лю, и Элиаса пригласила координатор фестиваля – главный редактор литературно-художественного журнала «Октябрь» Ирина Барметова. На его страницах нередко печатались произведения драматурга, прозаика и переводчика Керен Климовски. Однажды Керен пригласила Ирину Николаевну на концерт своего мужа – Элиаса Файнгерша. И та сразу поняла, что выступление известного тромбониста станет отличным сюрпризом для участников фестиваля.

Лю Вэньфэй тоже входит в число авторов журнала «Октябрь», в котором были опубликованы его переводы работ китайских писателей на русский язык. На фестиваль Барметова его приглашала и раньше, но приехать профессор не мог: не было возможности прервать лекции во время учебного года. Обычно «Аксенов-фест» проходит осенью, но нынешний, 11-й фестиваль, приурочили ко дню рождения поэта, которому в августе 2017 года исполнилось бы 85 лет.

«Только благодаря тому, что сейчас каникулы, я и смог приехать! – улыбается Лю Вэньфэй. – Когда я вернусь в Китай, то поеду в Шанхай – выступать на торжественном мероприятии по случаю создания Института русского языка и литературы при Шанхайском университете иностранных языков. Я обязательно расскажу о своей поездке в Казань. И еще напишу о фестивале «Аксенов-фест» в газету, где я веду постоянную колонку». Профессор рассказывает, что с Шанхаем его связывает имя любимого поэта и мемуариста первой волны русской эмиграции

Лю Вэньфэй
в Литературном
музее
Е.А. Боратынского
в Казани

Валерия Перелешин. В Шанхае Перелешин работал переводчиком в отделении ТАСС и одним из первых переводил русских классиков на китайский язык. Кстати, именно русским эмигрантам Лю Вэньфэй обязан своим прекрасным русским. «Когда мы учились в университете, то русский изучали без общения с носителями, – вспоминает профессор. – Тогда отношения КНР с СССР были не очень хорошие. После окончания университета я поступил в аспирантуру в Пекине. Там-то оказались и старые русские эмигранты из Харбина и Шанхая. Вот с ними и получилось набраться опыта обще-

ния на хорошем русском языке. У них сохранился язык как бы в законсервированном виде. Такой, которым в России говорили до революции».

Лю Вэньфэю очень понравился «Аксенов-фест». Особый колорит фестивалю, считает профессор, придало участие джазового музыканта из Швеции. Тем более что Василий Аксенов был фанатом джаза.

А ведь своими джазовыми традициями Казань обязана Шанхаю. Именно из этого китайского города в 1947 году оркестр джазовой музыки Олега Лундстрема в полном составе, с семьями, переехал в СССР. В Казань.

Драматург,
прозаик
и переводчик
из Швеции
Керен
Климовски
прочла
на «Аксенов-
фесте» лекцию
о взаимопроник-
новении языков
и культур
в современном
мире

Личный экземпляр альманаха писателя хранится в музее на правах драгоценной реликвии

«ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНАЯ СТРАНА»

На первый «Аксенов-фест», который проводился в 2007 году по инициативе мэра Казани Ильсура Метшина, приехал сам писатель. А в 2009-м центральным событием фестиваля стало открытие на улице Карла Маркса Дома-музея Василия Аксенова, где прошли детские годы писателя.

«Но родился Аксенов не в этом доме, а на соседней улице Комлева, сейчас – Муштари. А тут он нашел приют после ареста родителей. Павел Васильевич Аксенов, тогдашний мэр Казани, и Евгения Соломоновна Гинз-

бург, работник образования, угодили в жернова репрессий 1937 года. Приютили мальчика родственники отца», – рассказала гостю из Китая научный сотрудник дома-музея Лейсан Ахметзянова.

Когда Аксенов еще школьником навестил мать в Магадане, где она отбывала ссылку, то она и его отчим (родители писателя развелись) убедили молодого человека учиться на врача. Вернувшись в Казань, 17-летний Василий поступил на медицинский факультет. Студент Аксенов с товарищами чуть ли не каждый день бегал слушать оркестр Олега Лундстрема в го-

Так мог выглядеть стол казанского школьника Васи Аксенова

родской Дом офицеров, в кинотеатры, рестораны. «Вся моя юность была слегка озарена этими «шанхайцами», – вспоминал он об этом в очерке «Простак в мире джаза», – как огнями далекого ночного мира». Слухи о «разгульном образе жизни» студента Аксенова дошли до руководства университета. А тут еще выяснилось, что родители его осуждены. В итоге Аксенова отчислили. И тогда тетка по материнской линии предложила Василию перебраться к ней в Ленинград, где Аксенов и окончил медицинский институт. Позже, уже став известным писателем, автором «Звездного билета», «Коллег», «Затворенной бочкотары», он приезжал в Казань только из-за отца, который после реабилитации работал в городском ателье.

В 1978 году Аксенов вместе с Евгением Поповым, Виктором Ерофеевым, Борисом Мессерером и другими коллегами организовал выпуск бесцензурного альманаха «Метрополь». В результате Виктора Ерофеева и Евгения Попова исключили из Союза писателей, а Аксенов в 1979-м заявил о выходе из этой организации в знак протеста против исключения из Союза друзей-метропольцев. В 1980 году он уехал в США, где узнал о лишении его советского гражданства. Только в 1989-м писатель, посетив Россию, побывал в Казани, где успел повидаться с отцом незадолго до его смерти. В следующем году писателю вернули гражданство СССР... Племянница Аксенова подарила казанскому дому-музею один экземпляр того самого скандального альманаха. А сын

Не на этой ли пишущей машинке Аксенов и напечатал свой «Звездный билет»?

писателя передал пишущую машинку Corona, на которой отец перепечатывал свои рукописи. Кстати, последний, неоконченный роман, «Ленд-лизовские», Аксенов посвятил своему казанскому детству.

С 2008 года на «Аксенов-фесте» молодым писателям вручается премия «Звездный билет». Лауреаты помимо денег получают и памятный знак: медную статуэтку в виде железнодорожного билета, через дырки от компостера в котором видно звездное небо. Это – явная отсылка к знаменитому роману Аксенова «Звездный билет». На нынешнем фестивале обладателями премии «Звездный билет – 2017» стали поэт Григорий Медведев за поиск нового художественного языка и композитор из Швеции Элиас Файнгерш. Премию тромбонисту вручал писатель Александр Кабаков.

В 2015 году в Казани в рамках «Аксенов-феста» возле кинотеатра «Мир» обновили сквер, который назвали «Садом Аксенова». А к прошлогоднему фестивалю в сквере установили необычную скульптуру. На вешалке висят шляпа, трость и пальто, а рядом на стуле сидит собака, ожидающая хозяина. В ней легко узнается любимый пес писателя – тибетский спаниель Пушкин. А к нынешнему «Аксенов-фесту» в саду появился новый арт-объект – «Читать в саду», созданный авторами скульп-

турой – архитектором Ириной Аксеновой (однофамилица и директор дома-музея писателя) и скульптором Асией Миннулиной. Это – скульптурная композиция из бронзы в виде двух «именных» стульев и кресла.

«Один стул дарю городу я, – посмеиваясь, сказал на открытии этих малых архитектурных форм писатель Евгений Попов. – Он назван по имени альманаха «Метрополь», который мы вместе делали. Другой стул дарит друг Аксенова, писатель Александр Кабаков, а назван он в честь фильма, снятого по книге Аксенова «Мой младший брат». А кресло «Москва Ква-Ква» с лягушкой на подлокотнике – это подарок от Ирины Барметовой».

...На бронзовом стуле Попова восседал артист казанского театра «Сдвиг» – в кепочке и очках. Кресло Ирины Барметовой занял герой древнегреческой мифологии Тесей с футбольным мячом в руках. Он, по мысли дарительницы, олицетворял молодость и спорт, царящие в Москве 1950-х – времени действия романа Аксенова «Москва Ква-Ква». Как только артисты покинули свои места, стулья и кресла были оккупированы любителями селфи. Но надежда, что эти места будут все же заняты любителями чтения, есть. По крайней мере, в этом уверен Лю Вэньфэй: «На фестивале я еще раз убедился, насколько Россия остается литературоцентричной страной!»

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЕРЕВОДА

Лю Вэньфэй привез с собой в Казань еще одну книгу – роман Аксенова «Звездный билет» на китайском языке. Его он прочитал, еще учась в аспирантуре... Лю достает из своего портфеля тонкую книгу, почти брошюру, в мягком переплете и бережно разворачивает зачитанные до дыр страницы.

«Ее напечатали на дешевой серой бумаге. На книге нет ни цены, ни указания тиража! Она напоминает агитационную листовку, – вспоминает переводчик первые ощущения от встречи с романом Аксенова. – Вместо

предисловия короткая биографическая справка об авторе – всего несколько строк».

Как позже выяснил Лю Вэньфэй, этот роман – одно из дебютных и скандальных произведений Аксенова, вышедшее в 1961 году. Спустя два года он был переведен и издан в Китае как образец литературы, в которой демонстрируются распущенность и разложение современной советской молодежи. Книгу напечатали исключительно для партийных чиновников, чтобы они имели представление о негативных процессах в СССР. Для магазинов и библиотек книга не предназначалась. С теми же целями тогда в Китае выпустили

Литературно-джазовый концерт в сквере Аксенова был переполнен эмоциями

Подаренный Лю Вэньфэем «Звездный билет» на китайском языке пополнит библиотеку Дома-музея В.П. Аксенова, где уже есть книги писателя на многих языках мира

«Тёркина на том свете» Твардовского, «Один день Ивана Денисовича» Солженицына и «Судьбу человека» Шолохова. Но как это обычно бывает, чиновники Василия Аксенова читать не стали, зато книгой заинтересовались члены их семей, в первую очередь дети-студенты. Так, передаваемая из рук в руки, она и разошлась по Поднебесной. К тому моменту, когда роман оказался в руках молодого аспиранта, книга уже числилась в списке запрещенной литературы и считалась большой библиографической редкостью.

А уже в 2006 году в Китае «Звездный билет» Аксенова был включен в серию книг «Шедевры мировой литературы XX века». Готовивший предисловие к роману Лю Вэньфэй долго разыскивал переводчика романа. Выяснилось, что указанное на книге имя переводчика Ван Пин – это псевдоним. Только с помощью старых работников китайских издательств Лю Вэньфэй установил, что за ним скрывается переводчик из Харбина Ван Шисюе. И теперь «Звездный билет» можно свободно найти во всех китайских библиотеках. «43 года разделяют эти два издания Аксенова на китайском! – говорит Лю Вэньфэй. – Я, когда собирался в эту поездку в Казань, сразу понял, о чем надо рассказать землякам Аксенова. Оба издания этого знаменитого романа я привез с собой».

С первым китайским изданием романа «Звездный билет» Лю Вэньфэй пришел в Дом-музей Василия Аксенова в последний день фестиваля. И перед тем, как подарить книгу, рассказал, что сегодня жители Поднебесной проявляют большой интерес к русской литературе. И пообещал, что, когда удастся достигнуть соответствующих договоренностей с наследниками писателя, он лично возьмется за перевод остальных романов. Так что тонкая книга «Звездного билета» в мягком переплете с иероглифами недолго будет стоять на музейной полке в одиночестве. Многотомное собрание сочинений Василия Аксенова на китайском Лю Вэньфэй пообещал лично привезти в Казань. ●

ИГРА КОРОЛЕЙ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МОЖЕТ ЛИ СОВЕТНИК КОРОЛЯ СТАТЬ КОРОЛЕВОЙ? А СЛОН – ЕПИСКОПОМ? ДА, ЕСЛИ РЕЧЬ ИДЕТ О ШАХМАТАХ. ЗА ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИГРЫ ЕЕ ПРАВИЛА ИЗМЕНИЛИСЬ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ, А САМА ОНА СТАЛА НАСТОЛЬКО ПОПУЛЯРНА, ЧТО ИГРАЛИ В ШАХМАТЫ ДАЖЕ В КОСМОСЕ!

ПЕРВЫЙ В РОССИИ музей шахмат был открыт в Центральном шахматном клубе СССР в Москве на Гоголевском бульваре еще в 1980 году. Тогда музей занимал всего лишь небольшую комнатку в 30 квадратных метров, заполненную всевозможными шахматными досками, фигурами и кубками. И лишь в 2014 году, после реконструкции всего особняка, экспозиция переехала в более просторные помещения. Но и сейчас от многообразия шахматных гарнитуров буквально кружится голова... Подумать только: в музее можно найти как копии старинных иранских шахмат XII века, так и шахматы-стаканчики, где по цветам небезызвестных напитков определяется, кто играет белыми, а кто – черными!

ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ ИГРЫ

Две армии, стоящие насмерть за своего правителя, фигуры с их причудливыми перемещениями по доске, замысловатые комбинации – безусловно, столь символичная и обросшая легендами игра могла появиться только на Востоке. Когда и где – загадка до сих пор.

Кто-то утверждает, что еще за тысячу лет до нашей эры ее изобрел некий индийский математик, однако эта версия так до сих пор и не нашла подтверждения.

Первые достоверные упоминания о шахматах относятся лишь к VI веку нашей эры: в одной персидской поэме 570 года рассказывалось, в частности, что игра пришла на территорию страны из все той же

Узнаете набор?
Да-да, это
шахматы из
«Гарри Поттера»!

Копия
старинного
иранского
гарнитура

Индии – так ученые и определили отправную точку истории шахмат. Что интересно: самые древние шахматы, датируемые VII веком нашей эры, обнаружила в 1977 году советская археологическая экспедиция, раскапывавшая древнее городище Афрасиаб на территории современного Самарканда. Фигурки, изображающие шаха, визиря, всадников, воина, колесницу и слона, были так искусно вырезаны, что казалось, уже в то время игра была широко распространена и популярна. И если учесть, что мода в те времена продвигалась не столь стремительно, как в наши дни, невольно задумаешься: а действительно ли шахматы появились лишь в VI веке?

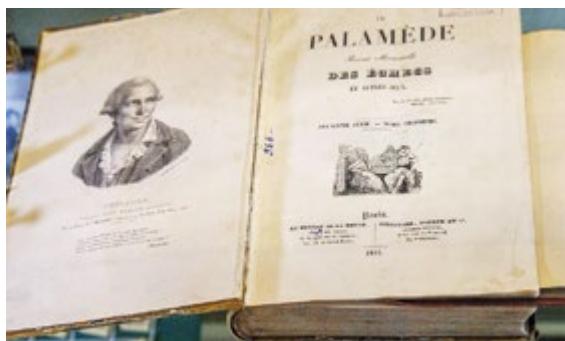
Как бы то ни было, те шахматы значительно отличались от современных. Ученые, например, считают, что изначально партию в традиционный персидский «шатранж» (в переводе с санскрита – «четыре отряда». – Прим. авт.) разыгрывали не два, а четыре человека, причем все фигуры так же свободно располагались на доске и перемещались. Удивительно? Дело в том, что на доску ставились только король, слон, конь, ладья и четыре пешки.

Когда же империю Сасанидов в 651 году завоевали мусульмане-арабы, шахматы начали свое победоносное наступление на Запад, причем с двух флангов: как через захваченную Испанию, так и через Византию, с которой активно торговали Скандинавские страны. И, судя по всему, в Европу шахматы пришли уже как игра для двух человек. А в Англии, например, до сих пор бытует легенда о неком Паламеде – рыцаре короля Артура и сыне «ававилонского султана», который обратился в христианство и привез со своей родины чудную восточную игру. В честь этого полумифического персонажа потом назвали первый в мире журнал по шахматам – в музее, кстати, хранится номер «Паламеда» за 1843 год!

Шахматы
викингов – одни
из самых старых,
найденных
в Европе

Так выглядел
первый в мире
журнал для
любителей игры

ОТКУДА ПРИПЛЫЛА ЛАДЬЯ?

Один из самых старых найденных в Европе наборов – шахматы викингов XII века, его оригинал хранится в Британском музее, а для московского Дома шахматиста умельцы по заказу страстного любителя игры профессора Сергея Стечкина изготовили копию. Эти фигуры, кроме пешек, отнюдь не стилизованы, каждый персонаж вырезан четко, его не перепутаешь ни с каким другим. Вероятно, европейцы, с помощью арабов познакомившиеся с шахматами, были вынуждены догадываться о значении той или иной фигуры, поскольку мусульманам, как известно, запрещено было изображать живые существа и они ограничивались лишь передачей деталей-символов. Христиане же, например, не поняли, что два роговидных выступа над туловищем на фигуре слона – это бивни, и почему-то увидели в них епископскую митру. К тому же, если в Индии слон был олицетворением целой армии и участвовал в боях, то в средневековой Европе далеко не каждый мог вообще представить себе это животное. Именно так слон, к слову, до этого побывавший еще и графом, сенешалем, шутом, знаменосцем и даже дере-

вом, в конце концов превратился в епископа.

Забавное преобразование ожидало и визиря, или по-арабски фирзана – царского советника. К XIII веку по неизвестной причине он стал... королевой! Причем если в индийской, а затем и в арабской игре фигура двигалась только по диагонали и только на одну клетку, то уже в конце XV века королева стала сильнейшей на игровом поле и могла ходить в любую сторону на сколько угодно клеток, что значительно оживило шахматные партии.

А арабская колесница – вероятно, из-за близкого по звучанию латинского перевода этого слова rochus и итальянского госса (крепость) – трансформировалась в башню. И очень примечательно, что в русской традиции эта фигура превратилась в ладью: у нас в восточной повозке, никогда в боях не участвовавшей, углядели именно это столь привычное для военного дела тех времен судно. Что же касается слона, то здесь славяне оказались более догадливыми: он, как и положено, остался слоном. Ферзь, в принципе, тоже сохранился, однако в некоторых комплектах фигур, обычно более поздних, его тоже заменяли на красивую королеву. И это доказывает, что в Россию шахматы пришли не из Европы, а напрямую с Востока, вероятнее всего, по Каспийскому или Волжскому торговому пути. А первые упоминания об игре, кстати, появляются в былинках о князе Владимире. Причем в них утверждается, что уже тогда шахматы были весьма популярны при дворе!

КОРОЛИ ШАХМАТНЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Христианская церковь как в России, так и в Европе долго не признавала игру, считая ее азартной и дьявольской. Французский медиевист Мишель Пастуро утверждает, что изначально в шахматы играли по-другому: в древнем индийском варианте противники перед ходом бросали кости, по которым и определялось, какая фигура и на сколько клеток должна ходить. Церкви же этот элемент случайности был враждебен, и лишь с отказом от игральных костей эта неприязнь стала устраниться. Теперь на первое место выходило размыщение, и игра стала досугом знати.

Только богатые люди могли позволить себе дорогие гарнитуры, которые порой использовались вовсе не для игры – их выставляли как предметы особой гордости и хранили в сокровищницах. В первую очередь речь, конечно, идет о комплектах, вырезанных из животной кости, в частности слоновой, ценившейся наравне с золотом и драгоценностями. Слона признавали самым умным животным, а в средневековых bestiariyах он изображался как непримиримый враг дракона, олицетворявшего Сатану. Считалось, что бивни слона сохраняют свойства самого животного: защищают от ядов и укрепляют память, а фигурки из слоновой кости долго хранятся и выглядят привлекательно. Оттого-то это красивое благородное животное так жестоко поплатилось... На Руси еще славились шахматы из «рыбьего зуба» – моржовой ко-

Современники утверждали, что Иван Грозный умер, когда расставлял на доске шахматные фигуры

сти. Один такой комплект XVIII века из Холмогор представлен и в Музее шахмат.

В России шахматы по праву стали игрой королей и светского общества: большинство правителей страны любили и весьма неплохо умели в них играть. Один иностранец гость при московском дворе как-то даже заметил, что русские в шахматах очень хороши, поскольку «в этой стране длинные, холодные, суровые зимы и ее жители только тем и занимаются, что коротают долгие вечера, упражняясь в искусстве этой мудрой игры». Суждение хоть и весьма преувеличено, но все же показывающее, насколько шахматы были в почете.

В музее хранится картина Петра Цепалина «Смерть Ивана Грозного», которой нет ни в одном известном каталоге исторической живописи. Сюжет, вероятно, подлинный, насколько он может таким быть со слов придворных

иностранцев, зачастую писавших об Иване IV сущие небылицы: по воспоминаниям английского дипломата Джерома Горселя, царь около четырех часов провел в бане, развлекаясь песнями, а затем приказал перенести себя на постель и подать шахматы, позвав любимцев – Родиона Биркина и Бориса Годунова. Тут-то за игрой его и настигла смерть...

Известно, что талантливым игроком в шахматы был царь Алексей Михайлович Тишайший – в музее даже представлено склоненное из кусочков фаянсовое блюдце XIX века, изображающее задумавшегося над партией самодержца. А его сын, Петр I, тоже большой любитель игры, и вовсе стал одной из шахматных фигур! В начале XIX века для императорской семьи из необожженной глины в единственном экземпляре вылепили занимательнейшую вещицу – шахматный набор «Персидский поход Петра Вели-

А этот набор сделан из настоящей кости мамонта

Миниатюрные шахматы узников
Воркуты

кого». Эта редкость, как и многие другие экспонаты, поступила в музей из собрания видного коллекционера шахмат Вячеслава Домбровского.

Мастера по изготовлению шахматных гарнитуров вообще очень любили изображать в фигурах известных правителей и их прославившихся военачальников. Доходило и до смешного: часто на шахматных досках сталкивались персонажи, которые никогда не смогли бы встретиться в реальной жизни, но авторам очень хотелось исполнить такую мечту. В музее, например, есть комплект, в котором на поле сражаются армии Фридриха Великого и Наполеона Бонапарта, чего, конечно, в жизни быть

не могло, поскольку Фридрих умер, когда Наполеону было всего 17 лет и еще ничего не предвещало его блестящей карьеры. Это вам не современный фаянсовый комплект «Бородино» художников Головко и Пашкова, где каждый шахматный герой сражения прописан с документальной точностью! Наполеону, кстати, в мире шахмат особенно повезло: почему-то его любят изображать как короля чаще остальных правителей. Сам император, между прочим, тоже любил играть в шахматы, но, по воспоминаниям современников, выигрывал далеко не всегда – это была, как писал гроссмейстер Юрий Авербах, «любовь без взаимности»...

Бородинское сражение на шахматной доске

А в этом гарнитуре шахматный король – сам Петр Великий

КРАСНЫЕ ИЛИ ЧЕРНЫЕ?

К XVI веку в западном мире закрепляются единые правила шахмат, и игра принимает тот вид, который сегодня является для нас привычным. А в середине XIX века, когда шахматы стали не только досугом джентльменов, но еще и спортом, мастера задумались о создании практичного и удобного гарнитура для турниров. Таким эталоном, своеобразным «роллс-ройсом шахмат», был выбран набор фигур англичанина Натаниэля Кука, который он для большей огласки запатентовал на имя некоронованного чемпиона мира того времени – Говарда Стэнтона. Простые, но изящные линии, устойчивость на доске, не отвлекающий от размышлений во время игры дизайн и тщательно вырезанная вручную голова коня – по этим отличительным чертам коллекционеры моментально узнают знаменитый набор. Стэнтоновские шахматы завоевали популярность во всем мире, с 1924 года именно ими играют на турнирах Международной шахматной федерации. Дальше больше: если у вас дома есть классические шахматы, то, скорее всего, это именно Стэнтон! Правда, в отличие от английского оригинала позапрошлого века, они, вероятно, будут не из слоновой кости, а из обычного пластика или дерева. Впрочем, несмотря на закрепившиеся стандарты, коллекционерам до сих пор попадаются комплекты с отсылками на традиции прошлых эпох. Например, существуют наборы фигур, в которых белые сталкиваются не с черными, а с красными, как в гарнитуре XIX века «Ячменное зерно» с его отличительным круговым резным узором. Как объясняет историк Пастуро, до середины XIII века в Европе была принята именно такая, казалось бы странная, цветовая оппозиция: в восприятии средневекового европейца противоположностью белого был вовсе не черный, а красный. И хотя в индийских

Гарнитур «Ячменное зерно» – пример того, как белые сталкивались с красными фигурами

и арабских шахматах антиподом белого изначально и всегда был черный, в Европе же лишь со временем черный начал ассоциироваться со смертью, грехом и злом. Только тогда на контрасте с благодетельным белым он заявил о себе и в шахматах. После этого красные фигуры встречались редко.

Знаменательной оппозицией белым фигурам красные стали вновь после Гражданской войны в России. В музее хранится гарнитур «Освобожденный труд» художниц Натальи и Елены Данько, который был выполнен в фарфоре после революции в модном тогда стиле авангард. Красные здесь изображены бравыми землепашцами и рабочими, белые пешки же – угнетенные, закованые в кандалы страдальцы, за чьими спинами прячется страшный скелет-командующий...

Куда более милый и приятный фарфоровый комплект – «Животные Севера против животных Юга», считающийся настоящим детским любимцем! Пара полярных медведей, зубр, очаровательные белочки с золотыми орешками в лапках – против обезьян, слонов, зебр и львицы со львом. Директор Музея шахмат Татьяна Михайловна Колесникovich рассказывает, что когда этот набор увидел чемпион мира Анатолий Карпов, то очень удивился: разрозненные фигуруки из коллекции он и до этого встречал в разных музеях, но целиком гарнитур ему раньше не попадался никогда. Наверное, не менее

Тот самый стол, за которым сражались советские чемпионы

приятно ему было рассматривать столик с легендарного матча за звание чемпиона мира по шахматам 1984–1985 годов, за которым он сражался с Гарри Каспаровым и после рекордных 48 партий сохранил звание чемпиона.

Наряду с такими приятными вещицами в музее есть и шахматы, напоминающие о трагических временах в нашей стране. Это в первую очередь нескользко шахматных наборов узников ГУЛАГа, сделанных из колючей проволоки или спичек, и шахматы блокадного Ленинграда – полые бумажные кубики без дна. Все это – находки того же Вячеслава Домбровского, служившего пожарным в осажденном городе, а в мирное время по антикварным лавкам искашего шахматные раритеты.

Еще один памятный экспонат – шахматы Мао Цзэдуна, подаренные им главному терапевту Кремлевской больницы Владимиру Василенко. Профессор вылечил вождя китайского народа, и тот отправил его на родину с роскошными подарками, среди которых был и этот прекрасный комплект из слоновой кости. Увы, возвращение доктора в СССР выпало на нелегкий ноябрь 1952 года, началось печально известное «дело врачей» – и прямо с трапа Василенко отправили на Лубянку... Изрядно покалеченный профессор после смерти Сталина все же вышел на свободу, вернули ему и китайские шахматы, которые позже, благодаря гроссмейстеру Юрию Авербаху, попали в музей.

Шахматы блокадного Ленинграда

ШАХМАТНАЯ МЕККА РОССИИ

В то непростое для страны время в Советском Союзе сложилась особая школа шахмат, на весь мир гремели имена чемпионов Михаила Ботвинника, Василия Смыслова, Тиграна Петросяна, Бориса Спасского, Андре Лилиенталя, Давида Бронштейна и других. А вот своего клуба у московских шахматистов все не было, хоть они и ждали его с 30-х годов, даже писали открытое письмо в «Литературную газету» с просьбой о помощи. Мастера долго искали подходящее здание в центре столицы, пока не нашли на Гоголевском бульваре опустевший особняк, в котором до этого располагался Дальстрой – одно из подразделений ГУЛАГа. В конце концов талантливейшие гроссмейстеры страны эту партию выиграли, и в итоге в Москве в 1956 году появился Центральный дом шахматиста.

Место, кстати сказать, они выбрали потрясающее: изящный двухэтажный дом, возведенный после опустошительного пожара 1812 года супругами Васильчиковыми, родителями декабриста Николая Васильчикова, которого арестовали здесь же после подавления восстания. После Васильчиковых особняк неоднократно менял хозяев, расширялся, становился все более и более роскошным. Побывал он, например, и во владении знаменитого фабриканта Александра Алексеева, отца Николая Алексеева – городского головы, построившего психиатрическую больницу на Канатчиковой даче, и дяди режиссера Константина Станиславского.

Космонавты Николаев и Севастьянов, сыгравшие первую шахматную партию с Землей

В этом роскошном зале сегодня проводятся турниры

Таким космическим шахматам не страшна даже невесомость!

А последними до революции хозяевами дома стали купчиха Любовь Зимина с мужем, оперным певцом Назарием Райским. Тогда дом превратился в настоящий богемный салон: здесь бывали композиторы Сергей Рахманинов и Александр Глазунов, а в зале, где сейчас проходят шахматные турниры, пел Федор Шаляпин! В 1917 году им при-

лось сильно потесниться, но и после уплотнения они еще семь лет жили в своем некогда просторном и богатом особняке... После «хода конем» советских гроссмейстеров и мастеров, отвоевавших историческое здание, уже более шестидесяти лет особняк принадлежит шахматистам: именно здесь учились и учатся лучшие из лучших, сюда на турниры приезжают и иностранные гости первой величины, как, например, Бобби Фишер в 1958 году. В 1970 году в ЦДШ устраивался прием в честь космонавтов Виталия Севастьянова и Андрияна Nicolaева, взявших с собой в полет шахматы на специальной доске с пазами и направляющими – тогда был организован первый шахматный турнир «Космос – Земля». При клубе собрали прекрасную библиотеку специализированной литературы, которой, кстати, тоже заведует Татьяна Михайловна Колесникovich – столько книг по шахматам не прочитать и за всю жизнь! И, конечно, у этой Мекки российских шахматистов есть свой замечательный музей, показывающий, что шахматы не просто спорт или тренировка для ума, это – целая вселенная символов и загадок. А познать ее может только по-настоящему влюбленный в игру человек... ☮

СТЕКОЛЬНАЯ СТОРОНА

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

РОМАНА НОВИКОВА

«...И ЦЕЛЫЙ ГОД Я ОБЯЗАННОСТЬ СВОЮ ИСПОЛНЯЛ БЛАГОЧЕСТИВО И СВЯТО И НЕ КАСАЛСЯ СЕГО (ОН ТКНУЛ ПАЛЬЦЕМ НА ПОЛУШТОФ), ИБО ЧУВСТВО ИМЕЮ», – СКАЗАЛ МАРМЕЛАДОВ РАСКОЛЬНИКОВУ В ИЗВЕСТНОЙ БЕСЕДЕ В РАСПИВОЧНОЙ. МНОГИЕ КЛЮЧЕВЫЕ СЦЕНЫ И ПРОГРАММНЫЕ ДИАЛОГИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЛУЧАЮТСЯ В ПИТЕЙНЫХ. А ЕЩЕ ГЕРОИ КЛАССИКИ ТО И ДЕЛО ПЬЮТ КАПЛИ ИЗ МЕНЗУРОК, ТРУТ ВИСКИ СОДЕРЖИМЫМ АПТЕЧНЫХ ПУЗЫРЬКОВ И В СТРАСТИ РАЗБИВАЮТ БОКАЛЫ ОБ ПОЛ. В ЧАГОДЕ, РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ НА ЗАПАДЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ, УБЕЖДЕНЫ: ЕСЛИ БЫ МАСТЕРА СЛОВЕСНОСТИ БЫЛИ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ К ДЕТАЛЯМ И ПОТРУДИЛИСЬ БЫ УКАЗЫВАТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ВСЕЙ ЭТОЙ СТЕКЛЯННОЙ ТАРЫ, О ЧАГОДЕ И ОКРЕСТНЫХ ДЕРЕВНЯХ ЗНАЛ БЫ ВЕСЬ ЧИТАЮЩИЙ МИР.

Ш

ТОФЫ И ПОЛУШТОФЫ, графины, баночки и флакончики местных стекольных заводов начиная с 1830-х годов баржами поставлялись в Санкт-Петербург.

В нынешнем году старейшему из ныне работающих заводов Чагодощенского района исполнилось 120 лет. В местных деревнях по сей день живут потомки тех немцев, которых в XIX веке выписали в российскую провинцию налаживать стекольное дело.

РЕКА С ПЕСЧАНЫМИ БЕРЕГАМИ

В 1926 году на берегу реки Чагоды заложили стекольный завод и рабочий поселок. Могли бы назвать его Чагодой-Стекольной, но среди принимающих решения романтиков не нашлось. Кроме того, в переводе с финно-угорского короткое слово «чагода» означает реку с песчаными берегами. Собственно говоря, реки и песок и сделали этот край одним из центров стекловаренного производства в XIX веке. Чагод

дощенские карьеры с чистым кварцевым песком, одним из важнейших ингредиентов качественной стекольной массы, уже стали элементами местного ландшафта. Их копают не одну сотню лет, а они не иссякают. Сеть маленьких, но глубоких речушек, вытекающих между поселками, показалась стекольщикам-первоходцам очень удобной для транспортировки готовой продукции в крупные города. В особенности после запуска Мариинской водной системы и Тихвинского водного

Поселок Смердомский вырос вокруг завода, который в этом году отмечает 120-летие

пути. А дремучие сосновые леса в заводских печах и за тысячу лет не сожжешь.

Впрочем, подобные условия для северной России совсем не уникальны. Чем же привлекала Чагода стеклозаводчиков? «Людьми», – будто сговорившись, отвечали на этот вопрос чагодощенские музейщики и краеведы. Первые заводчики привезли в эти места специалистов в стекольном деле, в том числе выходцев из Германии и других европейских стран, многие из которых остались в этих местах и сформировали профессиональную среду. Оттого последующие предприниматели ставили здесь заводы, зная, что найдут людей, знающих, с какой стороны взять в руки стеклодувную трубку. Стекольное дело требовало мастерства и опыта, которые приходят только с годами. Работника нужно было обучить да еще и уберечь от вербовщиков с других заводов, которые охотились за мастерами и перекупали их.

В дореволюционные времена в здешних краях работали три больших завода, а общее число работников, занятых в основном производстве и на вспомогательных работах, исчислялось тысячами. При молодой Советской России возник еще один – в Чагоде. Сейчас действующими остаются два заво-

да, третий законсервирован, но может быть открыт в ближайшие годы.

Самый старый из чагодощенских стеклозаводов – Михайловский. Он был основан еще в 1839 году, и поначалу на нем работали лишь 22 человека, среди которых были как иностран-

В 1920-е годы в Чагоде начали строить стекольный завод, ставший крупнейшим в регионе

цы, так и русские. Но сегодня о нем можно узнать лишь в музее Чагоды. Завод закрылся за три года до революции, не выдержав конкуренции. Сейчас в селе Анисимово даже бревнышка от завода не осталось, а когда-то здесь стояли главное здание, кузница и два сарая.

Сазоновский завод начался в 1860-х годах с шатра на деревянных столбах и полутора десятков избушек для мастеров. Зарплаты были невысоки, но при заводе были построены начальная школа и лавка. Завод дожил до наших дней, но несколько лет назад был остановлен.

Завод Смердомский на высоком берегу, при слиянии рек Чагода и Смердомка, заложили предприниматели-партнеры – Поликарп Зыков и Альберт Рутенберг. Рядом с заводом вырос одноименный рабочий поселок. Основанный еще при царе стекольный завод из поселка Смердомский стал одним из промышленных флагманов района в советские времена и пережил тяжелые 90-е годы. За 120 лет существования Смердомский стеклозавод останавливался на долгие годы – в годы Великой Отечественной войны, когда заводчане ушли на фронт. После войны, в условиях кадрового голода, с калеками и подростками у печей, завод возродился под руководством Дмитрия Тугова, который пришел работать сюда еще в семилетнем возрасте.

Как производится бутылка

Производственная цепочка начинается с приемки, обработки и смешивания сырьевых материалов (кварцевый песок, известь, кальцинированная сода и т.д.) в составном цехе. Стекловаренная смесь (шихта) подается в печь, где происходит процесс варки, в ходе которой шихта превращается в стекломассу. Температура в печи достигает полутора тысяч градусов. Через питатели стекломасса подается к стеклоформующим машинам, которые производят готовое изделие. До отгрузки заказчику бутылка подвергается отжигу и охлаждается в соответствии с технологией.

Людмила Гунлах родилась в заводском поселке, куда родители приехали работать

СТЕКОЛЬНАЯ ФАМИЛИЯ

Немецкие фамилии в Смердомском – совсем не редкость. Потомки немецких мастеров живут и работают на местном стекольном заводе по сей день. Среди них больше всего носителей фамилии Гунлах. Людмила Александровна Гунлах отдала работе на заводе почти сорок лет. После войны, еще школьницей, пошла на предприятие и здесь доработала до пенсии, да и в пенсионные годы продолжила трудиться. «Мой отец приехал в Смердомский из Ямбурга (с 1922 года – Кингисепп. – Прим. ред.) в 1907 году, – рассказывает Людмила Александровна. – Он там тоже на стекольном заводе работал, за Гатчиной где-то, аптечную бутылочку делали. Работники стали просить у хозяина, чтобы прибавил зарплату, а он взял и завод закрыл. Что делать? Искать новое место работы. Таких, как отец, «летчиками» звали. Потому что постоянно переезжали с места на место».

Работников закрывшегося в Ямбурге завода, включая мастера Александра Гунлаха, на Смердомский стекольный завод сманил вербовщик. Родители Людмилы Александровны познакомились на заводе, мать приехала в Смердомский из Санкт-Петербургской губернии в 1911 году. Поженились, получили квартиру от завода на берегу реки. Людмила Александровна по сей день живет в родительском доме.

«Отца арестовали в 1938 году, и больше мы его не видели, – рассказывает она. – Мать осталась с

четырьмя детьми на руках. Мы с одним братом двойняшками родились – у меня ракит, а он здоровенький был, но умер из-за кори. Работать на завод я пошла малолеткой. Жизнь заставила. Один брат с войны инвалидом пришел, другой уехал шахтером в Челябинскую область. Короче говоря, все разъехались, остались мы с мамой вдвоем. Я окончила шесть классов школы, хотела и дальше учиться, но мать сказала, что нужно идти работать. В контору звали, но зарплата там маленькая была. На заводе больше. Тот, кто хотел заработать, хорошо получал. Водочную бутылку делали, аптечную посуду, баночки под мазь, флаконы под тушь».

Для начала школьнице поручили относить сделанные мастером из-

Смердомский стеклозавод закрывался надолго лишь однажды – в годы войны. Мужчины ушли на фронт

Валентин Варзин возглавил завод в Смердомском в годы перестройки иставил на новые рельсы в 90-е

делия в закальную печь. Изделия хрупкие, нести их нужно было на тяжелом совке на длинной ручке, который предательски ходил худым в руках. Поначалу с непривычки Людмила много перебила стекла, не донеся до печи. Но потом приоровилась. Позже трудилась выдувальщицей, много лет работала оператором на станке «Шиллер». Числилась в передовиках, почти всегда перевыполняла план.

«В годы войны завод был остановлен, выживали как могли, – вспоминает Людмила Александровна. – Со своего огорода питались, но этого часто не хватало. Мы с мамой продали все, что было найдено. Был сундук набит добром, но вскоре опустел. Корова была – зарезали на мясо. Коз завели, я их до сих пор держу. Мы на заводе работали весь день, перерыв на обед давали только двадцать минут. Вот и бежишь к скотине – лишь бы успеть».

По словам Людмилы Гунлах, тяжелее всего на заводе было выносить постоянную жару и шум. Но привычка пересиливала все. «Пекло в цехе, но мы не жаловались, – говорит она. – Водой обливались, смеялись, шутили, дружно было. А шум какой стоял! Я прихожу с завода и с матерью о чем-нибудь заговариваю, а она мне – ты чего орешь-то, я не глухая. Еще грязь была страшная, работали с ног до головы в мазуте, в заводской бане отмывались».

ЖИЗНЬ В СТЕКЛЕ

Поселок Смердомский – это деревушка на берегу реки, в которой живет более трехсот человек. Практически все взрослое население поселка работает на стекольном заводе, и так было всегда. До революции поселок был исключительно рабочим, да и в советские времена Смердомский был официально приписан к заводу, о колхозах здесь слыхом не слыхивали. Кто из местных не желал варить стекло в жарком цехе, а хотел сесть за руль комбайна, переезжал в любое из соседних сел.

Валентин Варзин иной судьбы не хотел и после учебы в Гусь-

Хрустальном устроился на родной завод стеклодувом. А в годы перестройки еще молодым человеком был назначен директором Смердомского стекольного завода, и на его плечи выпало спасать завод в лихие 90-е годы, когда наложенные торговые связи резко оборвались.

«Работы было очень много, – вспоминает он. – Все приходилось постигать на ходу. В техникуме и институте, которые я оканчивал, меня не учили выживанию в рыночных условиях. Но понимание приходило быстро. Например, когда я пришел, завод по разнарядке выпускал бутылку под масло, и никто не решался изменить ассортимент. Но мы это сделали, стали искать заказчиков. Погибали те заводы, у кого сбыта не было, а у нас сбыт был. Учиться было негде, не буду скрывать, часто поступал по наитию».

Представьте человека, который входит в вагон с портфелем, а в нем звенят бутылки. Попутчики морщатся: даст нам поспать этот любитель горячительного. А это Валентин Варзин отправился с образцами продукции на другой конец страны – искать заказчиков. Нынешний начальник производства на заводе Андрей Хазов – из потомственных и фанатичных стеклоделов. К своей должности он шел почти двадцать лет, пройдя путь от грузчика до начальника. В 1998 году, когда завод в его родной Чагоде стоял, он после армейской служ-

бы приехал в поселок Смердомский и устроился грузчиком. С работой в те годы было непросто, хватались за любую. Андрей Хазов приехал в Смердомский посмотреть и попробовать – и остался. Живет он рядом, завод – за забором его огорода.

Профориентация, впитываемая с молоком матери, и сегодня в ходу среди местных жителей. Любой здешний мальчишка, который, быть может, как и его сверстники из больших городов, мечтает стать айтишником или сисадмином, пошагово расскажет технологию производства стекла. В рабочем поселке, в котором родился, и летом не отдохнешь. Старшего сына, приехавшего на каникулы, Андрей Хазов устроил увязывать бутылки на лето. Сезон отпускной, и разнорабочих мало, а сын на заводе вырос. «Да и чего ему болтаться-то, пусть привыкает», – говорит отец.

В Музее истории и народной культуры Чагоды более 700 экспонатов, связанных со стекольным делом

ЭКСПОНАТЫ С ЧЕРДАКА

Интернет-путеводители включают Чагодощенский музей истории и народной культуры в пятерку лучших музеев России на стекольную тему. Наряду с Русским музеем и Музеем дятьковского хрусталя. Скромный краеведческий музей получил такое почетное соседство благодаря внутренней коллекции стекольных экспонатов. Одних бутылок, изготовленных за полторы сотни лет, в музее более семисот.

«В основном фонды пополняются за счет поступлений с наших заводов, – рассказывает директор музея Людмила Питалина. – А еще люди приносят. Кто-то на чердаке или в сарае у бабушки нашел интересную старинную бутылку или стопку, приносят и выкопанные бутылки. Их чаще всего находят в местах, где были пристани, на которых стекольные заводы грузили продукцию».

В экспозиции и фондах музея бутылки всевозможного вида и назначения, механизированной и ручной выдувки. Неизменной популярностью пользуются графины в форме медведя и бутылки в виде мужика с балалайкой, которые выдували дореволюционные чагодощенские мастера. Но их пока не увидеть, лежат в коробках. Музей недавно переехал из аварийного здания и только размещается на новом месте. Свои хрупкие экспонаты музейщики перевозили, обернув в ткань. А особо ценные переносили на руках, благо Чагода невелика. По словам Людмилы Питалиной, многие годы основными посетителями музея были школьники. Но в последние несколько лет зачастали туристы – тематические путеводители сыграли свою роль. Маленькие музейчики стекольных раритетов открылись в городских гостиницах, а в Музее истории придумали экскурсию в историю чагодощенского стекольного дела. С посещением современного производства, разумеется. Танцем бутылок на конвейере экскурсия заканчивается. Но для кого-то именно этим и начинается путь в стекольную профессию.

ПИСЬМО МАРШАЛУ ВОРОШИЛОВУ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ВЕСНОЙ 1956 ГОДА ДОЦЕНТ ГУРЕВИЧ БРЫЗГАЛ СЛЮНОЙ В ПРИТИХШИЙ ЗАЛ, ДОКЛАДЫВАЯ СТУДЕНТАМ МТЭИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЯХ ХХ СЪЕЗДА ПАРТИИ, О РАЗОБЛАЧЕНИИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ.

В МАРТЕ 1953-ГО В ЕГО голосе преобладали трагические, похоронные нотки, а теперь, в 56-м, – бравурные, победительные.

Верили студенты Гуревичу. Верили и в 53-м, и в 56-м. Это сегодня, через шесть десятилетий, можно задаваться философским вопросом: «Когда он был искренен?» Да только к чему этот запоздалый вопрос? Вдруг он был искренен... всегда?

А тогда они плакали. Тихо плакали на лекции по основам марксизма-ленинизма. В 53-м плакали от горя, в 56-м слезы капали от потрясения.

С кем же обсудить все это, как не с мамой? Дома, на Лобне, студентка коммерческого факультета Аня Сидельникова, волнуясь, спрашивала в 53-м:

– Как же мы будем жить без него?

И слышала в ответ от Людмилы Евгеньевны:

– Как-нибудь будем жить, Анна. Когда я была молодая, мы о нем и не слышали, а повторялись в Архангельске имена – Троцкий, Ленин, Ленин, Троцкий... Сталина узнали потом, после Гражданской. И мне моя мама, а твоя бабушка, в честь которой мы тебя и назвали, шепнула,

приехав в 26-м на Лобню: «Ты уж, Людмила, научи своих ребят новых начальников не ругать. Не надо».

А в 56-м и разговоров никаких не было. Бюстик Сталина Людмила Евгеньевна с этажерки не убрала, но повернула вождя лицом к стенке.

До сегодняшнего дня уцелел на Лобне сверток старых газет. Среди них – в единственном экземпляре – «Правда» с докладом товарища Хрущева XX съезду партии. Зато газет от марта 53-го – целых пять. Тут и «Вечерка», и две «Правды», и «Известия», и «Московская правда».

Получается, пользуясь спортивной терминологией, счет в поединке Сталин – Хрущев – 5:1! Случайно ли? Думаю, нет. Никто из нашей большой семьи не был ни репрессирован, ни сослан, ни расстрелян, ни обвинен. Миновали нас те суровые жернова. И потому, наверное, Сталина Сидельниковых уважали больше Хрущева.

Да и лицемерие всегда считалось у нас – тяжким, постыдным грехом. Типа воровства, если не хуже.

Когда в середине восьмидесятых всех поголовно вдруг позвали каяться, а затем ускоряться и пе-

рестраиваться, я что-то не захотел. Хотя членом КПСС никогда не был и быть им не собирался.

На фотографии середины 50-х мама красивая, тонкая, серьезная – похожа на артистку кино. Тогда это было в моде: сфотографироваться в солидном ателье и затем посыпать карточки друзьям и знакомым.

– Платье у меня хорошее было одно, мы его дома перекрасили из розового в синее, чтобы не так марко, я в нем на работу ходила, молодой специалист. А снималась в Архангельске, куда поехала по распределению после вуза. Куда же мне было ехать, как не в Архангельск? Как говорится, родина предков. Распределяли по всему Союзу – Сибирь, Дальний Восток, Новороссийск, Мурманск, Одесса. Конечно, не сомневалась, Архангельск выбрала, где до этого не была ни разу.

Мама с детства отличалась решительными поступками. Проявляла характер. Причем не тушевалась перед общественным мнением и важностью обстановки. Теперь об этом весело вспоминать.

– Весной 45-го школьники собирали крапиву для военных госпиталей. Меня, как лучшую сборщицу школы, отправили затем на какой-то слет победителей – в Москву, в Дом пионеров Кировского района. Зал, помню, огромный... И вызывают ребят на сцену, выкрикивают фамилии... Подарки вручает отличные, не какие-то сувениры. Отрез на платье, обувь, ткань... В то-то время... Сижу я, сижу, всех награждают, меня нет. Встала, пошла в президиум спросить, где, мол, Сидельниковой подарок. Такая дуреха... Думала, всем, кто в зале сидит, вручать что-то будут.

В те же школьные годы она взялась помогать по математике соседке по улице, которую оставляли на осень. Никто и не просил помогать, и даже подругами они еще не были.

Зал маленький, полупустой. Угол Таганской площади... Играют там, к примеру, «Каширскую старину» Аверкиева. До славы – еще лет пятнадцать.

Наверное, сказался голодный год. Сказался, видимо, и уход на пенсию по инвалидности мамы, учительницы Людмилы Евгеньевны. Наверное, хотелось чего-то нового. Ей 16 лет.

Пенсия Людмилы Евгеньевны до реформы вышла 200 рублей, совсем небольшие деньги. Так что и стипендия техникума, 160 рублей, становится не лишней в хозяйстве. Ну а по большому счету, все держится на брате Семене, он – главная опора и поддержка, инженер на заводе, а еще рационализатор и изобретатель. Полиартрит развивается, ему предлагают вторую группу инвалидности, но он просит врачей оставить его на третьей – чтобы работать.

Так и живут они на Лобне вместе: Людмила Евгеньевна, Аня и Семен.

– Оставляли тогда на осень и на второй год пачками, с лодырями не церемонились. Учили строго. А учителя в лобненской школе были отличные, дело свое знали. Ну а что, думаю, не помочь Ирке Бекасовой? Мне математика легкоается, а у нее двойки, плачет, по улице идет.

Позанимались летом, я к ней в дом приходила с учебниками, подружились. Осенью математик наш, Владимир Антонович, посмотрел на решенные задачи с примерами и спрашивает Иру:

- С Сидельниковой занималась?
- Да, с ней.
- Сразу видно. Молодец. Переходишь в следующий класс.

...Так они и общались всю жизнь. Помню визит в гости летом, в рабочий день. Мама-то в отпуске, а тетя Ира? Оказалось, работает корректором, зачастую дома. Для меня это было открытием. Это запомнилось. Можно, выходит, дома работать? Вот здорово! Что за штука такая – корректор? Мои-то мама с папой

шесть дней в неделю на работу ходят, только воскресенье – выходной...

А с сыном тети Иры Бекасовой мы общаемся по сей день, хоть и редко. Андрей – главный редактор крупного издательства. Весь в заботах, пятеро детей... Когда-то показывал мне первые аккорды на гитаре, учил уму-разуму перед вступительными экзаменами в институт, где уже сам учился, по букинистическим магазинам водил, объяснял...

Давно они уехали из Лобни, а мы их участок по-прежнему называем бекасовским, он правее от нас, через три или все-таки через четыре дома?

В 47-м отличница Анна Сидельникова вдруг бросает школу и поступает в Московский техникум хлебопекарной промышленности, на технологическое отделение. Учится там три года на одни пятерки. Учится ездит в Москву, на Ульяновскую улицу. Иногда посещает расположенный по соседству драматический театр.

– А в 50-м году взяла меня вдруг досада... Все мои одноклассники, которые хуже учились, ходят, бравируют, рассказывают, в какой институт собираются поступать, а я... Бросила техникум в одночасье, опять ни с кем не советуясь, поступила на лобненский керамический завод контролером, а вечерами – ходила в школу. Так и завершила в вечерке десятый класс. Чтобы в институт поступить.

И опять с ней дома никто не спорил.

...Я же говорю, характер у мамы – кипучий, боевой. Видно, в деда-священника. Вот и теперь: я пишу эти строки, а она, в свои 86 лет, молчаливым упреком с огуречной рассадой возится у парника.

РСФСР

МИНИСТЕРСТВО

ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Сидельниковой Анне Павловне, родившейся в п. Лобня Красногорского района Московской обл. в 1931 году, в том, что она, поступив в 1950 году в Лобненскую среднюю школу рабочей молодежи Красногорского района Московской области, окончила полный курс этой школы в тысяча девятьсот пятьдесят первом году и обнаружила при отличном поведении следующие знания по предметам:

Русский язык – 4 (хорошо)

Литература – 5 (отлично)

Алгебра – 5 (отлично)

Геометрия – 4 (хорошо)

Тригонометрия – 4 (хорошо)

Естествознание – 5 (отлично)

История СССР – 5 (отлично)

Всебобщая история – 5 (отлично)

Конституция СССР – 5 (отлично)

География – 5 (отлично)

Физика – 5 (отлично)

Астрономия – 5 (отлично)

Химия – 5 (отлично)

Иностранный язык – 5 (отлично)

Настоящий аттестат дает право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР.

...Бумага гербовая, голубоватая.

Печать, подписи, регистр №45. Фиолетовые чернила.

Мама как-то заметила: «Не ушла бы, дуреха, в техникум, окончила бы школу с золотой медалью».

В начале лета 1977 года я читал хорошие книжки на Лобне. Ждал повестки из военкомата. Поступать никуда не собирался. Не мог толком определиться, куда я хочу. И главное – куда смогу поступить.

Однажды мама говорит: «Студенческие годы – самые лучшие в моей жизни. Самые безмятежные, самые веселые, самые беззаботные, если хочешь. Зря ты их проворонить решил».

И – больше ничего не сказала. Но я прислушался. Не проворонил. И благодаря маме тоже получил пять самых веселых,

коллаж ОЛЕГА БОРОДИНА

самых безмятежных, самых счастливых лет.

И я бы добавил – определяющих.

В институте мама начинает собирать красивые открытки в красивые альбомы. В одном – артисты театра и кино. В других – Москва. Эти альбомы помимо прочего показатель экономический. Что-то можно истратить на себя, купить просто так, потому что нравится.

Интересно перелистывать ныне пейзажи старой Москвы и точеные лица старых актеров на фото – Черкасов, Столяров, Андреев, Бернес, Целиковская, Тарасова, Марецкая, Окуневская. А 86 тоновых черно-белых иллюстраций Москвы 1955 года в исполнении издательства изобразительного искусства? Качество фотографий – высочайшее. Да и подпи-

си хороши. «Вид на Планетарий из зоопарка» – плохо ли?

Как-то, в трудную минуту, альбомы хотели было продать, да я выяснил – стоят они немногого, в цене только довоенное, и, к счастью, альбомы оставили в покое.

На первом курсе Транспортно-экономического института, позже слившегося с МИИТом, стипендия была 395 рублей, на пятом – 495. Училась мама, как и все Сидельниковых, отлично, без стипендии семестров у нее не было. Да и нравилось ей учиться.

На далеком Соколе

Институт открохали.

Институт был неплохой,

Туда или все с головой.

Но с пустой.

Такую песенку они распевали. А жили дружно. В общежитии, в комнате на шесть человек, устроили коммуну, вместе пи-

тались, первое варили всегда, вспоминает мама.

Когда переехала в общежитие, предложила ее комнатку на Лобне сдать. Свободная площадь...

— Вот еще! Буду я за двадцатку чужую грязь терпеть, — возразила Людмила Евгеньевна.

И эти слова тоже стали определяющими — на годы, на десятилетия вперед. Они стали правилом жизни следующих поколений.

Очень недолюбливает мама нынешние фильмы и сериалы про те времена...

— Врут же все. И не стыдно. Показывают сплошную преступность да про то, как все Сталина не любили... А преступности как раз в пятидесятые никакой и не вспомню, никто не боялся ночами ходить, даже в одиночестве. И к Сталину, к власти вообще отношение было уважительное. Тем более — после такой тяжелой войны. Как говорили фронтовики: «Дали б в 45-м приказ — до Атлантики бы доперли!»

За годы учебы маме удалось посмотреть страну. Я как-то взял и основные поездки выписал легким пунктиром, чтобы не путать.

После первого курса. Байкал. Там брат Лева работал начальником геодезической партии. Поехала в гости. Билеты? Студенту МГЭИ был положен раз в год бесплатный железнодорожный билет. Шесть дней в одну сторону через всю страну. На Байкале тогда людей почти не было. Красотища.

После второго курса. Путевка в дом отдыха от института. Туапсе — Макопсе. Черное море. Впервые.

После третьего курса. Турпоход от института по маршруту Алагир — Сухуми через перевал. Снова Черное море.

После четвертого курса. Одесса. Дом отдыха. Путевка от института.

А еще были студенческие работы — практики: по Оке на теплоходе «Николай Гусев» до Горького и по Волге на теплоходе «Азербайджан» до Куйбышева.

— И все это в первой половине пятидесятых годов, в те самые сталинские времена, которые рисуют теперь одной единственной, густой черной краской, — заключает мама. — Во все времена — краски разные. Просто привирать на потребу времени — легче, удобнее, выгоднее.

В институте Анна Сидельникова увлекается лыжами, участвует в соревнованиях, тренирует их будущий наставник сборной СССР Виктор Иванов, тогда мастер спорта, студент, председатель институтского спортклуба.

Она начинает ходить на футбол, болеть за «Динамо», приучили братья, в особенности Сергей, однажды указавший ей на молодого голкипера, игравшего, по общему мнению трибун, совсем неудачно: «Погоди, Анна, вот увидишь, из него большой вратарь получится».

Фамилию долговязого вратаря с того дня она и запомнила.

Его звали Лев Яшин.

А вот в Архангельске — не удалось. Проработала она там всего-то год и пять месяцев. И за это время семь раз приезжала на Лобню. Уж очень беспомощно выглядели дома стареющая мама, Людмила Евгеньевна, и брат Семен Павлович, полиартрит у которого лечению не поддавался. Ходил он с трудом, с палочкой, левая рука почти не действовала. Между тем за водой на колонку надо было ходить каждый день. Надо было заготавливать дрова для печки, надо было растить картошку и овощи, надо было... Много чего надо, когда живешь на земле.

И хотя люди архангельские приняли ее хорошо и работала она по специальности — «инженером-экономистом в службе грузовой и коммерческой работы Управления Северного речного пароходства с окладом 790 рублей в месяц», и получила комнату в коммуналке на улице Розы Люксембург, и сам город ей в целом глянул-

ся, — но на сердце было неспокойно.

— Всякий раз приезжала на Лобню, страдала, глядя на них, на Семена и маму, а при разлуке мы с мамой плакали. Потом уж узнала, что могла и не распределяться вовсе, имея в семье двух инвалидов, один из которых к тому же пенсионер. Что было делать? Уволить меня не могли, как молодого специалиста, да и не хотели... К тому же начали продвигать по комсомольской линии, чуть ли не в секретари пароходства. И тогда я написала письмо Ворошилову, тогдашнему председателю Президиума Верховного Совета СССР. Рассказала в письме обо всех моих обстоятельствах, просила о переводе ближе к дому. Уж и не помню, кто надумил, но письмо такое отправила...

— Поступок. И что же?

— Месяца через два или три получила ответ. Мне позвонили из Москвы. Уточнили детали. Потом пришла телеграмма. Предлагали работу в московском Южном порту, сменным помощником начальника участка с окладом 800 рублей в месяц. То есть фактически ответственным за разгрузку-погрузку продукции, получаемой или отправляемой портом.

— Вот тебе и деспотическое государство...

— Все было по закону. С лета 1958 года я вступила в должность и проработала три навигации.

— Но ведь... Матросы, грузчики, приемо-сдатчики, крановщики, тросы, лебедки, грохот, мат-перемат...

— При мне старались не выражаться. Относились с уважением. Тем более вскоре я познакомилась с твоим будущим папой. Разве ты слышал от него хоть одно бранное слово?

...Они поженились в 1959 году, на следующий год родился я. Ну и как, скажите на милость, выяснив эти детали, относиться к Клименту Ефремовичу Ворошилову?

Маршал, можно сказать, дал мне путевку в жизнь.

АРОМАТНАЯ ГАВАНЬ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

КАЖЕТСЯ, ЧТО ЗДЕСЬ ВСЕ ТЯНЁТСЯ ВВЫСЬ: НЕБОСКРЕБЫ, БАШНИ, ФОНАРНЫЕ СТОЛБЫ. А ВСЕ ПОТОМУ, ЧТО ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ГОНКОНГЕ В КРАЙНЕМ ДЕФИЦИТЕ...

ПО УЛИЦЕ ИДЕШЬ И чувствуешь себя как в глубоком ущелье: пространство узкое, стены домов вокруг – стометровой высоты. Я бы ни за что не нашел в этом нагромождении зданий и вывесок русскую церковь, если бы не весьма доходчивая фотография на сайте прихода, где вход указан стрелкой. Храм расположен на двенадцатом этаже делового центра: выходишь из лифта и сразу попадаешь в церковь.

На воскресную литургию в тот день собралось около 20 человек – большинство русские. На клиросе временами переходили на кантонский диалект, «Символ веры» и «Отче наш» читали тоже на двух языках. И проповедей было две: настоятеля прихода протоиерея Дионисия (Поздняева) – на русском, и священника Анатолия (Кунга) – на кантонском.

Отец Анатолий, ставший священником в декабре 2014 года, – пер-

вый православный китаец, рукоположенный за последние шестьдесят лет со времен существования Русской духовной миссии в Китае. Юношеское увлечение европейскими романами привело его на факультет русской литературы Института иностранных языков в Гуанчжоу. После окончания вуза он занялся бизнесом, семь лет прожил в Гонконге. Не раз по делам бывал в Москве, жил в российской столице двенадцать лет. Русскую церковь начал посещать еще в Гонконге, здесь же крестился, потом венчался. В 2014 году поступил в Хабаровскую духовную семинарию, где и сейчас учится заочно. Живет в Гуанчжоу и приезжает в Гонконг на субботу и воскресенье для службы в церкви. Алтарнику Дмитрию на вид лет 15. На самом деле – 35. Не так

давно он защитил докторскую диссертацию в Политехническом университете Гонконга. Мать Дмитрия – потомок русских эмигрантов, бежавших после революции 1917 года в Китай. Историю предков Дмитрий знает плохо. Его мама – младшая дочь в семье, и ей мало что рассказывали. А во время «культурной революции» вообще боялись упоминать о русском происхождении. Известно только, что русские предки Дмитрия жили в Тяньцзине и носили фамилию Романовы. В свои 63 года мама Дмитрия, которая говорит только по-китайски, с гордостью называ-

ет себя русской и добавляет, что она – коммунистка. Ее герои – Ленин и Сталин, а центр мира – мавзолей вождя пролетариата на Красной площади. И она очень расстраивается, что в русской диаспоре ее, во-первых, не отличают от китаянки, а во-вторых, не разделяют коммунистических убеждений. Когда сын окончил школу, она отправила его в Иваново – учить русский язык и учиться в Текстильной академии. «Поначалу было страшно вот так оказаться зимой в Иванове, – вспоминает Дмитрий. – Но меня окружали добрые русские люди, помогавшие во всем».

Китайские традиционные мотивы в оформлении церкви – особое попечение настоятеля Петропавловского прихода

Отец Анатолий говорит, что русский язык для него стал как родной, а в Москве он прожил больше, чем в каком-либо другом городе

Алтарник Дмитрий показывает библиотеку Центра русского языка

«АВТОМОБИЛЕЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МУХ»

Отец Дионисий и его супруга Кира уже много лет занимаются исследованием истории русской диаспоры в Гонконге. «Гонконг большинством русских воспринимался как транзитный пункт, – рассказывает отец Дионисий. – Эта британская колония была очень удобна для получения виз в Австралию, США, европейские страны. Если взять среднюю оценку численности русских беженцев в Китае – это 300 тысяч человек. Из них примерно третья вернулась в СССР, большинство остальных проехали через Гонконг. Здесь они ждали документы на въезд в другие страны. Ждали от нескольких дней до нескольких лет – кому как повезет. Некоторые умирали, не дождавшись желанной визы. Два больших наплыва беженцев были связаны с захватом японцами Китая в 1934–1937 годах и приходом к власти Мао Цзэдуна в 1949 году».

Гонконг видел русских транзитеров самого разного прошиба, включая старообрядцев. Экстравагантные русские крестьяне, появлявшиеся периодически на улицах города, забавляли жителей британской колонии вплоть до начала в Китае «культурной революции» в 1966 году. Вот, например, цитата из журнала Post от 12 июля 1965 года: «Многие жители колонии успели привыкнуть к беженцам, прогуливавшимся по улицам в своих причудливых крестьянских одеждах XIX века. Но туристы по-прежнему останавливаются и в изумлении глазируют на мужские брюки свободного покроя и высокую шнурованную обувь, а также на женщин с повязанными вокруг щиколоток платками». Ну а старообрядцев поражала сумасшедшая деловая жизнь на острове. Как выразился один старик в разговоре с гонконгским корреспондентом, «автомобилей в Гонконге – больше, чем мух, там, откуда мы пришли».

В довоенный период многие русские служили в полиции: патрулировали как улицы города, так и окрестные воды на быстроходных катерах – в те годы Гонконг манил пиратов, словно остров сокровищ. Впрочем, так было и раньше, ведь имя острова переводится как «ароматная гавань». Здесь торговали сандаловым лесом и специями, а что в древности, что в Средневековье товары эти дешевыми не были. В 1941 году японцы с боями взяли британскую колонию. Русские эмигранты вместе с англичанами провели четыре года в концлагерях. Сидели в том чис-

ле и в знаменитой тюрьме Стэнли, со всех сторон окруженной водой, где содержались особо опасные убийцы, разбойники, наркодельцы. Кира Поздняева недавно отыскала картины художника Арсения Савицкого, который был узником Стэнли и оставил воспоминания и рисунки о жизни русских заключенных.

Ярким представителем русскоязычного сообщества был доктор Соломон Бард. Он проделал типичный путь русского эмигранта: Сибирь – Харбин – Шанхай – Гонконг – Австралия. Еще будучи школьником в Шанхае,

Гонконг 1950-х годов – времени, когда на острове проживало наибольшее число русских

На оберточной бумаге Арсений Савицкий изобразил своих сокамерников. Тюрьма Стэнли. 1942 год

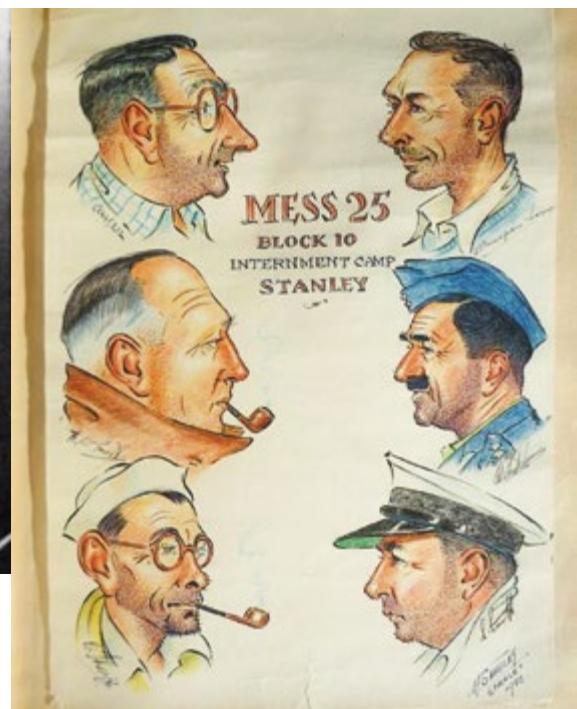
Неутомимый Соломон Бард, врач, музыкант, археолог

Соломон выучился играть на скрипке и зарабатывал в ресторанах. В 1934 году он приехал в Гонконг и поступил в университет на медицинский факультет. В 1941 году японцы отправили Барда в концлагерь за участие в отрядах Сопротивления. В лагере он развернул бурную деятельность: лечил заключенных, собрал тюремный оркестр, а также помогал организовать побег: заключенные пробирались по дренажным трубам, а Бард, делая вид, что репетирует, играл на скрипке. Таким образом он сообщал беглецам о передвижениях тюремных охранников.

После войны Соломон Бард или Соли, как называли его друзья, работал врачом в Гонконгском университете. Не забывал и музыку. Гонконгский филармонический оркестр и Гонконгский китайский оркестр – его рук дело. Бард также был основателем Управления по делам древностей и охраны культурных памятников. Любил археологию: проводил раскопки на древних укреплениях в Танг-Лунг-Чау и на острове Лантау, писал статьи в научные журналы. Уже в преклонном возрасте он перебрался в Австралию. Но и в свои 90 лет то и дело нащажал Гонконг: дирижировал оркестром и пускался в археологические экспедиции. Скончался Соломон Бард в 2014 году в возрасте 98 лет.

Арсений Савицкий, художник-портретист и иконописец, в Австралии его работы украшают музеи, частные коллекции, храмы

ПРИХОД

Отец Дионисий, естественно, восстанавливает историю местной православной общины. 36 лет существования церкви Петра и Павла в Гонконге связаны с ее бессменным настоятелем – протоиереем Дмитрием Успенским. Выходец из владимирских Вязников еще в семинарии прослыл полиглотом, после 1917-го уехал в Китай, где служил в Тяньцзине в составе Русской духовной миссии. Языком овладел в совершенстве, написал даже учебник китайского языка. С 1934 года он служил в Гонконге, являясь также благочинным домовых церквей Южного Китая, Макао и Филиппин. В самом Гонконге прихожане планировали постройку небольшого храма, был даже готов его проект, но все планы нарушила война. Так Петропавловский приход и просуществовал все время в молитвенном доме на Мидл-роуд, 8...

Отец Дмитрий скончался в 1970 году на 84-м году жизни. Со смертью настоятеля прекратила существование и церковь: сильно поредевший и постаревший приход не мог больше содержать храм. Молитвенный дом был продан, все церковное убранство переправлено в русский православный храм в Мельбурне.

Не так давно отец Дионисий вернулся из Сан-Франциско, где он изучал архивы, собирая сведения о гонконгской диаспоре. «Меня интересовал Воскресенский приход Русской зарубежной церкви, – рассказывает Дионисий Поздняев. – Создание его благословил владыка Иоанн Шанхайский, и существовал он параллельно с Петропавловским с 1949 по 1956 год. Богатство сан-францисских архивов меня просто поразило. Библиотека Стэнфорда насчитывает 61 миллион единиц хранения, связанных с русской эмиграцией. Там масса интересных материалов, многое до сих пор не опубликовано. Например, дневники Врангеля, переписка владыки Иоанна Шаховского с Бунином, дневники генерала

www.orthodox-hk

Протоиерей Дмитрий Успенский. За труды на миссионерском поприще его называли Апостолом Китая. В Гонконге же он посвятил жизнь русскому приходу

Дионисий Поздняев более двадцати лет занимается развитием православия в Китае, его приход вполне можно считать наследником трехвековой Русской духовной миссии

Юденича, в которых он описывает, как брал Тегеран...».

При церкви работает единственный в Гонконге Центр русского языка. Обучение здесь ведут четыре преподавателя, специально приглашенные из Москвы. В центре сейчас обучаются 120 учеников – 60 взрослых и 60 русских детей.

Вообще, удивительно, как при местных запредельных ценах церковь и центр еще умудряются существовать. Прихожане не в состоянии оплачивать даже обслуживание храма. Само же небольшое помещение было куплено в кредит за 2 миллиона долларов США, по которому нужно каждый месяц выплачивать 3 тысячи долларов. «Горизонт планирования у нас – один месяц, – говорит отец Дионисий. – Дальше неизвестно, будем существовать или нет. До сего дня каждый раз этот вопрос удается решать положительно, каждый раз – это победа веры над разумом».

БОРЩ, ЧЕРИКОВ И РИМСКИЙ

Мест, связанных с русской диаспорой, на острове почти не осталось. Пытался я найти виллу на Мидл-роуд, где располагалась Петропавловская церковь. Но, как и предупреждал меня отец Дионисий, затея оказалась бесполезной: номер дома давно поменялся, здание перестраивалось и меняло хозяев, так что нынешние обитатели понятия не имеют о его церковном прошлом.

Зато неподалеку от Мидл-роуд отыскался знаменитый «ночной рынок» на храмовой улице. На поверхку культовое место оказалось просто длинным большим развалом, где продают всякую дребедень. Туристов и в самом деле много, но, честно говоря, непонятно, зачем ради всего этого ночью собираться. Кстати, больше всего покупателей толпилось возле рядов с брелоками с надписью I love Hong Kong. А вот китайский храм, к которому ведет улица, оказался куда интереснее. Оказалось, что он осажден экстравагантными гадальнями и гадалками всех мастей. «Ясновидящие» позировали перед камерой отказывались, вместо себя предлагая снять свое рабочее место, украшенное авторскими плакатами. Гадают кто по руке, кто со свечами, кто с камнями и орехами. Клиентов, как ни странно, хватает даже ночью: все – местные. Здесь же можно увидеть массу инвалидов, лежащих на толстых матрасах, а также уличных певцов и музыкантов. Вот небольшой коллектив музыкантов с народными инструментами играет без перерыва, а к микрофону – естественно, за пожертвование – выходит петь любой желающий. Чтобы заблудившийся турист не отогнал своей фотокамерой какого-нибудь музыкального духа или духа, приносящего щедрые чаевые, с трех сторон оркестрик обвешан табличками No photo. Религиозная жизнь в Гонконге не в пример активнее, чем на территории континентального Китая. В древние храмы, спрятавшиеся за бетонными башнями

ми, заходят и пожилые тетушки, и респектабельные клерки. Здесь уж никакой самодеятельности. Потемневшие от копоти божества, огромные дымящие спиралы над головой, охапки палочек с благовониями, свечи, лампады, жертвенные цветы и фрукты. Возле ящика с благовониями есть и бесплатные палочки для неимущих – даже по-английски написано «Возьмите три штуки». Ритуал у каждого свой: одни просто кланяются с зажженными благовониями, другие на колени встают, кто-то обходит жертвенник вокруг, касаются меча божества, касаются ленточки, стучат в тамтам или бьют в колокол. Внимание привлекла одна местная женщина: стоя на коленях перед алтарем, она явно выясняла отношения с духами. Беседа шла на высоких тонах. Дама то и дело отпускала возмущенные реплики, нервно поджигала очередную палочку с благовонием и задавала вопрос за вопросом. Ответы получала, бросая на пол кости, точнее – kostяные пластины с особыми знаками.

Гонконгское бытие показалось мне гремучим коктейлем. В небе – светящиеся башни, испускающие лазерные лучи, на земле – парки, изобилие цветов и черепах. Мировой финансовый центр и доморощенная магия. Суперсовременное метро и чадящие старинные паромы. Черно-белые фильмы с Брюсом Ли и современные монументы мастерам карате... Европейцы, бегающие по утрам на пик Виктория вместе со своими несчастными собачками. Праздные китайцы, забивающие во дворах «козла» и целыми днями обсуждающие все на свете... Что во всей этой кутерьме могло остаться от русских эмигрантов? Однако ж кое-что осталось. Слово «борщ» встречается в меню и первоклассных ресторанов, и в забегаловках. Cherikoff – известнейшая марка кондитерских изделий в Макао и Гонконге. Создатель фабрики Виктор Чериков был, пожалуй, самым успешным русским бизнесменом Гон-

Такой вот авангардный шлейф прошедшего гонконгского кинобума с Брюсом Ли и Джеки Чаном

Двухэтажный трамвай уже сто лет самое популярное на острове средство транспорта

конга. А перед эмиграцией в Австралию он продал свое предприятие местным предпринимателям. Ну, и еще – встречающееся на острове имя Римский. Например, местного известного политика зовут Римский Чэн, а секретаря службы юстиции – Римский Юэнь. Видимо, китайцев Гонконга впечатлила музыка Римского-Корсакова, они подумали, что «Римский» у композитора имя, и называли в честь него своих детей.

В «СЧАСТЛИВОЙ ДОЛИНЕ»

На колониальном кладбище «Счастливая долина» сохранилось около полутора сотен захоронений русских эмигрантов. От конечной остановки трамвая проходишь сначала ипподром, затем храм сикхов, дальше топаешь вдоль скоростного шоссе, доходишь до дорожного знака «Квинз Роуд Ист» и находишь вход в некрополь. Русские могилы разбросаны по всему кладбищу, но опознать их несложно по восьмиконечным православным крестам. Я забрался вверх по склону в заросшую джунглями часть кладбища и там случайно нашел самое большое скопление русских погребений. Надгробия в разной степени сохранности и ухоженности: на некоторых уже ничего прочесть невозможно... Самое старое русское захоронение здесь датируется 1895 годом, большая часть относится к 1940–1960-м годам. Известные личности похоронены в центре некрополя неподалеку от старой часовни. Три креста почти напротив центрального входа – могилы протоиерея Дмитрия Успенского, его жены Екатерины и дочери Анастасии. Изначально захоронения находились на другом участке и едва не были снесены – в 1979 году власти острова решили построить там шоссе. Сохранить могилы удалось благодаря почитателям отца Дмитрия и его дочери

Аделаиде, которая хоть и жила в Висбадене, вовремя взялась за перенос захоронений родителей на новое место.

У самой часовни под фигурой ангела лежит бывший царский офицер морского флота Николай Белановский. Рядом с ним — могила художника Юрия Витальевича Смирнова — George Smirnoff, как значится на кресте. Юрий Смирнов окончил с золотой медалью престижную гимназию Хорвата в Харбине. Работал декоратором и художником по костюмам в театре Железнодорожного собрания. В 1934-м переехал в Циндао, где расписал русскую церковь и провел первую выставку своих картин. В Гонконге оказался в 1939 году. Не имея нормальной работы, перебивался продажей картин с гонконгскими видами. Он продавал их в ресторанах. Подписывал их «Вон Римс» — фамилия Смирнова наоборот. Хотя он никогда не служил в полиции, японцы пытались отправить художника в концлагерь. В 1943 году, после того как бомба повредила его дом, он решил больше не испытывать судьбу и перебрался на Макао — португальскую колонию, состоявшую в союзе с Японией. Приехав с семьей без доллара в кармане, Юрий Смирнов нежданно оказался вос требованным. Преподавал живопись в колледже Святого Луиса Гонзага, работал декоратором в театре Святого Карла, по заказу колониальных властей писал большой цикл акварелей с видами Макао. С тех пор и до сего дня Смирнова почитают в Макао за национального живописца. В Художественном музее города хранятся 74 его картины, постоянно проводятся выставки его работ, самая масштабная из которых состоялась в 2003 году — к 100-летию со дня рождения художника. Сам же Юрий Смирнов окончил жизнь трагически: вернулся после войны в Гонконг, где спился и покончил с собой в 1947 году. Говорят, до отчаяния его довела необходимость писать и продавать ширпотребные пейзажи и рисовать рекламные плакаты и открытки.

Гавань Виктория, окруженная густым лесом небоскребов — символ современного Гонконга

Нора Крук вспоминает жизнь в Гонконге как очень комфортную и насыщенную — помимо журналистики и поэзии она занималась икебаной, учila языки, организовала женский клуб «Тамада»...

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

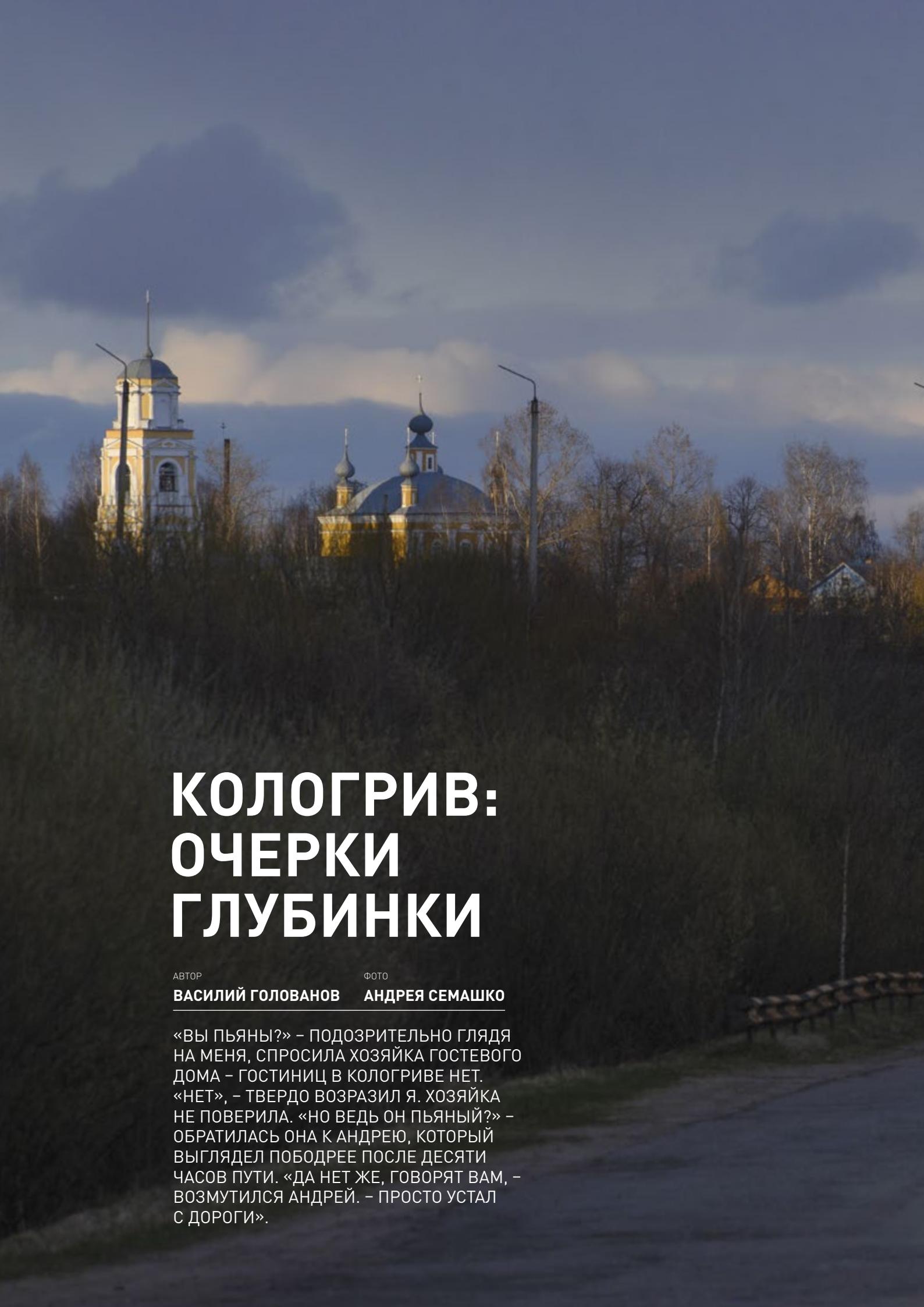
Когда в начале 2000-х годов отец Дионисий создавал новый приход, казалось, никаких потомков русских эмигрантов в городе уже не было. Но после Пасхи на русских могилах, откуда ни возьмись, появлялись пасхальные яйца и цветы. Того, кто чтит память предков, удалось отыскать: ею оказалась Лидия Урченко — последний представитель старой русской эмиграции в городе. Правда, в последние годы Лидия большую часть времени проводит с мамой в Австралии. Но вот что интересно: и сейчас после Пасхи появляются пасхальные яйца на русских могилах. Скорее всего, это из Австралии приезжают к отеческим гробам. На Зеленом континенте живет немало представителей гонконгской диаспоры. Среди них и старейшая поэтесса русского зарубежья

Нора Крук. Родилась она в 1920 году в Харбине. Первые стихи написала в 8 лет:

Китайцы, японцы,
корейцы, проснитесь.
В единые рабочие полки
объединитесь,
И пусть завьется ваш
красный флаг —
Капиталистов враг.

Непонятным образом стишок напечатали в детском журнале. В последний момент редакторы спохватились и заклеили во всех номерах большевистскую агитку бумагой. С 1933 года юная поэтесса жила в Шанхае, где работала журналисткой. Гонконг стал домом для Норы и ее мужа Ефима на восемнадцать лет — с 1957 по 1975 год. Ефим Крук служил в крупных коммерческих фирмах, Нора печаталась в английских газетах и журналах. В свободное время Ефим играл в шахматы, дважды становился чемпионом Гонконга; Нора — сочиняла стихи. Здесь же она впервые стала писать на английском языке — подруга попросила сочинить что-то для своего возлюбленного-португальца, которому она прихвастнула, что увлекается поэзией. С тех пор Нора Крук больше пишет на английском языке, в Австралии ее стихи были удостоены литературной премии Джин Стоун. Может быть, Нора Марианновна напишет и свои воспоминания о жизни русских в Гонконге... ■

КОЛОГРИВ: ОЧЕРКИ ГЛУБИНКИ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ АНДРЕЯ СЕМАШКО

ФОТО

«ВЫ ПЬЯНЫ?» – ПОДОЗРИТЕЛЬНО ГЛЯДЯ НА МЕНЯ, СПРОСИЛА ХОЗЯЙКА ГОСТЕВОГО ДОМА – ГОСТИНИЦ В КОЛОГРИВЕ НЕТ. «НЕТ», – ТВЕРДО ВОЗРАЗИЛ Я. ХОЗЯЙКА НЕ ПОВЕРИЛА. «НО ВЕДЬ ОН ПЬЯНЫЙ?» – ОБРАТИЛАСЬ ОНА К АНДРЕЮ, КОТОРЫЙ ВЫГЛЯДЕЛ ПОБОДРЕЕ ПОСЛЕ ДЕСЯТИ ЧАСОВ ПУТИ. «ДА НЕТ ЖЕ, ГОВОРЯТ ВАМ, – ВОЗМУТИЛСЯ АНДРЕЙ. – ПРОСТО УСТАЛ С ДОРОГИ».

ВКОЛОГРИВ НАДО ехать 260 километров от Костромы на северо-восток по трассе, отмеченной в навигаторе коварным серым цветом: колдобины и бугры здесь нормальное дело, хотя на всем протяжении трассы рабочие деловито варят гудрон и латают образовавшиеся за зиму дыры в асфальте. Последние 80 километров после поворота с главной трассы утрясли меня так, что я натурально чувствовал легкий отек мозга. Кологрив примостился на самом краешке цивилизации. Дальше асфальтированных дорог нет. Только грунтовые, до ближайших деревень. А там и вовсе все дороги кончаются и начинается зеленое море тайги. Здесь, в европейской части РФ. Так что место, где мы очутились – даже не глубинка, а натуральная глубина.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Впрочем, первые впечатления от города оказались благоприятными. Улица, обрамленная рядами когда-то роскошных купеческих и дворянских особняков, мягко спускалась к центральной площади с неизбежным памятником Ленину. Но и он не мог испортить впечатления целостности и подлинности городского ансамбля. Есть в Кологриве своя изюминка: спокойный уют добродушного уездного города минувших времен. От центральной площади улицы, еще по Екатерининскому плану, расходятся веером, каждая на свой лад представляя все великолепие деревянной архитектуры или диковины вроде магазина «Фермерское мясо». Городскую вертикаль задает небесного цвета Успенский собор с изящными золотыми маковками. Парк с прудом разделяет город на две части: собственно город и посад. Фасадом Кологрива служат набережные, обращенные к полноводной Унже. Здесь мы обнаружили дома, возраст которых – около двухсот лет. А история Кологрива начинается много раньше. Он был за-

Сердце города – Успенский собор

ложен повелением Василия III как пограничная крепость после опустошительного набега казанских татар и черемисов на Костромскую землю – километров на 40 выше современного Кологрива, возле села Архангельское на берегу Унжи, на каменной «гриве», из-за чего и стал вскорости именоваться Окологривьем. Казанское ханство пало уже в начале царствования Ивана Грозного – в 1552 году. Так что в качестве пограничной крепости город просуществовал недолго. Впрочем, значения своего не потерял: отсюда Грозный истребовал ратников на Ливонскую войну, здесь во времена Смуты было собрано ополчение, принимавшее участие в освобождении от поляков Галича, Солигалича и Костромы, а позднее – уже в

составе воинства князя Пожарского – и самой Москвы.

Однако место, на котором был поставлен город, изначально выбрали неудачно, так что на протяжении XVII века Окологривская «осада» продолжала хиреть и терять административное значение. В 1727 году воевода Иван Рогозин своевольно перевел воеводство в село Кичино и основал тут город. Переписка с Сенатом, недовольным самоуправством воеводы, продолжалась полвека. Кончилось тем, что в 1778 году новый Кологрив получил чин уездного города, генеральный план и герб, в нижнем золотом поле которого изображена конская голова с пышной гривой: редкие туристы, добирающиеся сюда, обычно бывают удивлены, узнав, что корень «грив» в названии города унаследован им по месту прежнего расположения на каменистой гряде «гриве», а вовсе не в силу причастности оного к коневодству. Но как бы то ни было, с получением чина и герба Кологрив зажил чинно-благородно, почти сто лет накапливая капиталы, которые в конце XIX века привели к удивительному расцвету города как культурной и промышленной столицы обширного северного края.

Обычное в Кологриве соседство – дрова и современный автомобиль

КОЛОГРИВСКАЯ ПОЙМА

Нам еще надо было успеть посмотреть гусей. Одной из главных достопримечательностей Кологрива является заказник «Кологривская пойма», где во время сезонных перелетов остаются десятки тысяч гусей, зимующих в Европе и летящих дальше на север – на острова Колгуев, Новая Земля и в Большеземельскую тундру. Инициаторами создания заказника стали местные энтузиасты и орнитологи – российские и голландские. «Коридоры» гусиных перелетов, в общем, хорошо известны. В том числе и охотникам. Чтобы гуси могли как следует откормиться, им нужно несколько недель посидеть на одном месте, где бы их никто не трогал. Но «плотность» охоты сейчас такова, что подобными спокойными местами в антропогенном ландшафте являются, по сути, только охраняемые территории. Первоначальная идея и заключалась как раз в том, чтобы создать в Костромской области несколько небольших заказников в местах привычного отдыха птиц. В полной мере этот проект реализовать не удалось, но в Кологриве учёные и общественность нашли взаимопонимание, в 2005 году охота на гусей на правом берегу

Унжи была запрещена, а в 2006-м здесь и был создан заказник «Кологривская пойма». Тогда же в городе прошел первый День гуся. Гусь – очень умная птица. В природе он редко подпускает человека ближе, чем на 300–400 метров. А в Кологриве достаточно переехать мост через Унжу и встать на дамбе, чтобы оказаться в «птичьем царстве». Кого здесь только нет! Кулики, утки, гуси спокойно пощипывают побеги молодой травки метрах в 30 от дороги. На таком рационе самка гуся способна нагуливать до 30 граммов жира в день. А жир – это ресурс, который впоследствии поможет ей высиживать яйца: ведь 22–24 дня, что гусыня сидит на гнезде в тундре, она ничего не ест!

Вечер выдался прохладным. Яркое солнце проплавило тучи и озарило птичью пойму красновато-золотистым светом. Гуси начали сбиваться в стаи, их клинья парили в небе, готовясь к ночевке на воде. Мы вернулись в город. Тянуло сухим бересковым дымком. Казалось, весь город топит бани. Оказалось, в Кологриве до сих пор нет газа, и все дома отапливаются дровами. Громадные поленницы и дровяные сараи придают ему дополнительный, хотя и несколько устаревший колорит...

Архитектура старого Кологрива не лишена изысканности...

ЛЮДИ СТАРОГО КОЛОГРИВА

Кологрив никогда не был большим городом: в 1913 году здесь жило чуть менее 3 тысяч человек, сейчас – чуть больше. Правда, когда-то город знал лучшие времена. С тех пор как царь Алексей Михайлович начал раздавать тут имения «за службу», в городе сложилась дворянская прослойка: спустя сто лет внуки и правнуки тех первых поселенцев дали целую плеяду замечательных людей. Среди них – герой войны 1812 года, несравненный партизан Александр Фигнер, погибший в зимнюю кампанию 1813 года: говорят, что окруженный вместе со своим отрядом, он бросился в Эльбу, связав себе руки платком. Еще один герой 1812 года – друг Пушкина и Грибоедова Павел Катенин – участник Бородинской битвы и Битвы народов под Лейпцигом. Позже он примкнул к декабристам Союза спасения. В 1820 году за свои радикальные убеждения он был уволен со службы, а в 1822-м за громкий скандал, устроенный в театре, по распоряжению императора Александра I был сослан в Кологрив, где и прожил три года. К выступлению в декабре 1825 года он оказался, таким образом, непричастен. Других ссылочных в Кологриве не было. Впрочем, прошу извинить: князь Сенешиком Арташесович Абашидзе, сподвижник Шамиля, тоже был сослан в Кологрив. Но что это была за ссылка? Князь жил в собственном особняке на широкую ногу: давал балы, демонстрировал свою коллекцию оружия. Позднее он так прижился в Кологриве, что его дважды избирали гласным городской думы. Подлинными хозяевами Кологрива всегда были купцы-лесопромышленники. Причем на лесе наживались здесь состояния миллионные. Известен случай, когда кологривский промышленник Деметрий Звонов завещал весь свой капитал тому из племянников, «кто на свои собственные средства построит церковь». За строительство храма Спаса Нерукотвор-

ногого взялся купец Иван Козлов. Небольшая церковь была великолепна по своему внутреннему убранству – сейчас она в заброшенном состоянии. Когда в 1911 году церковь была достройена и освящена, нотариус огласил завещание, по которому И.В. Козлов получил в наследство движимого и недвижимого имущества на сумму 9 миллионов рублей!

К сожалению, неизвестна сумма, потраченная другим лесопромышленником, Гавриилом Владимировичем Макаровым, на строительство собственного особняка. Дом этот из красного кирпича в виде огромного эстляндского замка можно считать главной архитектурной достопримечательностью Кологрива. Сейчас в нем размещается краеведческий музей. Однако когда-то он строился с дальним прицелом. Макаров был ярым сторонником прохождения в Кологрив Северной железной дороги, строительство которой началось еще в 1868 году: к концу века основные ее участки, связывающие центр с Ярославлем, Иваново и даже Архангельском, были уже построены, а вот как пройдет железнодорожный путь на северо-восток, до Костромы и дальше – было делом нерешенным. Видимо, подразумевалось, что железная дорога пройдет через Кологрив: иначе зачем бы Макарову строить свой дом на рельсах? Однако промышленники, сплавлявшие лес по Унже, посчитали, что железная дорога принесет им одни убытки. Состоялся сговор. Очевидно, дана была взятка – и трасса железной дороги прошла на 80 километров южнее, через Мантурово и Котельнич на Вятку. Поэтому здание «под вокзал» в Кологриве есть. А железной дороги – нет. В этом году и единственный автобус, связывающий Кологрив с железнодорожной станцией Мантурово, отменили. Так что если хочешь цивилизации – езжай к ней на такси. А если на такси денег нет – сиди дома...

Церковь Спаса Нерукотворного, построенная на средства лесопромышленника Звонова

ЧИЖОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

А как не рассказать о грандиозном просветительском проекте Федора Васильевича Чижкова? Уроженец Костромы, издатель, экономист славянофильского толка, он незадолго до смерти в 1877 году распорядился пожертвовать 6 миллионов рублей на создание пяти низших сельскохозяйственных училищ. Двух в Костроме и по одному – в Чухломе, Макарове и Кологриве. Название «низшие» не должно вводить нас в заблуждение: каждое из училищ представляло в своем роде университет. Чижовское училище открылось в 1892 году неподалеку от Кологрива, в усадьбе Екимце-

во. Помимо главного корпуса, выстроенного из красного кирпича в готическом стиле и рассчитанного на 160 человек, комплекс училища включал в себя общежития для учащихся и преподавателей, библиотеку, музей, оранжерею, химическую лабораторию, мастерские: столярную, слесарную и кузнечную; образцовую пасеку, скотные дворы, конюшню и четыре завода: кожевенный, льнообрабатывающий, сыроваренный и кирпичный. Вся программа училища была направлена на то, чтобы сделать доходным «неперспективное» сельское хозяйство северного края. Как экономист, Чижов понимал, что таких богатств три: животноводство, лен и лес. В стадии полной переработки. Училище, кстати, торговало своей продукцией и выручало за это прибыль порядка 1400 рублей в год (старыми). Электричество, водопровод, центральное отопление в главном здании – все это было просто невиданной роскошью для тогдашнего Кологрива.

В советское время статус училища был значительно повышен: оно было переименовано в Высший сельскохозяйственный техникум имени Ф.В. Чижова. На протяжении 69 лет техникум исправно выпускал классных специалистов, в том числе из союз-

А к этим столбикам могли привязывать гостевых лошадей

ных республик. Жаль только, что сама идея культурного сельскохозяйственного обновления северного края, предложенная Чижовым, кажется, всерьез так никого и не увлекла в советском руководстве. А в 1987 году техникум был закрыт и фактически разграблен. Сейчас всем комплексом бывшего чижовского училища владеет московская семья Намитоковых. Куплено с аукциона за бесценок, по цене автомобиля: за 730 тысяч рублей. С одной стороны, это хорошо: комплекс, по крайней мере, будет в сохранности. Но для чего он будет предназначен? Будет ли от него какая-нибудь польза?

ЕФИМ

Местный краеведческий музей носит имя Геннадия Александровича Ладыженского – уроженца Кологрива, прекрасного художника и страстного коллекционера, академика Императорской Академии художеств. Он долгое время работал и преподавал в Одессе, откуда, вернувшись к старости в Кологрив, привез не только замечательные картины и акварели, но и колоссальную коллекцию западноевропейской живописи и диковин из Турции, Персии, Китая и Японии, которую завещал родному городу. Но Кологрив плотен. Столько в нем всего сплетено:

Главная архитектурная достопримечательность Кологрива – краеведческий музей в здании «несостоявшегося» вокзала Гавриила Макарова

какой-то внутренней драматургии, людей, мыслей... Поэтому, отдав почетную дань Геннадию Ладыженскому, я рассказывать все же буду о Ефиме. Ефиме Честнякове: это художник абсолютный и нигде не виданный, ни на кого не похожий, как Велimir Хлебников в поэзии. Родился он в 1874 году в крестьянской семье в деревне Шаблово неподалеку от Кологрива и уже с раннего детства обнаружил странную для крестьянского сына страсть к рисованию. Ликовал, когда отец привозил из города серую курительную бумагу и красный карандаш. Но чтобы талант его мог развиться, он должен был учиться. Ефим окончил Кологривское уездное училище и Новинскую учительскую семинарию, что давало ему право называться народным учителем. Преподавал в Костроме в школе для малолетних преступников. Потом перевелся в Кинешму. Тоже глупыш! Он читает все, что может достать в провинции, участвует в театральном кружке, находится в центре духовной жизни провинциальной интеллигенции и, конечно же, все время рисует. Кто-то из его друзей из Кинешмы имел связи в Петербурге и отоспал несколько его рисунков И.Е. Репину. Тот от-

Знакомьтесь:
мы из Кологрива!

кликулся: «Несомненные способности! Хорошо, если бы нашлись люди, могущие оказать ему поддержку! Со своей стороны согласен принять его в свою студию на Галерной...» Друзья начинают сбор средств для поступления Честнякова в Академию художеств...

Ефим Честняков пережил два «петербургских» периода: 1899–1905 и 1913–1914. Между этими датами укладываются девять лет вдохновенной работы в Шаблово: именно в этот период зарождается его философия крестьянского трудового рая, оформляются мифологические мотивы творчества, главные символы-образы: «Тетеревинный король», «Чудесное яблоко», «Город всеобщего благоденствия»...

В Петербурге Честняков не чурался культурной жизни: посещал салон Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, был знаком с Андреем Белым, Александром Блоком, Федором Сологубом, Владимиром Соловьевым, Павлом Флоренским, Сергеем Булгаковым. Изучал историю искусств, теософию... Однако ни «чистое искусство», ни философские и религиозные беседы, которыми буквально переполнена была столица, его не удовлетворяют. Он мечтает вернуться на родину и начать работу по созданию искусства для крестьянского народа: он ведь застал еще мир деревни нераздробленным, полным поззии, гармонии крестьянского труда и внутренней чистоты. Вернуть поэзию и сказку в крестьянский мир, облечь его пониманием собственной значимости и высокого предназначения – вот программа-минимум Ефима Честнякова. Его часто называют «сказочником» и своего рода крестьянским утопистом: наверное, правильно и то, и другое. Но главным в творчестве Честнякова была все же евангельская идея любви и чистоты сердца. Посмотрите на его картины, они есть в Интернете: недаром великий реставратор Савелий Ямщиков называл Честнякова «авангардным» художником. Но

Этот зал музея целиком посвящен творчеству Ефима Честнякова

визна здесь не в манере письма, а в той духовной реальности, которую приоткрывает художник: мир преображеных добротою людей, не знающих ни корысти, ни зависти, ни зла как такового. В затаенной глубине его искусство религиозно, это – страстный псалом просветленного беспорочного сердца. В 1924 и 1928 годах в Кологриве состоялись две выставки художника. После одной из них он написал стихотворные строки:

*Люди, дети приходили,
В сказках бережно бродили,*

.....
*Любовались красотой,
Не чурались чистотой...*

Он восторженно принял революцию, преподавал в кологривской школе искусств, но революция сломала весь деревенский уклад, привела в деревню людей, не умеющих, по врожденному духовному увещью, понимать и «сказки», и «чистоту». Жизнь Честнякова складывалась непросто: была у него любимая девушка, Елизавета. Но во время пожара у нее так пожгло лицо, что родители выдали ее замуж за бобыля. А Ефим всю жизнь так и прожил анахоретом. Однолюбом оказался.

С 1930 года больших картин он уже не писал. С началом колхозного строительства обрываются его связи с той, старой, одновременно святой и языческой деревней, в которой он черпал свое вдохновение. Новые люди выходят на авансцену. В конце 1930-х «забирают» последнего близкого к нему человека – сестру Александру. Он замыкается в детях, лепит с ними глиняные игрушки, ставит спектакли, руководит художественным кружком... Картины свои он не хочет ни выставлять, ни продавать, отказывается публиковать сказки. Крестьяне считали его чуть ли не кудесником: во всяком случае, признавали в нем дар врачевательства и ясновидения. А для чужих, пришлых людей ему было проще прикинуться Ефимкой-дурачком, прокукарекать или попрыгать на одной ноге...

Он умирал вместе со старой деревней – больше всего боясь, что открытая им правда так и уйдет вместе с ним. В 1961 году скончался. А через семь лет в Шаблово приехала экспедиция Костромского музея изобразительных искусств и совершенно случайно обнаружила... пре-

красные осколки творчества великого художника Серебряного века: покерневшие от копоти и пыли картины на стенах изб, в сенях, на чердаках... Никому не известное имя: Ефим Честняков. Всего экспедиций было три. Потом несколько лет коллектив реставраторов живописи, возглавляемый Савелием Ямщиковым, буквально возрождал эти картины к жизни: достаточно сказать, что полотно «Город всеобщего благоденствия» было разрезано крестьянами на семь кусков, чтобы главным почитателям картины досталось хотя бы понемножку... И все-таки все полотна Честнякова были восстановлены!

Ну а потом начинаются выставки и производят настоящий фурор. Только в Москве с 1977 по 1987 прошло шесть выставок. А после 1987 года Ефима Честнякова забыли: на поверхность хлынули другие смыслы, до доживающего в северных деревнях народа никому в общем-то не стало никакого дела, и пророк этого народа был позабыт. Очень хочется верить, что на время. Потому что он знал глубокую правду, великую правду. Правду Христа.

ГУСИНЫЙ ПРАЗДНИК

...Ко Дню гуся в Кологриве начали готовиться загодя. Еще в пятницу расчистили газон перед стендами с портретами шести кологривчан – героев Отечественной войны. А в субботу, не успели мы собраться, как на главной площади уж грязнула музыка, и пока мы продирались

День гуся впервые праздновали в Кологриве в 2006 году. За одиннадцать лет праздник прижился, отмечают его всем городом

А эти люди в День гуся специально съехались из разных городов, чтобы наблюдать перелетных гусей в живой природе

сквозь толпу возле торговых киосков, глава района Роман Милютин уже произнес вступительное слово, в котором сказал, что очень хорошо, что гуси вдруг полюбили город и что Кологрив заслуженно считают «гусиной столицей» России. Потом выступали дети в симпатичных руodelльных костюмах гусят. После начался концерт. Я думал: а есть ли во всем этом хоть маленькая толика веселья? И, глядя на окружающих людей, не мог ответить отрицательно. Кологрив плотный. Маленький. Все здесь друг друга знают: а это уже повод собраться.

Хотя, похоже, главные события разворачивались в этот момент на дамбе, откуда видна Кологривская пойма. Орнитологи из Института географии РАН установили тут несколько подзорных труб на треногах, и вокруг них толпился народ из автобусов, приехавших на День гуся из Шары, Костромы и Ярославля... То есть он кого-то интересует, этот День гуся. Гуси, по крайней мере, всех прибывающих живо интересовали: люди подолгу рассматривали гусей и пытались их сфотографировать через окуляры подзорных труб. Гуси, почувствовав неослабевающее внимание, повели себя как настоящие артисты. Они во множестве скапливались у дамбы и всячески позировали. Время от времени они взлетали целыми стаями и проносились над головами туристов, которых эти пролеты приводили в полный восторг. Так рождалась живая экология. В этот же день состоялся неожиданный праздник и у наших друзей-орнитологов. В их ловушку наконец-то попало несколько птиц. Ловят гусей для того, чтобы окольцевать или определить по старым кольцам их прежнее местонахождение. Потом у них берут на анализ кровь. Потом надевают на шею ошейник яркого цвета, на котором обозначено несколько цифр и несколько букв. В них закодирована основная информация о птице. Так составляется глобальная карта гусиных перелетов и стоянок.

НА КОМ ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТСЯ

— Ну вот, я говорю, Саша Ершов. Там колхоз был, «Трудовик», в нем одна женщина-председатель, у нее вся техника: так оно обычно бывает. Но мы ее уговорили: ты возьми, говорим, себе все, что нужно, но землю, основные мастерские ты оставь, мы найдем тебе парня, который будет работать. В общем, возродили хозяйство. И парень пашет теперь, зерновые сеет — пшеницу, овес. И все у него выходит. Или вот деревня Красавица — Володя Водов: у него 150 коров обычновенной костромской породы содержатся круглый год на вольном выпасе. Только шерстью зимой обрастают. Из них отличное мраморное мясо получается. Самая экологически чистая продукция. Рестораторы из Ярославля просят: только давай! Проблема — вывезти. Еще в Зеленино семья москвичей живет. Светлана и Денис. Она художница, в школе искусств преподает, все хочет лошадей развести. Только вот лошадей у них пока только три...

Михаил Николаевич Зарубин — фермер с 1989 года. После армии в «Сельхозхимии» работал, учительствовал, а как задули ветры перемен — уперся: хочу фермером. Но что самое интересное, во время фермерства своего он был избран, как независимый депутат, главой района. Победил соперника из «Единой России» со счетом 80 процентов против 20 процентов. Ну, и отработал три года, «сходил во власть», кое в чем разобрался. Я спросил: «А за эти три года удалось что-нибудь сделать?» Он подумал: три моста построил — раз. Ершовское хозяйство поднял — два. Ну, и дорогу гравийную насыпал в одну деревню — она три месяца в году непроезжая была, стыдно людям в глаза смотреть — сделали. Хотя проверками меня замучили потом.

— Ну а что дороги? Почему в таком состоянии? Власти, они что — воруют, что ли?

— Да нет, — говорит, — просто денег хватает только на так называемый «латочный» ремонт.

Несмотря на позднюю весну, в этом году в Кологривской пойме «отдыхало» не менее 16 тысяч гусей

А что это такое — вы знаете. В бюджете района денег — почти ноль. Налоги все в центр уходят. С леса — основного промышленного ресурса в Кологриве — мы ни копейки не имеем. Деньги только на федеральном уровне. А государство нашей дорогой заниматься не станет, да и городом тоже. Вот деньги выжимать из людей — это у него хорошо получается. Было у нас тут хозяйство хорошее в Межевском районе, взяли бывший колхоз, стали животноводством заниматься, дело у них пошло... А недавно приезжаю: всё, говорят. Достали своими налогами, проверками бесконечными: сегодня проверяют, завтра втыкают. Надоело.

Насильно, как говорится, мил не будешь. Советская власть не любила крестьянство, вернее, любую попытку его самостоятельности, а новая — не понимает. Как будто кредитами и ипотеками похвально деньги зарабатывать, а вот собственным трудом — нет. Жаль, на всю страну нет сейчас ни одного экономиста толкового вроде Чижова. Славянофилов не хватает! Те-то крестьянство всячески поощряли. Потому что фермер — труженик настоящий. Да еще и свободный человек. Это — отборный, штучный народ. Такой беречь надо.

Чтобы родную землю в порядке содержать — одной вертикали мало. Горизонталь нужна. Россия — страна горизонтальная. Ведь если бы не фермеры нынешние, которых по пальцам можно пересчитать, вчерашние поля таким бы лесом за двадцать лет заросли, что тут корову и представить себе было бы невозможно. А пасутся — красивые, гладкие. И поля фермерские — ухожены так, что любодорого смотреть. А это всегда приятно — видеть родину ухоженной и любовно возделанной. Ведь сколько ни смотри на Запад или на Восток, страна у нас особенная. Мы любим об этом говорить, но, как кажется из глубины глубинки, очень на самом деле плохо себе представляем, что это такое — Россия. ●

Для орнитолога важно не просто поймать гуся, а выяснить, откуда он, окольцевать, сделать птицу индивидуально-распознаваемой

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписька
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru